

Э 1761 04572996 9

ЛЪСКОВА

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ

ИЗДАНИЕ А. Я. МАРИСА

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Leskov, Nikolai, Semenovitch

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
Polnoe sobranie
СОЧИНЕНИЙ
sochineny

Н. С. ЛѢСКОВА.

izd. 3

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

т. 22 = 24

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

551537
27.10.52

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1903.

Артистическое заведение А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

НЕКРЕЩЕННЫЙ ПОПЪ.

НЕВЪРОЯТНОЕ СОБЫТІЕ.

(Легендарный случай).

Разсказъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ своемъ пріятельскомъ кружкѣ мы остановились надъ слѣдующимъ газетнымъ извѣстіемъ:

«Въ одномъ селѣ священникъ выдавалъ замужъ дочь. Разумѣется, пиръ былъ на славу, всѣ поднили порядкомъ и веселились по-сельскому, по-домашнему. Между прочимъ, мѣстный діаконъ оказался любителемъ хореографическаго искусства и, празднуя веселье, «веселыми ногами», въ одушевленіи, отхваталъ передъ гостями *трепака*, чѣмъ всѣхъ привелъ въ немалый восторгъ. На бѣду на томъ же пиру былъ благочинный, которому такое дѣяніе діакона показалось весьма оскорбительнымъ, заслуживающимъ высшей мѣры взысканія, и въ ревности своей благочинный настроилъ доносъ архіерею о томъ, какъ діаконъ на свадьбѣ у священника «ударилъ *трепака*». Архіепископъ Игнатій, получивъ доносъ, написалъ такую резолюцію:

«Діаконъ N *ударилъ трепака*»...

Но *трепакъ* не просить;

Зачѣмъ же благочинный доносить?

Вызвать благочиннаго въ консисторію и допросить».

«Дѣло окончилось тѣмъ, что доноситель, проѣхавъ полтора-раста верстъ и не мало израсходовавъ денегъ на поѣздку, возвратился домой съ виушеніемъ, что благочинному слѣ-

довало бы на мѣстѣ, словесно, сдѣлать внушеніе діакону, а не заводить кляузъ изъ-за *одного*— и притомъ исключительнаго случая».

Когда это было прочитано, всѣ единогласно поспѣшили выразить полное сочувствіе оригинальной резолюціи пр. Игнатія, но одинъ изъ насъ, большой знатокъ клироваго быта, имѣющій всегда въ своей памяти богатый запасъ анекдотовъ изъ этой своеобразной среды, вставилъ:

— Хорошо-то это, господа, пускай и хорошо: благочинному дѣйствительно не слѣдовало «заводить кляузъ изъ-за *одного*, и притомъ исключительнаго случая»; но случай случаю рознь, и то, что мы сейчасъ прочитали, приводитъ мнѣ на память другой случай, донося о которомъ благочинный поставилъ своего архіерея въ гораздо большее затрудненіе, но однако и тамъ дѣло сошло съ рукъ.

Мы, разумеется, попросили своего собесѣдника рассказать намъ его затруднительный случай, и услышали отъ него слѣдующее.

Дѣло, о которомъ по вашей просьбѣ надо вамъ рассказывать, началось въ первые годы царствованія императора Николая Павловича, а разыгралось уже при концѣ его царствованія, въ самые суматошные дни нашихъ крымскихъ неудачъ. За тогдашними, большой важности событіями, которыя такъ естественно овладѣли всеобщимъ вниманіемъ въ Россіи, казусное дѣло о «некрещеномъ попѣ» сверглось подъ шумокъ и хранится теперь только въ памяти остающихся до сихъ поръ въ живыхъ лицъ этой замысловатой исторіи, получившей уже характеръ занимательной легенды новѣйшаго происхожденія.

Такъ какъ дѣло это въ своемъ мѣстѣ весьма многимъ извѣстно, и главное лицо, въ немъ участвующее, до сихъ поръ благополучно здравствуетъ, то вы должны меня извинить, что я не буду указывать мѣсто дѣйствія съ большою точностію и стану избѣгать называть лица ихъ настоящими именами. Скажу вамъ только, что это было на югѣ Россіи, среди малороссійскаго населенія, и касается некрещенаго попа, отца Саввы, весьма хорошаго, благочестиваго чловѣка, который и до сихъ поръ благополучно здравствуетъ и священствуетъ и весьма любимъ и начальствомъ, и своимъ мирнымъ сельскимъ приходомъ.

Кромѣ собственнаго имени отца Саввы, которому я не

вижу пужды давать псевдонимъ, всѣ другія имена лицъ и мѣсть я буду ставить иныя, а не дѣйствительныя.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Итакъ, въ одномъ малороссійскомъ казачьемъ селѣ, которое мы, пожалуй, назовемъ хоть Паринсами, жилъ богатый казакъ Петро Захаровичъ, по прозвищу Дукачъ. Человѣкъ онъ былъ уже въ лѣтахъ, очень богатый, бездѣтный и грозный-прегрозный. Не былъ онъ *миродомъ*, въ великорусскомъ смыслѣ этого слова, потому что въ малороссійскихъ селахъ *мироѣдство* на великорусскій ладъ неизвѣстно, а былъ, что называется, *дукачъ* — человѣкъ тяжелый, сварливый и дерзкій. Всѣ его боялись и при встрѣчѣ съ нимъ открещивались, поспѣшно переходили на другую сторону, чтобы Дукачъ не обругалъ, а при случаѣ, если его сила возьметъ, даже и не побилъ. Родовое его имя, какъ это нерѣдко въ селахъ бываетъ, всѣми, самымъ капитальнымъ образомъ, было позабыто и замѣнено уличною кличкою и прозвищемъ — «Дукачъ», что выражало его непріятныя житейскія свойства. Эта обидная кличка, конечно, не содѣйствовала смягченію нрава Петра Захарыча, а напротивъ, еще болѣе его раздражала и доводила до такого состоянія, въ которомъ онъ, будучи отъ природы весьма умнымъ человѣкомъ, терялъ самообладаніе и весь разсудокъ и метался на людей какъ бѣсноватый.

Стоило завидѣвшимъ его гдѣ-нибудь играющимъ дѣтямъ въ перепугѣ броситься врозсыпь, съ крикомъ: «ой, лышенько, старый Дукачъ иде», какъ уже этотъ перепугъ оказывался не напраснымъ: старый Дукачъ бросался въ погоню за разбѣгающимися ребятишками со своею длинною палкою, какую приличествуетъ имѣть въ рукахъ настоящему степенному малороссійскому казаку, или съ случайно сорванною съ дерева хворостиною. Дукача, впрочемъ, боялись и не одни дѣти: его, какъ я сказалъ, старались подалеже обходить и взрослые, — «абы до чого не прычывся». Такой это былъ человѣкъ. Дукача никто не любилъ и никто ему не сулилъ ни въ глаза, ни за глаза никакихъ благожеланій, напротивъ, всѣ думали, что Небо только по непонятному упущенію коснитъ давно разразить сварливаго казака вдребезги такъ, чтобы и потроха его не осталось, и всякій, кто какъ могъ, охотно бы постарался поправить

это униженіе Промысла, если бы Дукачу, какъ на зло, отвсюду незримо «не перлю счастье». Во всемъ ему была удача,—все точно само шло въ его желѣзныя руки: огромныя стада его овецъ плодились какъ стада Лавановы при досмотрѣ Іакова. Для нихъ уже вблизи и степей не доставало; полъвые, круторогіе вола Дукача сильны, росли и тоже чуть не сотнями паръ ходили въ новыхъ возахъ то въ Москву, то въ Крымъ, то въ Нѣжинъ; а пчелиная пасѣка въ своемъ липнякѣ, въ теплой запуши была такая, что колодки надо было считать сотнями. Словомъ, богатство по казачьему званію — несмѣтное. И за что все это Богъ далъ Дукачу? Люди только удивлялись и успокоивали себя тѣмъ, что все это не къ добру, что Богъ, навѣрное, этакъ «манитъ» Дукача, чтобы онъ больше возвеличался, а потомъ его и «стукнетъ», да ужъ такъ стукнетъ, что на всю околицу слышно будетъ.

Ждали добрые люди этой расправы надъ лихимъ казакомъ съ нетерпѣніемъ, но годы шли за годами, а Богъ Дукача не стукалъ. Казакъ все богатѣлъ и кичился, и ни откуда ничто ему достойное его лютовства не угрожало. Общественная совѣсть была сильно смущена этимъ. Тѣмъ болѣе, что о Дукачѣ нельзя было сказать, что ему отплатится на дѣтяхъ: дѣтей у него не было. Но вотъ вдругъ старая Дукачиха стала чего-то избѣгать людей, — она конфузилась или, по-мѣстному, «соромылась», — не выходила на улицу, и вслѣдъ затѣмъ по околицѣ разнеслась новость, что Дукачиха «непорожня».

Умы встрепенулись и языки заговорили: давно утомленная ожиданіемъ общественная совѣсть ждала себѣ близкаго удовлетворенія.

— Що-то буде за дитына! що-то буде за дитына анти христова? И чи воно родиться, чи такъ и пропаде въ жывоти, щобъ ему не бачыть билаго свиту!

Ждали этого всѣ съ нетерпѣніемъ и, наконецъ, дождались: въ одну морозную декабрьскую ночь, въ просторной хатѣ Дукача, въ священныхъ мукахъ родового страданія, явился ребенокъ.

Новый жилецъ этого міра былъ мальчикъ, и притомъ, безъ всякаго звѣровиднаго уродства, какъ хотѣлось всѣмъ добрымъ людямъ; а напротивъ, необыкновенно чистенькій и красивый, съ черною головкою и большими голубыми глазками.

Бабку Керасиху, которая первая вынесла эту новость на улицу и клялась, что у ребенка нѣтъ ни рожковъ, ни хвостика, оплевали и хотѣли побить, а дитя все-таки осталось хорошенькое — прехорошенькое и къ тому же еще удивительно смиренное: дышало себѣ потихонечку, а кричать точно стыдилось.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Когда Богъ даровалъ этого мальчика, Дукачъ, какъ выше сказано, былъ уже близокъ къ своему закату. Лѣтъ ему въ ту пору было, можетъ-быть, болѣе пятидесяти. Извѣстно, что пожилые отцы горячо принимаютъ такую новость, какъ рожденіе перваго ребенка, да еще сына, наслѣдника имени и богатства. И Дукачъ былъ этимъ событіемъ очень обрадованъ,—но выражалъ это, какъ позволяла ему его суровая натура. Прежде всего, онъ призвалъ къ себѣ жившаго у него бездомнаго племянника, по имени Агапа, и объявилъ ему, чтобы онъ теперь уже не дулъ губу на дядино наслѣдство, потому что теперь уже Богъ послалъ къ его «худоби» настоящего наслѣдника, а потомъ приказалъ этому Агапу, чтобы онъ сейчасъ же снарядился въ новый чепанъ и шапку и готовился, чуть забрезжитъ заря, идти съ посыломъ до заѣзжаго судейскаго паныча и до молодой поповны,—звать ихъ въ кумовья.

Агапу тоже уже было лѣтъ подъ сорокъ, но онъ былъ человѣкъ загнанный и смотрѣлъ съ виду цыпленкомъ съ зачичкавшеюся головенкою, на которой у него сбоку была пресмѣшная лысина, тоже дѣло руки Дукача.

Когда Агапъ въ отрочествѣ осиротѣлъ и былъ взятъ въ Дукачевъ домъ, онъ былъ живой и даже шустрый ребенокъ, и представлялъ для дяди ту выгоду, что зналъ грамотѣ. Чтобы не кормить даромъ племянника, Дукачъ съ перваго же года сталъ посылать его со своими чумаками въ Одессу. И когда Агапъ, одинъ разъ возвратясь домой, сдалъ дядѣ отчетъ и показалъ расходъ на новую шапку, Дукачъ осердился, что тотъ смѣлъ самовольно сдѣлать такую покунку, и такъ жестоко побилъ парня по шеѣ, что она у него очень долго болѣла и потомъ навсегда немножко скособочилась; а шапку Дукачъ отобралъ и повѣсилъ на гвоздь, пока ее моль съѣстъ. Кривошей-Агапъ ходилъ годъ безъ шапки и былъ у всѣхъ добрыхъ людей «посмѣхачемъ». Въ это время

онъ много и горько плакать, и имѣть досугъ надуматься, какъ помочь своей нуждѣ. Самъ онъ уже давно отуиѣлъ отъ гоненій, но люди наговорили ему, что онъ могъ бы съ своимъ дядькомъ справиться, только не такъ просто, черезъ примоту, а черезъ «полытыку». И именно черезъ такую политику, тонкую, чтобы шапку купить, а расходъ на нее не показывать, а такъ «расписать» тѣ деньги гдѣ-нибудь понемножечку, по другимъ статьямъ. А ко всему этому, на всякій случай, идучи къ дядѣ, взять самое длинное полотенце, да въ нѣсколько разъ обмотать имъ себѣ шею, чтобы, если Дукачь станетъ драться, то не было бы очень больно. Агапъ взялъ себѣ на умъ эту науку, и вотъ черезъ годъ, когда дядя погналъ его опять въ Нѣжинъ, онъ ушелъ безъ шапки, а вернулся и съ отчетомъ, и съ шапкою, которой ни въ какихъ расходахъ не значилось. Дукачь спервоначала этого и не замѣтилъ, и даже было похвалилъ племянника, сказавъ ему: «Треба-бъ тебе побиты, да ни за що». Но тутъ бѣсъ и дернулъ Агапа показать дядьку, какъ несправедлива на свѣтѣ человѣческая правда! Онъ попробовалъ, хорошо ли у него намотано на шею длинное полотенце, которое должно было служить для его политическихъ соображеній, и, найдя его въ добромъ порядкѣ, молвилъ дядѣ:

— Эге, дядьку, добре! ни за що биты! Ось така-то правда на свити!

— А яка-жъ правда?

— А ось яка правда: выбачайте дядьку. — И Агапъ, щелкнувъ по бумажкѣ, сказалъ:—нема тутъ шапки?

— Ну, нема,—отвѣчалъ Дукачь.

— А отъ же и есть шапка,—похвалился Агапъ и насадилъ набекрень свою повую франтовскую шапку изъ рѣшетлиовскихъ смушекъ.

Дукачь посмотрѣлъ и говоритъ:

— Добра шапка. А ну дай и мени помирять.

Надѣлъ на себя шапку, подошелъ къ осялку зеркальца, вправленному въ досточку, оклеенную яркою пестрою бумажкою, потряхнулъ сѣдою головою и опять говоритъ:

— А до лиха, бачъ и справди така добрая шапка, що хочъ бы и мени, то було бъ добре въ ні ходити.

— А ничего соби, добре бъ було.

— II де ты ні, вражій сынъ, укравъ?

— Що вы, дядьку, на що я буду красты! — отвѣчала Агапъ: — нехай отъ сего Богъ боронить, я зроду не красть.

— А де жь ты ин ухонивъ?

Но Агапъ отвѣтилъ, что онъ совсѣмъ шапки не хапалъ, а такъ себѣ, просто ее досталъ черезъ полытыку.

Дукачу это показалось такъ смѣшно и невѣроятно, что онъ разсмѣялся и сказалъ:

— Да ну годи вже тебѣ дурню: де таки тоби робить полытыку?

— А отъ же и сробывъ.

— Ну мовчи.

— Ей-Богу удѣлалъ.

Дукачъ только молча погрозилъ ему пальцемъ; но тотъ стоитъ на своемъ, что онъ «полытыку удѣлалъ».

— И де въ чорта, та пыха у тебя взялась въ голви, — заговорилъ Дукачъ: — де же сему дилу быть, щобы ты, такій сельскій квакъ, да въ Нѣжинѣ могъ полытыку дѣлать?

Но Агапъ стоялъ на своемъ, что онъ дѣйствительно удѣлалъ полытыку.

Дукачъ велѣлъ Агапу сѣсть и все какъ есть про сдѣланную имъ политику рассказывать, а самъ налилъ себѣ въ плошку сливяной наливки, запалилъ люльку и приготовился долго слушать. Но долго слушать было нечего. Агапъ повторилъ дядѣ весь свой отчетъ и говорить:

— Нѣма тутъ шапки?

— Ну, нѣма, — отвѣчалъ Дукачъ.

— А вотъ же тутъ и есть шапка!

И онъ открылъ, что именно, сколько копеекъ и къ какой расходной статьѣ имъ присчитано, и говорилъ онъ все это весело, съ открытою душою и съ полною надеждою на туго намотанное на шеѣ полотенце; но тутъ-то и случилась самая непредвидѣнная неожиданность: Дукачъ, вмѣсто того, чтобы побить племянника по шеѣ, сказалъ:

— Ишь ты и справи якый полытыкъ: укравъ, да и шию закрутивъ, щобъ не больно було. Ну, такъ я же тоби дамъ другую полытыку, — и съ этимъ онъ дернулъ клокъ волосъ, замершій у него въ рукѣ.

Такъ кончилась эта политическая игра дяди съ племянникомъ и, сдѣлавшись извѣстной на селѣ, укрѣпила за Дукачемъ еще болѣе твердую репутацію, что этотъ чело-

вѣкъ «якъ камень» — ничѣмъ его не возьмешь: ни прямою, ни политикою.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Дукачь всегда жилъ одиноко: онъ ни къ кому не ходилъ, да и съ нимъ никто не хотѣлъ близко знаться. Но Дукачь объ этомъ, повидному, нимало и не скорбѣлъ. Можетъ-быть, ему это даже нравилось. По крайней мѣрѣ, онъ не безъ удовольствія говаривалъ, что въ жизнь свою никому не кланялся и не поклонился, — и случая такого не чаялъ, который могъ бы заставить его поклониться. Да и въ самомъ дѣлѣ и изъ-за чего онъ сталъ бы кого-нибудь занекивать? Волось и всякой худобы много; а если этимъ Богъ накажетъ, — волы попадаютъ или что пожаромъ сгорить, такъ у него вволю и земли, и луговъ, — все въ порядкѣ, все опять снова уродится, и онъ снова разбогатѣетъ. А хоть бы и не такъ, то онъ хорошо знаетъ въ дальнемъ лѣсу одинъ примѣтный дубъ, подъ которымъ закопанъ добрый казанокъ съ старыми рублевиками. Стоить его достать оттуда, такъ и безъ всякихъ хлопотъ можно цѣлый вѣкъ жить, и то не прожить. Что же значили ему люди? Дѣтей, что ли, ему съ ними крестить, — но у него дѣтей не было. Или для того, чтобы утѣшить свою Дукачиху, которая по бабьей прихоти приставала:

— Что, молъ, насъ всѣ боятся, да намъ завидуютъ, — лучше бы сдѣлать, чтобы насъ кто-нибудь любить сталъ.

Но стоило ли это бабѣ ныть казачьяго вниманія.

И вотъ шли года за годами, пронося надъ головою Дукача безвредно всякія житейскія случайности и невзгоды, а случай, который могъ заставить его поклониться людямъ, все-таки его не облетѣлъ мимо: теперь люди ему понадобились, чтобы дитя крестить.

Всякому иному, не такому гордому человѣку, какъ Дукачь, это, разумѣется, ничего бы не составляло, но Дукачу ходить, звать, да еще упрашивать было не подѣсть. Да еще кого звать и кого «упрашивать»? — Ужъ разумѣется не кого-нибудь, а самыхъ первыхъ людей: молодую поповну-щеголиху, которая ходила въ деревнѣ въ полтавскихъ шляпкахъ, да судового паныча, что гостилъ объ эту пору у отца дьякона. Положимъ, это компанія хорошая, но что-то страшно: ну какъ они откажутъ? Дукачь помнилъ,

что вѣдь не обращалъ вниманія онъ не только на простыхъ людей, но не уважалъ и отца Якову, а съ дьякономъ прямо одинъ разъ на греблѣ «бился» за то, что тотъ, вѣдучи ему навстрѣчу, не хотѣлъ съ дороги въ грязь своротить. Чего добраго, и они этого не позабыли и теперь, — когда гордому казаку пришла въ нихъ нужда, — они ему это, пожалуй, и вспомнятъ. Дѣлать, однако, было нечего. Дукачъ поднялся на хитрость: избѣгая самолично встрѣтить отказъ, онъ послалъ звать кумовьевъ Агана. А чтобы и тому было поваднѣе, снабдилъ его зваными дарами деревенскаго припасенія, которые вынулъ изъ завѣтной скрыни: панночкѣ высокій черепаховый гребень «съ огородомъ», а панычу золоченую склянку пѣтухомъ съ нѣмецкою подписью. Но все это вышло напрасно: кумовья отказались и даровъ не приняли; да еще, по словамъ Агана, и въ глаза ему насмѣялись: что, дескать, чего Дукачъ и заботится: развѣ дѣтей такихъ злодѣевъ, какъ онъ, можно крестить? А когда Аганъ замѣтилъ, что неужто дитя цѣлую недѣлю останется не крещено, то будто самъ попу — отецъ Яковъ — прямо пророковалъ: что не недѣлю, а цѣлый вѣкъ ему оставаться некрещенымъ.

Услыхавъ это, Дукачъ сложилъ правою рукою дулю, сунулъ ее племяннику въ носъ и велѣлъ поднести это за пророчество отцу Якову. А чтобы Агану веселѣе было идти, — повернулъ его другою рукою и выпроводилъ по потылицѣ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Аганъ, разумѣется, не считалъ этого за самый худшій исходъ, какого онъ могъ ожидать за свое неудачное посольство, и, закатаясь съ дядиныхъ глазъ въ корчму, успѣлъ рассказать бывшее такъ хорошо, что черезъ полчаса объ этомъ знало все селеніе, и всѣ, отъ мала до велика, радовались тому, что отецъ Яковъ «въ книгахъ вычиталъ, якъ Дукаченку на роду писано остаться некрещенымъ». И если бы теперь старый Дукачъ забылъ всю свою важность и сталъ звать послѣдняго изъ послѣднихъ на селѣ, то онъ навѣрно бы никого не дозволялся, но Дукачъ это зналъ; — онъ зналъ, что находился въ положеніи того волка, который всѣмъ чѣмъ-нибудь нагадилъ, и что ему потому некуда дѣться и не отъ кого искать защиты. Онъ пошелъ напро-

домъ: сунувъ къ носу Агана дулю, адресованную отцу Якову, онъ рѣшилъ обойтись не только безъ содѣйствія всѣхъ своихъ односельчанъ, но и безъ услугъ самого отца Якова.

На зло всѣмъ, но, можетъ-быть, особенно отцу Якову, Дукачъ рѣшилъ окрестить сына въ чужомъ приходѣ, въ селѣ Перегудахъ, которое отстояло отъ Паринскъ не болѣе какъ на семь или на восемь верстъ. А чтобы не откладывать сибирнаго дѣла въ долгій ящикъ, — окрестить сына немедленно, а именно нынче же, — чтобы завтра объ этомъ и разговоръ не было; а напротивъ, чтобы завтра же всѣ знали, что Дукачъ настоящій казакъ, который никому въ насмѣшку не дается и можетъ безъ всѣхъ обойтись. Кумъ у него уже былъ избранъ, — самый неожиданный, — это Агапъ. Правда, что такой выборъ многихъ могъ удивить, но на то у Дукача былъ отводъ: онъ бралъ простыхъ кумовьевъ, — «встрѣчныхъ», какъ на то есть повѣрье, что такихъ Богъ посылаетъ. Агапъ и взаправду былъ первый «встрѣчникъ», на котораго богатый казакъ на перваго взглянулъ при извѣстїи о новорожденномъ; а первая «встрѣчица» была бабка Керасивна. Ее взять въ кумы было немножко неловко, потому что Керасивна имѣла несовсѣмъ стройную репутацію: она была самая несомнѣнная вѣдьма, — столь несомнѣнная, что этого не отрицалъ даже самъ ея мужъ, очень ревнивый казакъ Керасенко, изъ котораго эта хитрая жинка весь духъ и всю его нестерпимую ревность выбила. Обрата его въ самага битаго дурня, жила она на всей своей вольной волѣ, — немножко шинкуя, немножко промышляя то повитушествомъ, то продажею палиницъ, то, наконецъ, просто «срывая цвѣты удовольствїй».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Вѣдьмовство ея знали и старъ и малъ, — потому что случай, обнаружившїй это, былъ самый гласный и скандальный. Керасивна еще въ дивчинахъ была безстрашная самовольница, — жила въ городахъ и имѣла какую-то мудренаго вида скляницу съ рогатымъ чортомъ, которую ей подарилъ рогачевскїй дворянинъ съ Покоти, отливавшїй такія чертовщины въ сосѣдней гутѣ. И Керасивна пила себѣ на здоровье изъ этой скляницы и была здорова. И, наконецъ, мало всего этого, — она показала самую невоз-

можную отвагу, добровольно согласясь выйти замужъ за Керасенка. Этому никто не могъ сдѣлать кромѣ женщины, которая ничего не боится, потому что Керасенко, завѣдомо, уже уморилъ своею ревностью двухъ женъ, и когда нигдѣ въ окрестности не могъ найти себѣ третьей, то тогда эта окаянная Христя сама ему набилась и вышла за него, только такое условіе сдѣлала, что онъ ей всегда будетъ вѣрить. Керасенко на это согласился, а самъ думалъ:

«Дура баба: такъ я тебѣ и стану вѣрить! — дай женюсь, — я тебя и на шагъ отъ себя не отпущу».

Всякая бы на мѣстѣ Христи это предвидѣла, но эта шустрая дивчина словно оглупѣла: и не только ничего не побоялась и вышла за ревниваго вдовца, да еще взяла и совсѣмъ его передѣлала, такъ что онъ вовсе пересталъ ее ревновать и далъ ей жить на всей ея вольной волѣ. Вотъ это-то и было устроено самымъ коварнымъ вѣдьмовствомъ и при несомнѣнномъ участіи чорта, котораго сосѣдка Керасивны, Пиднебесная, сама видѣла въ образѣ человѣческомъ.

Это было вскорѣ же послѣ того, какъ Керасенко женился на бойкой Христѣ, и хотъ тому теперь прошелъ уже добрый десятокъ лѣтъ, однако бѣдный казакъ, конечно, и о сю пору хорошо помнилъ этотъ чертовскій случай. Было это зимою, подъ вечеръ на праздникахъ, когда никакому казаку, хотъ бы и самому ревнивому, не вмочь усидѣть дома. А Керасенко и самъ «нудилъ свитомъ» и жену никуда не пускалъ, и произошла у нихъ изъ-за этого баталія, при которой Керасивна сказала мужу:

— Ну, якъ ты выйшовъ на своемъ словѣ невірный, то я же тебѣ зроблю лихо.

— Якъ лихо! якъ ты мени лихо зробишь? — заговорилъ Керасенко.

— А зроблю да и усе тутъ буде.

— А якъ я тебе зъ очей не выпущу?

— А я на тебе мару напушу.

— Якъ мару? — хйба ты видьма?

— А отъ побачишь чи я видьма, чи я ни видьма.

— Добре.

— Отъ побачишь: дивись на мене, держись за мене, а я свое зроблю.

И еще срокъ назначила:

— Три дня, — говоритъ, не пройдетъ, — какъ сдѣлаю.

Казакъ сидитъ день, сидитъ два, просидѣлъ и третій до самаго до вечера и думаетъ: «срокъ кончился, а щобъ мене сто чортіевъ сразу взяли, якъ дома скучно... а Пиднебеснихинъ шинокъ якъ разъ противъ моей хаты, изъ оконъ въ окна: — мині звідтиль все видно будетъ, якъ кто-нибудь поидеть ко миѣ въ хату. А я тѣмъ часомъ тамъ вынюю двѣ-три або четыре четвертки... послушаю, що люди гомонять, що въ городу чутъ... и потанцюю,—позабавлюся».

И онъ пошелъ, — пошелъ и сѣлъ, какъ думалъ, у окна, такъ что ему видно всю свою хату, видно, какъ огонь горитъ; видно, какъ жинка тамъ и сямъ мотається. Чудесно! И Керасенко сѣлъ себѣ, да попиваетъ, а самъ все на свою хату посматриваетъ; но откуда ни возмись сама вдова Пиднебесная замѣтила эту его продѣлку, да и ну надъ нимъ подтрунивать: эхъ, моль, такой-сякой, ты глушій казакъ, — чего ты смотришь, — въ жизнь того не усмотришь.

— Ну добре, — ще побачимъ!

— Нічого и бачить, — де за нами, жинками, больше смотрять, тамъ намъ жинкамъ самъ бисъ помогае.

— Говори-ка, говори себѣ, — отвѣчалъ казакъ: — а якъ я самъ на жинку дивитимусь, то коло иі и чортъ ничего не зробить.

Тутъ всѣ и закивали головами.

— Ахъ, нехорошо такъ, Керасенко, ахъ нехорошо! — или ты некрещеный человекъ, или ты до того осатанѣлъ, что и въ самого бѣса не вѣруешь.

И всѣ этимъ такъ возмутились, что даже кто-то изъ толпы крикнулъ:

— Да що еще на него смотрѣть: дать ему такого про-чухана, щобъ вінъ тричі перевернувся и на добру виру ставъ.

И его дѣйствительно чуть не побили, къ чему, какъ онъ замѣтилъ, особенное стремленіе имѣлъ какой-то чужой человекъ, о которомъ Керасенку вдругъ ни съ того, ни съ сего вздумалось, что это не кто иной, какъ тотъ самый рогачевскій дворянинъ, который подарилъ его женѣ склянку съ чортомъ и изъ-за котораго у нихъ съ женою передъ самою свадьбою было объясненіе, окончившееся условіемъ, чтобы объ этомъ человекѣ больше уже не разговаривать.

Условіе было заключено страшной клятвой, что если Ке-

расенко хоть разъ вспомнить про дворянина, то будетъ онъ тогда за это у чорта въ зубахъ. И Керасенко это условіе помнилъ. Но только теперь онъ былъ пьянъ и не могъ снести своего замѣшательства: зачѣмъ тутъ явился рогачевскій дворянинъ? И онъ поспѣшилъ домой, но дома не засталъ жены, и это ему показалось еще несообразнѣе.

«Не вспоминать-то,—думалъ онъ,—это точно мы условились о немъ не вспоминать, а на что же онъ тутъ вертится, — и зачѣмъ моей жены дома нѣтъ?»

И когда Керасенко находился въ такихъ размышленіяхъ, ему вдругъ показалось, что у него въ сѣняхъ за дверью кто-то поцѣловался. Онъ встрепенулся и сталъ прислушиваться... слышитъ, еще поцѣлуй и еще, и шопотъ, и опять поцѣлуй. И все какъ разъ у самой у двери...

— Э, до ста чертей,—сказалъ себѣ Керасенко:—или это я съ отвычки горилки такъ славно наугощался у Пиднебеснихи, что мнѣ чортъ знаетъ что показываетъ;—или это моя жинка пронюхала, что я про рогачевского шляхтича съ нею хочу спорить и вже успѣла на меня мару напустить? Люди мнѣ уже не разъ прежде говорили, что она у меня вѣдьма, да только я этого доглядѣться не успѣлъ, а теперь... ишь опять цѣлуются, о... о... о... вотъ опять и опять... А, стой же, я тебя подкараулю!

Казакъ спустился съ лавки, подползъ тихо къ двери и, припавъ ухомъ къ пазу, сталъ слушать: цѣлуются, несомнѣнно, цѣлуются, — такъ губами и чмокаютъ... А вотъ и разговоръ, и это живой голосъ его жены; онъ слышитъ, какъ она говорить:

— Що тобі мой мужъ, такий-сякій поганецъ: я его прожену, а тебе въ хату пуцу.

«Ого! — подумалъ Керасенко, — это она еще меня хвалится выгнать, а въ мою хату кого-то впустить хочетъ... Ну, ужъ этого не будетъ».

И онъ поднялся, чтобы сильнымъ толчкомъ распахнуть дверь, но дверь сама растворилась и на порогъ предстала Керасивна, — такая хорошая, спокойная, только немножко будто красная, и сразу же принялась ссориться, какъ пристойно настоящей малороссійской жинкѣ. Назвала она его чортовымъ сыномъ, и пьяницей, и собакой, и многими другими именами, а въ заключеніе напомнила ему объ ихъ условіи, чтобы Керасенко и думать не смѣлъ ее ревновать.

А въ доказательство своего къ ней довѣрія сейчасъ же пустилъ бы ее на вечерницы. Иначе она ему такую штуку устроитъ, что онъ будетъ вѣкъ помнить. Но Керасенко былъ малый не промахъ: пустить на вечерницы сейчасъ послѣ того, какъ онъ своими глазами видѣлъ у Пиднебеснихи рогачевского дворянина и сейчасъ слышалъ, какъ его жена съ кѣмъ-то цѣловалась и сговаривалась кого-то пустить въ хату... Это ему, разумѣется, представилось уже слишкомъ очевидною глупостью.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ: — ты поници такого дурня въ другомъ мѣстѣ, а я хочу лучше тебя дома припереть да спать лечь. Такъ оно надежнѣе будетъ: тогда я и твоей мары не испугаюсь.

Керасивна, услыхавъ эти слова, даже поблѣднѣла; мужъ съ нею первый разъ заговорилъ въ такомъ тонѣ и она понимала, что это насталь въ ея супружеской политикѣ самый рѣшительный моментъ, который, во что бы то ни стало, надо выиграть: или все, что она вела до сихъ поръ съ такою ловкостью и настойчивостью, — пропало безслѣдно и, пожалуй, еще обратится на ея же голову.

И она вспрянула, — вспрянула во весь свой ростъ, ткнула казаку въ носъ самую оскорбительную дулю и хотѣла, не долго думая, махнуть за дверь, но тотъ отгадалъ ея намѣреніе и предупредилъ его, замкнувъ дверь на цѣлочку, и, опустивъ ключъ въ безконечный карманъ своихъ широчайшихъ шароваръ, съ возмутительнымъ спокойствіемъ сказалъ:

— Вотъ тебѣ и вся твоя дорога, отъ печи да до порога.

Положеніе Керасивны обозначилось еще рѣшительнѣе: она приняла вызовъ мужа и впала въ такое неописанное и страшное экстатическое состояніе, что Керасенко даже испугался. Христя долго стояла на одномъ мѣстѣ, вся вздрагивая и вытягиваясь какъ змѣя, при чемъ руки ея корчились, кулаки были крѣпко сжаты, а въ горлѣ что-то щелкало и по лицу ходили то бѣлыя, то багровыя пятна, межъ тѣмъ какъ устремленные въ упоръ на мужа глаза становились острѣе ножей и вдругъ заиграли совсѣмъ краснымъ пламенемъ.

Это показалось казаку такъ страшно, что онъ, не желая видѣть жены въ этомъ бѣшенствѣ, крикнулъ:

— Цуръ тобі, проклятая видьма! — и, дунувъ на огонь, сразу погасилъ свѣтло.

Керасивна только тоинула впотьмахъ и прошипѣла:

— Такъ будешь же ты знать мене видьму! — И потомъ вдругъ какъ кошка прыгнула къ чечкѣ и звонко-презвонко крикнула въ трубу:

— У-г-у-у! души его свинью!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Казакъ, правда, еще больше струсиль отъ этого новаго неистовства, но чтобы не упустить жену, которая очевидно была вѣдьма и имѣла прямое намѣреніе летѣть въ трубу, онъ изловилъ ее и, сильно обхвативъ ее руками, бросилъ на кровать къ стѣнкѣ и тотчасъ же самъ прилегъ съ краю.

Керасивна, къ удивленію мужа, нимало не сопротивлялась,—напротивъ, она была тиха какъ смиренный ребенокъ и даже не бранилась. Керасенко былъ этому очень радъ и, зажавъ одною рукою спрятанный въ карманъ ключъ, а другою взявъ жену за рукавъ рубахи, заснулъ глубокимъ сномъ.

Но недолго длилось это его блаженное состояніе: только что онъ отхваталъ половину перваго сна, въ которомъ переполненный винныхъ паровъ мозгъ его размякъ и утратилъ ясность представленій, какъ вдругъ онъ получилъ толчокъ въ ребра.

«Что такое?» подумалъ казакъ, и, почувствовавъ еще новые толчки, пробормоталъ: — Чего ты, жинка, толкаешься?

— А то якъ же не толкаться: слухай-ко, что на дворѣ робиться?

— Что тамъ робиться?

— А вотъ ты слухай!

Керасенко поднялъ голову и слышитъ, что у него на дворѣ что-то странно визгнуло.

— Эге,—сказалъ онъ:—а вѣдь это, пожалуй, кто-то напу свинью волокетъ.

— А разумѣется, такъ. Пусти меня скорѣе, я пойду посмотрю: хорошо ли она заперта?

— Тебя пустить?.. Гм... гм...

— Ну дай же ключъ, а то украдутъ свинью и будемъ мы сидѣть всѣ святки и безъ ковбасъ, и безъ сала. Всѣ добрые люди будутъ ковбасы ѣсть, а мы будемъ только поглядывать... Ого-го-го... слухай, слухай: чуешь, якъ ее

волокутъ... Ажъ мнѣ его жаль, какъ оно, бѣдное порося, завизвало!.. Ну пусти меня скорѣе: я пойду ее отниму.

— Ну да, такъ я тебя и пущу! Гдѣ это видано, чтобы баба на такое дѣло ходила—свинью отнимать? — отвѣчалъ казакъ:—лучше я встану и самъ пойду отниму.

А на самомъ дѣлѣ ему лѣнь было вставать и страхъ не хотѣлось идти на морозъ изъ теплой хаты; но только и свинью ему было жалко, и вотъ онъ всталъ, накинулъ свиту и вышелъ за двери. Но тутъ и произошло то неразгаданное событіе, которое несомнѣннѣйшими доказательствами укрѣпило за Керасивною такую вѣдьмовскую славу, что съ сей поры всякъ боялся Керасивну у себя въ домѣ видѣть, а не только въ кумы ее звать, какъ это сдѣлалъ надменный Дукачъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Не успѣвъ осторожно шагавшій казакъ Керасенко отворить хлѣвъ, гдѣ горестно завывала недовольная причиняемымъ ей безнокойствомъ свинья, какъ на него изъ непроглядной темноты упало что-то широкое да мягкое, точно возовая дерюга, и въ ту же минуту казака что-то стукнуло въ загорбокъ, такъ что онъ упалъ на землю и пасилу выпростался. Удоставрившись, что свинья цѣла и лежитъ на своемъ мѣстѣ, Керасенко приперъ ее покрѣйче и пошелъ къ хатѣ досыпать ночь.

Но не тутъ-то было: не только самая хата, но и сѣни его оказались заперты. Онъ туда, онъ сюда, — все заперто. Что за лихо? Стучалъ онъ, стучалъ; звалъ, звалъ жинку:

— Жинка! Христа!—отопри скорѣе.

Керасивна не откликалась.

— Тифу ты, лихая баба: чего это она вздумала запереться и такъ скоро заснула! Христа! ей! жинка! Отчини!

Ничего не было: словно все замерло; даже и свинья спитъ, и та не хрюкаетъ.

«Вотъ такъ штука! — подумалъ Керасенко: — ишь какъ заснула! Ну, да я вылѣзу черезъ тынъ на улицу, да пойду къ окну: она близко у окна спитъ и сейчасъ меня услышитъ».

Онъ такъ и сдѣлалъ: подошелъ къ окну, и ну стучать, но только что же онъ слышитъ?—жена его говоритъ:

— Спи, человиче, спи: не зважай на то, що стучить: — се чертыка у насъ ходытъ!

Казакъ сталъ сильнѣе стучать и покрикивать:

— Сейчасъ отчини, или я окно разобью.

Но тутъ Христя разсердилась и отозвалась:

— Кто это смѣетъ въ такую пору къ честнымъ людямъ стучаться?

— Да это я, твой мужъ.

— Какой мой мужъ?

— Извѣстно какой твой мужъ, — Керасенко.

— Мой мужъ дома, — иди себѣ, иди, кто ты тамъ есть, не буди насъ: мы съ мужемъ вмѣстѣ обнявшись спимъ.

«Что это такое? — подумалъ Керасенко: — неужели я все сплю и во снѣ вижу, или это взаправду дѣется?»

И онъ опять застучалъ и началъ звать:

— Христя, а Христя! — да отвори на Божію милость.

И все пристаесть, все пристаесть съ этимъ; а та долго молчить, — ничего не отвѣчаетъ, и потомъ опять отзовется:

— Да провались ты совсѣмъ, — кто такой привязался; — говорю тебѣ, мой мужъ дома, со мною рядомъ обнявшись лежить, — вотъ онъ.

— Это тебѣ, Христя, може показывается?

— Эге! — спасибн тебѣ на томъ! Що же, хибѣ я така дурна, чи совсѣмъ нечувствительна, що ни въ чемъ толку не знаю? Нѣтъ, мнѣ это лучше знать що показывается, а що не показывается. Вотъ онъ, вотъ, мой чоловікъ у меня совсѣмъ близенько... вотъ я его и перекрещу: Господи Іисусе, а вотъ и поцѣлую: и обниму и опять поцѣлую... Такъ добре намъ вмѣстѣ, а ты, недобрый потаскушъ, иди себѣ самъ до своей жинки, — не мѣшай намъ спать и цѣловаться. Добра-ничъ, — иди съ Богомъ.

— Фу ты, сто чортовъ твоему батькови: что это за притча! — пожимая плечами, разсуждалъ Керасенко. — Чего добраго, я, перелѣзши черезъ тынъ, не обозначился ли хатюю. — Только нѣтъ: это моя хата.

Онъ отошелъ на другую сторону широкой деревенской улицы и сталъ считать отъ колодца съ высокимъ журавлемъ.

— Первая, вторая, третья, пятая, седьмая, девятая... Вотъ это и есть моя девятая.

Пришелъ: опять стучить, опять зоветь, и опять та же

исторія: нѣтъ-нѣтъ, отзовется женскій голосъ и все разь
отъ раза съ большимъ неудовольствіемъ, и все въ одномъ
и томъ же смыслѣ.

— Иди прочь: мой мужъ со мною.

А голосъ Христа,—иссомнѣнно ея голосъ.

— А ну, если твой чоловікъ съ тобою, — пусть онъ за-
говоритъ.

— Чего ему со мною говорить, якъ мы уже все обго-
ворили.

— Да я хочу послушать: есть ли тамъ у тебя чоловікъ?

— А вже же есть: вотъ ты слухай, якъ мы станемъ
цѣловаться.

— Тифу, пронасти на нихъ нѣтъ: въ самомъ дѣлѣ цѣ-
луются, а меня увѣряютъ, что я — не я и куда-то совсѣмъ
прочь домой посылаютъ. Но погоди же: я не совсѣмъ глупый — я пойду соберу людей и пусть люди скажутъ: мой
это домъ или нѣтъ, и я или кто другой мужъ моей янки.—
Слушай, Христа: я пойду людей будить.

— Да иди, иди, — отвѣчаетъ голосъ: — только отъ насъ
отчѣпнись: мы вотъ двоечко нацѣловались и смирененько об-
нявшись лежимъ и хорошо намъ. А до другихъ ви до кого
и дѣла нѣтъ.

Вдругъ и другой, несомнѣнно мужской, голосъ то же са-
мое утверждаетъ:

— Мы двоечко нацѣловались и теперь смирененько об-
пявшись лежимъ, а ты ступай къ чорту!

Ничего больше не оставалось дѣлать: Керасенко убѣдился,
что въ его званіи подъ бокъ къ Христъ подкатился кто-то
другой, и онъ пошелъ будить сосѣдей.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Долго или коротко это шло, пока очумѣвшій Керасенко
успѣлъ добудиться и собрать къ своему дому десятка два
казаковъ и добровольно послѣдовавшихъ за мужьями любо-
пытныхъ казачекъ, — а Керасивна оставалась въ своемъ
положеніи и все увѣряла всѣхъ, что со всѣми съ ними
мара, а что ея мужъ съ нею дома, лежитъ у нея на рукѣ,
и въ доказательство не разъ заставляла всѣхъ слушать,
какъ она его цѣлуетъ. И всѣ казаки и казачки это вни-
мали и находили, что это никакъ не можетъ быть фальшь,
потому что поцѣлуй были настояще и притомъ изъ-за окна,

хотя не особенно внятно, а все-таки хорошо слышался мужской голосъ, который, по увѣренію Керасивны, принадлежалъ ей мужу. И всѣ слышали, какъ этотъ голосъ одинъ разъ приблизился къ самому окну и оттуда, всѣхъ ужасая, сказала:

— Що вы, дуриш, за марою ходите? — я дома лежу со своею жинкою; а это васъ мара водить. Дайте ей всякій по одному доброму прочухану наотмашь, — она вразъ и разсыпшется.

Казакъ перекрестился, и кто изъ нихъ ближе стоялъ къ Керасенку, тотъ первый и съѣздилъ его изо всей силы по потылицѣ, — но самъ тотчасъ же далъ тягу; а его примѣру послѣдовали другіе. И Керасенко, получивъ отъ каждаго по тумаку наотмашь, въ одну минуту былъ жестоко исколоченъ и безжалостно брошенъ у порога своей заколдованной хаты, гдѣ какой-то коварный демонъ такъ усердно замѣщаль его на супружескомъ ложѣ. Онъ болѣе уже не пытался облегчить своего горя, а только, сидя на снѣжку, горько плакалъ, какъ совѣмъ бы казаку и не пристало, и все какъ будто слышалъ, что его Керасивна цѣлуется. Но, къ счастью, всѣ мученія человѣческія имѣютъ конецъ, — и это терзаніе Керасенка кончилось, — онъ заснулъ и ему снилось, будто его жена взяла его за шиворотъ и перенесла на хорошо ему знакомую теплую постель, а когда онъ проснулся, въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ себя на своей постели, въ своей хатѣ, а передъ нимъ у припечки хлопотала, стряпная клецки съ сырѣмъ, его молодцоватая Керасивна. Словомъ, все какъ слѣдуетъ, — точно ничего необыкновеннаго и не случилось: ни про поросенка, ни про мару и помина не было. Керасенко же, хотя и очень желалъ объ этомъ заговорить, но не зналъ, какъ за это взяться?

Казакъ на все только рукою махнулъ и съ тѣхъ поръ жилъ съ своею Керасивною въ мирѣ и согласіи, оставляя ее на всей ея волѣ и просторѣ, которыми она и пользовалась, какъ знала. Она и торговала, и ѣздила, куда хотѣла, и домашнее счастье ея отъ этого не страдало, а благосостояніе и оытность увеличивались. Но зато въ общественномъ мнѣніи Керасивна была потеряна: всѣ знали, что она вѣдьма. Хитрая казачка противъ этого никогда не спорила, такъ какъ это давало ей своего рода апломбъ: ея боялись, чествовали и, приходя къ ней за совѣтами, при-

посли ей либо кону ялицъ, либо какой другой пригодный въ хозяйствѣ подарокъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Зналъ Керасивну и Дукачь, и зналъ ее, разумѣется, за женщину умную, съ которою, окромя ея вдовства, во всякомъ причинномъ случаѣ посоветоваться нелишнее. И какъ Дукачь самъ былъ человекъ нелюбимый, то онъ Керасивною не очень-то и брезговалъ. Люди говорили, будто не разъ видали ихъ стоявшими вдвоемъ подъ густою вербою, которая росла заплетенная въ плетень, раздѣлявшій ихъ огороды. Иные даже думали, что тутъ было немножко и какого-то грѣха, но это, разумѣется, были слухи. Просто Дукачь и Керасивна, имѣвшіе въ своей репутаціи ничто общее, были знакомы и находили о чемъ поговорить другъ съ другомъ.

Такъ и теперь, въ томъ досадительномъ случаѣ, который послѣдовалъ по поводу неудачнаго позыва кумовьевъ, Дукачь вспомнилъ о Керасивнѣ и, призвавъ ее на совѣтъ, рассказалъ ей причиненную ему всѣми людьми досаду.

Выслушавъ это, Керасивна мало подумала и, трихнувъ головою, прямо отрѣзала:

— А що же, пане Дукачь, зовить меня кумою!

— Тебя кумою звать? — повторилъ въ раздумьѣ Дукачь.

— Да, или вы вѣрите, що я видьма?

— Гм!.. говорятъ, будто ты видьма, а я у тебя хвоста не бачивъ.

— Да и не побачите.

— Гм! тебя кумою... а що на то всѣ люди скажутъ?

— Се якіе люди?.. тѣ, що вамъ въ хату и плюнуть не хотять пдти?

— Правда, а що моя Дукачиха заговорить? Вѣдь она вѣритъ, що ты видьма.

— А вы ея боитесь?

— Боюсь!.. Я не такой дурень, якъ твой мужъ: я бабъ не боюсь, и никого не боюсь: а тилко... ты вправду не видьма?

— Э, да я бачу вы, пане Дукачь, такий же дурень! Ну, такъ зовите же кого хотите.

— Гм! ну; стой, стой, не сердись: будь ты взаправду кумою. Только смотри, станеть ли съ тобою перегудинскій поць крестить?

— А отчего не станеть?

— Да Богъ его знаетъ: онъ жгйи-сь такой ученый,—все отъ писанія начинается,—скажетъ: не моего прихода.

— Не бойтесь, — не скажетъ: онъ хоть ученый. а жипокъ добре слухаетъ... Начнетъ отъ писанія, а кончитъ, якъ всѣ люди, — на томъ, що жинка укажетъ. Добре его знаю и была съ нимъ въ компаніи, гдѣ онъ ничего нить не хотѣлъ. Говоритъ: въ писаніи сказано: «не унивайтесь виномъ,—въ немъ бо есть блудъ». А я говорю: «блудъ таки блудомъ, а вы чарочку выпейте»,—онъ и выпилъ.

— Выпилъ?

— Выпилъ.

— Ну, такъ се добре: только смотри, щобы винъ намъ, выпивши, не испортилъ хлопца,— не назвалъ бы его Ивановомъ, або Николою.

— Ну, вотъ! такъ я ему и дамъ, щобъ христіанское дитя да Николой назватъ! Хиба я не знаю, что это московское имя.

— То-то и есть: Никола самый москаль.

Дѣло стояло еще за тѣмъ, что у Керасивны не было такой теплой и просторной шубы, чтобы везти дитя до Перегудъ, а день былъ очень студеный,—настоящее «варварское время», но зато у Дукачихи была чудная шуба, крытая синею нанкою. Дукачь ее досталъ и отдалъ безъ спроса жены Керасивнѣ.

— На, — говоритъ: — одѣнь и совсѣмъ ее себѣ возьми, только долго не копайся, щобы люди не говорили, що у Дукача три дня было дитя не хрещено.

Керасивна насчетъ шубы немножко поломалась, но, однако, взяла ее. Она завернула далеко вверхъ подбитые заячьимъ мѣхомъ рукава, и всѣ въ хуторѣ видѣли, какъ вѣдьма, задорно заломивъ на затылокъ пестрый очинокъ, усѣлась рядомъ съ Агапомъ въ сани, запряженные парюу крѣпкихъ Дукачевыхъ коней, и отправилась до попа Еремы въ село Перегуды, до котораго было съ небольшимъ восемь верстъ. Когда Керасивна съ Агапомъ отѣзжали, любопытные люди видѣли, что и кумъ, и кума были достаточно трезвы. Что хотя у Агана, который правилъ лошадыми, была видна въ колѣняхъ круглая барилочка съ наливкою, но это, очевидно, назначалось для угощенія причта. У Керасивны же за пазухою просторной синей

заячьей шубы лежало дитя, съ крещеніемъ котораго должень былъ произойти самый страшный случай,—что, впрочемъ, многіе опытные люди живо предчувствовали. Они знали, что Богъ не допуститъ, чтобы сынъ такого недобраго чловѣка, какъ Дукачъ, былъ крещенъ, да еще черезъ извѣстную всеѣмъ вѣдму. Хороша бы послѣ этого вышла и вся крещеная вѣра!

Итъ, Богъ справедливъ: Онъ этого не можетъ допустить и не допуститъ.

Того же самаго мѣсяца была и Дукачиха. Она горько оплакивала ужасное самоубійство своего мужа, избраннаго единственному, долгожданному дитяти воспріемницею завѣдомую вѣдму.

При такихъ обстоятельствахъ и предсказаніяхъ произошло отъѣздъ Агапа и Керасивны съ Дукачевымъ ребенкомъ изъ села Парищъ въ Перегуды, къ попу Еремѣ.

Это происходило въ декабрѣ, за два дня до Никола, часа за два до обѣда, при довольно свѣжей погодѣ съ забористымъ «московскимъ» вѣтромъ, который тотчасъ же послѣ выѣзда Агапа съ Керасивною изъ хутора началъ разыгрываться и превратился въ жестокую бурю. Небо сверху заволокло свинцомъ; по-низу завѣялась снѣжистая пыль и пошла лютая метель.

Все люди, желавшіе зла Дукачеву ребенку, видя это, набожно перекрестились и чувствовали себя удовлетворенными: теперь уже не было никакого сомнѣнія, что Богъ на ихъ сторонѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Предчувствія говорили недоброе и самому Дукачу; какъ онъ ни былъ крѣпокъ, а все-таки былъ доступенъ суевѣрному страху и—трусилъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ того ли или не съ того сталося, а буря, угрожавшая теперь кумовьямъ и ребенку, точно съ цѣпи сорвалась, какъ разъ въ то время, когда они выѣзжали за околицу. Но еще досаднѣе было, что Дукачиха, которая весь свой вѣкъ провела въ работѣнномъ безмолвіи передъ мужемъ, вдругъ разомкнула свои молчаливыя уста и заговорила:

— На старость намъ, въ мое утѣшенье, Богъ намъ дышину далъ, а ты его съѣлъ.

— Это еще що?—остановилъ Дукачъ.—Какъ я съѣлъ дитя?

— А такъ, що отдалъ его видѣмѣ. Гдѣ это по всему христіанскому казачеству слыханѣ, чтобы видѣми давали дитя крестить?

— А вотъ же она его и перекрестить.

— Никогда того не было, да и не будетъ, чтобы Господь припустилъ до своей христіанской куцели лиходѣйскую видьму.

— Да кто тебѣ сказалъ, що Керасивна видьма?

— Всѣ это знаютъ.

— Мало чего всѣ говорятъ, да никто у нея хвоста не видѣлъ.

— Хвоста не видѣли, а видѣли, какъ она мужа оборачивала.

— Отчего же такого дурня и не оборачивать?

— И отъ Пиднебеснихи всѣхъ отворотила, чтобы у нея паляницъ не покунали.

— Оттого, что Пиднебесная спитъ мягко и ночью тѣсто не бьетъ, у нея паляницы хуже.

— Да вѣдь съ вами не стоворишь, а вы кого хотите, всѣхъ добрыхъ людей спросите — и всѣ добрые люди вамъ одно скажутъ, что Керасиха видьма.

— На что намъ другихъ добрыхъ людей пытатъ, когда я самъ добрый человѣкъ.

Дукачиха вскинула на мужа глаза и говоритъ:

— Какъ это... Это вы-то добрый человѣкъ?

— Да; а что же по-твоему, я развѣ не добрый человѣкъ?

— Разумѣется, не добрый.

— Да кто тебѣ это сказалъ?

— А вамъ кто сказалъ, что вы добрый?

— А кто сказалъ, что я не добрый?

— А кому же вы какое-нибудь добро сдѣлали?

— Какое я кому добро сдѣлалъ?

— Да.

«А сто чертей... и правда, что же это я никакъ не могу припомнить: кому я сдѣлалъ какое-нибудь добро?» — подумалъ непривычный къ возраженіямъ Дукачъ, и чтобы не слышать продолженія этого неприятнаго для него разговора, сказалъ:

— Вотъ того только и недоставало, чтобы я съ тобою, съ бабою, стать разговаривать.

И съ этимъ, чтобы не быть болѣе съ женою съ-глаза-

на-глазъ въ одной хатѣ, онъ спялъ съ полка отнятую ифъ-когда у Агана смушковую шапку и пошелъ гулять по свѣту.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Вѣроятно на душѣ у Дукача было уже очень тяжело, когда онъ могъ пробыть подъ открытымъ небомъ болѣе двухъ часовъ, потому что на дворѣ стоялъ настоящій адъ: буря сильно бушевала, и въ сплошной снѣжной массѣ, которая тряслась и вѣялась, невозможно было перевести дыханіе.

Если таково было близъ жилья, въ затишьѣ, то что должно было происходить въ открытой степи, въ которой весь этотъ ужасъ долженъ былъ застать кумовьевъ и ребенка? Если это такъ невыносимо взрослому человѣку, то много ли надо было, чтобы задушить этимъ дитя?

Дукачъ все это понималъ и, вѣроятно, не мало объ этомъ думалъ, потому что онъ не для удовольствія же пролѣзъ черезъ страшные сугробы къ тянувшейся за селомъ греблѣ и сидѣлъ тамъ въ сумракѣ метели долго-долго, — очевидно, съ большимъ нетерпѣніемъ поджидая чего-то тамъ, гдѣ ничего нельзя было разсмотрѣть. Скѣлько Дукачъ ни стоялъ до самой темноты посреднѣ гребли, — его никто не толкнулъ ни спереди, ни сбоку, и онъ никого не видалъ, кромѣ какихъ-то длинныхъ-предлинныхъ привидѣній, которыя точно хороводъ водили вверху надъ его головою и сыпали на него снѣгомъ. Наконецъ, это ему надоѣло, и когда быстро наступившія сумерки увеличили темноту, онъ крикнулъ, выпуталъ ноги изъ засыпавшаго ихъ сугроба и побрелъ домой.

Тяжело и долго путаясь по снѣгу, онъ не разъ останавливался, терялъ дорогу и снова ее находилъ. Опять шелъ-шелъ и на что-то наткнулся, ощупалъ руками и убѣдился, что то былъ деревянный крестъ, — высокій-высокій деревянный крестъ, какіе въ Малороссіи ставятъ при дорогахъ.

«Эге, — это я, значитъ, вышелъ изъ села! Надо же мнѣ взять назадъ», — подумалъ Дукачъ, и повернулъ въ другую сторону, но не сдѣлалъ онъ и трехъ шаговъ, какъ крестъ былъ опять передъ нимъ.

Казакъ постоялъ, перевелъ духъ и, оправясь, пошелъ на другую руку, но и здѣсь крестъ опять загородилъ ему дорогу.

— Что онъ движется, что ли, передо мною, или еще что творится?—и онъ началъ разводитъ руками и опять нащупаль крестъ, и еще одинъ и другой возлѣ.

— Ага! вотъ теперь понимаю гдѣ я: это я попалъ на кладбище. Вотъ и огонекъ у нашего пола. Не хотѣлъ ледачій пустить ко мнѣ свою поповну окрестить дѣтину. Да и не надо; только гдѣ же тутъ, у чорта, долженъ быть сторожъ Матвѣйко?

И Дукачъ было-пошелъ отыскивать сторожку, но вдругъ скатился въ какую-то яму и такъ треснулся обо что-то твердое, что долго оставался безъ чувствъ. Когда же онъ пришелъ въ себя, то увидалъ, что вокругъ него совершенно тихо, а надъ нимъ синѣетъ небо и стоитъ звѣзда.

Дукачъ понялъ, что онъ въ могилѣ, и заработалъ руками и ногами; но выбраться было трудно, и онъ добрый часъ провозился прежде, чѣмъ выкарабкался наружу, и съ ожесточеніемъ плюнулъ.

Времени должно быть прошло добрая часина, — буря замѣтно утихла и на небѣ вызвѣздило.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Дукачъ пошелъ домой, и очень удивился, что ни у него, ни у кого изъ сосѣдей, ни въ одной хатѣ уже не было огня. Очевидно, что ночи уже ушло много. Неужели же и о сию пору Агапъ и Керасивна съ ребенкомъ еще не вернулись?

Дукачъ почувствовалъ въ сердцѣ давно ему незнакомое сжатіе и отворилъ дверь нетвердою рукою.

Въ избѣ было темно, но въ глухомъ углу за печкою слышалось жалобное всхлипываніе.

Это плакала Дукачиха. Казалъ понялъ въ чемъ дѣло, но не выдержалъ и таки спросилъ:

— А неужели же до сихъ поръ...

— Да, до сихъ поръ видьма еще ѣсть мою дытину,—пербила Дукачиха.

— Ты глупая баба,—отрѣзалъ Дукачъ.

— Да, это вы меня такою глупою сдѣлали; а я хоть и глупая, а все-таки не отдавала видьми свою дытину.

— Да провались ты со своею вѣдьмою: я чуть шую не сломалъ, попалъ въ могилу.

— Ага, въ могилу... ну, то она же и васъ навела въ могилу. Идите лучше теперь кого-нибудь убійте.

— Кого убить? Что ты мелешь?

— Подите, хоть овцу убейте; — а то не даромъ на васъ могила зинула, — умрете скоро. Да и дай Богъ: что уже намъ такимъ, про которыхъ всѣ люди будутъ говорить, что мы свое дитя видьми отдали.

И она пошла опять вслухъ мечтать на эту тему, межъ тѣмъ какъ Дукачъ все думалъ: гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, Агагъ? Куда онъ дѣлся? Если они успѣли доѣхать до Перегудъ прежде, чѣмъ разыгралась метель, то, конечно, они тамъ переждали, пока метель улеглась; но, въ такомъ случаѣ, они должны были выѣхать, какъ только разъяснило и до сихъ поръ могли быть дома.

Развѣ не хлебнулъ ли Агагъ лишняго изъ барилочки?

Эта мысль показалась Дукачу статочною, и онъ посиѣшилъ сообщить ее Дукачихѣ, но та еще лише застонала:

— Что тутъ угадывать: не видать намъ свое дитя: заѣла его видьма Керасивна, и она пустила на свѣтъ эту погоду, а сама теперь летаетъ съ нимъ по горамъ и шьетъ его алую кровку.

И досадила этимъ Дукачиха мужу до того, что онъ, обругавъ ее, взялъ опять съ одного полка свою шапку, а съ другого ружье и вышелъ, чтобы убить зайца и бросить его въ ту могилу, въ которую незадолго передъ этимъ свалился, а жена его осталась выплакивать свое горе за припечкомъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Огорченный и, непривычнымъ образомъ, взволнованный, казакъ въ самомъ дѣлѣ не зналъ, куда ему дѣться, но какъ у него уже сорвалось съ языка про зайца, то онъ болѣе машинально, чѣмъ сознательно, очутился на гумнѣ, куда бѣгали шkodливые зайцы; сѣлъ подъ овсянымъ скирдомъ и задумался.

Предчувствія томили его и горе кралось въ его душу, и шевелили въ ней терзающія воспоминанія. Какъ ни неприятны были ему женины слова, но онъ сознавалъ, что она права. Дѣйствительно, онъ во всю свою жизнь не сдѣлалъ никому никакого добра, а между тѣмъ многимъ причинилъ много горя. И вотъ у него, изъ-за его же упрямства, гибнетъ единственное, долгожданное дитя, и самъ онъ падаетъ въ могилу, что, по общему повѣрью, немину-

чій злой знакъ. Завтра будутъ обо всемъ этомъ знать всѣ люди, а всѣ люди—это его враги... Но... можетъ-быть, дитя еще найдется, а онъ, чтобы не скучать ночью, подсадить и убьетъ зайца, и тѣмъ отведетъ отъ своей головы угрожающую ему могилу.

И Дукачъ вздохнулъ и сталъ всматриваться, не прыгаетъ ли гдѣ-нибудь по полю или не теребитъ ли подъ скирдами заяцъ.

Оно такъ и было: заяцъ ждалъ его, какъ баранъ ждалъ Авраама: у крайняго скирда, на занесенномъ снѣгомъ ровень съ вершинною плетнѣ сидѣлъ матерый русакъ. Онъ, очевидно, высматривалъ мѣстность и занималъ самую безподобную позицію для прицѣла.

Дукачъ былъ старый и опытный охотникъ, онъ видалъ много всякихъ охотничьихъ видовъ, но такой ловкой подставки подъ выстрѣлъ не видывалъ и, чтобы не упустить ея, онъ, не долго же думая, приложился и выстрѣлилъ.

Выстрѣлъ покатился и одновременно съ нимъ въ воздухъ пронесся какой-то слабый стонъ; но Дукачу некогда было раздумывать, — онъ побѣждалъ, чтобы поскорѣй затоптать дымящійся пыжъ, и, наступивъ на него, остановился въ самомъ безпокойномъ изумленіи: заяцъ, до котораго Дукачъ не добѣжалъ нѣсколько шаговъ, продолжалъ сидѣть на своемъ мѣстѣ и не трогался.

Дукачъ опять струхнулъ: вправду нѣ шутить ли надъ нимъ дьяволъ: не оборотень ли это предъ нимъ? И Дукачъ свалилъ комъ снѣга и бросилъ имъ въ зайца. Комъ попалъ по назначенію и разсыпался, но заяцъ не трогался, — только въ воздухъ опять что-то простонало. Что за лихо такое? подумалъ Дукачъ, и, перекрестясь, осторожно подошелъ къ тому, что онъ принималъ за зайца, но что никогда зайцемъ не было, а была просто-на-просто смушковая шапка, которая торчала изъ снѣга. Дукачъ схватилъ эту шапку и при свѣтѣ звѣздъ увидалъ мертвенное лицо племянника, облитое чѣмъ-то темнымъ, липкимъ, съ сырмъ запахомъ. Это была кровь.

Дукачъ задрожалъ, бросилъ свою рушницу и пошелъ на село, гдѣ разбудилъ всѣхъ, — всѣмъ рассказалъ свое злочинство; передъ всѣми каялся, говоря, правъ Госнодь, меня наказуя,—идите, откопайте ихъ всѣхъ изъ-подъ снѣгу, а меня свяжите и везите на судъ.

Просьбу Дукача удовлетворили; его связали и посадили въ чужой хатѣ, а на гуменикъ пошли все мѣромъ откашивать Агана.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Подъ бѣлымъ ворохомъ сѣнга, покрывавшаго сани, были найдены окровавленный Аганъ и невредимая, хотя застывшая Керасивна, а на груди у нея совершенно благополучно спавшій ребенокъ. Лошади стояли тутъ же, но брюхо въ сѣнгу, опустивъ понуряя головы за плетень.

Едва ихъ немножечко поосвободили отъ замета, какъ онѣ тронулись и повезли застывшихъ кумовьевъ и ребенка на хуторъ. Дукачиха не знала, что ей дѣлать: грустить ли о несчастіи мужа или болѣе радоваться о спасеніи ребенка? Взявъ мальчика на руки и поднеся его къ огню, она увидала на немъ крестъ и тотчасъ радостно заплакала, а потомъ подняла его къ иконѣ и съ горячимъ восторгомъ, глубоко растроганнымъ голосомъ сказала:

— Господи! за то, что Ты его спасъ и взялъ подъ Свой крестъ, и я не забуду Твоей ласки, я вскармлю дитя, и отдамъ его Тебѣ: пусть будетъ Твоимъ слугою.

Такъ данъ былъ обѣтъ, который имѣетъ большое значеніе въ нашей исторіи, гдѣ до сихъ поръ еще не видать ничего касающагося «некрещенаго попа», межъ тѣмъ какъ онъ уже есть тутъ точно «шапка», которая была у Агана, когда казалось, что ея будто и нѣтъ.

Но продолжаю исторію: дитя было здорово; нехитрыми крестьянскими средствами скоро привели въ себя и Керасивну, которая, однако, изъ всего вокругъ нея происходившаго ничего не понимала и твердила только одно:

— Дытина крещена,—и зовите его Савкою.

Этого было довольно для такого суматошнаго случая, да и имя къ тому же было всемъ по вкусу. Даже разстроенный Дукачъ и тотъ его одобрилъ и сказалъ:

— Спасибо Перегудинскому попу, что винъ не испортилъ хлопца и не назвалъ его Николою.

Тутъ Керасивна уже всемъ оправилась и заговорила, что попь было-хотѣлъ назвать дитя Николою;—такъ, говорить, по церковной книгѣ идетъ, только она его переспорила: я сказала, да Богъ съ ними, сіи церковныя книги:

на що вони намъ сдалися; а это не можно, чтобы казачье дитя по-московски Николою звалось.

— Ты умная казачка,—похвалилъ ее Дукачъ, и наказаль женѣ подарить ей корову, а самъ обѣщать, если уцѣлѣеть, и еще чѣмъ-нибудь не забыть ея услуги.

На этомъ пока и покончилось крестное дѣло, и наступала долгая и мрачная пора похоронная. Аганъ такъ и не пришелъ въ себя: его густымъ столбомъ дрови разстрѣленная голова почернѣла, прежде чѣмъ ее успѣли обмыть, и къ вечеру наступившаго дня онъ отдалъ Богу свою многострадавшую душу. Этимъ же вечеромъ три казака, вооруженные длинными палками, отвели стараго Дугача въ городъ и сдали его тамъ начальству, которое помѣстило его, какъ убійцу, въ острогъ.

Агана схоронили, Дукачъ судился, дитя росло, а Керасивна, хотя и поправилась, но все не «сдужала» и сильно измѣнилась, — все она ходила какъ не своя. — Она стала тиха, грустна и часто задумывалась, и совсѣмъ не ссорилась со своимъ Керасенко, который понять не могъ: что такое подѣялось съ его жинкою? Жизнь его, до сихъ поръ столь зависимая отъ ея настойчивости и своенравія, стала самою безмятежною: онъ не слыхалъ отъ жены ни въ чемъ ни возраженія, ни попрека и, не видя болѣе ни во снѣ, ни на яву Рогачевского дворянина, не зналъ какъ своимъ счастьемъ нахвастаться. Эту удивительную перемену въ характерѣ Керасивны долго и тщетно обсуждали и на торгу въ мѣстечкѣ: сами подружки ея, горластыя перекупки, говорили, что она «вся здобрилась». И впрямь, теперь не только одного, а даже хотъ двухъ покушниковъ отъ ея лотка съ наляницами отбей, она, бывало, даже ни одного чорта не посулить ни отцу, ни матери, ни другимъ сродникамъ. Про Рогачевского же дворянина былъ даже такой слухъ, что онъ будто два раза показывался въ Парипсахъ; но Керасивна на него и смотрѣть не хотѣла. Сама соперница ея, некарша Пиднебесная, и та, не хотя губить своей души, говорила, что слышала, будто одинъ разъ этотъ навичъ, подойдя къ Керасивнѣ купить паляницу, получилъ отъ нея такой отвѣтъ:

— Иди отъ меня, що бы мои очи тебя никогда не бачили. Нѣтъ у мевя для тебя больше ничего, ни дарового, ни продажнаго.

А когда нанычъ ее спросилъ: что такое ей приключилось? то она отвѣчала:

— Такъ,—тяжко: бо маю таѣну великую.

Перевернуло это дѣло и стараго Дукача, котораго, при добрыхъ старыхъ порядкахъ, цѣлые три года судили и томили въ тюрьмѣ по подозрѣнію, что онъ умышленно убилъ племянника, а потомъ, какъ неодобреннаго въ поведеніи односельцами, чуть не сослали на поселеніе. Но дѣло кончилось тѣмъ, что односельцы смилостивились и согласились его принять, какъ только онъ отбудетъ въ монастырѣ назначенное ему церковное покаяніе.

Дукачъ оставался на родинѣ только по снисхожденію тѣхъ самыхъ людей, которыхъ онъ презиралъ и ненавидѣлъ всю жизнь... Это былъ ему ужасный урокъ, и Дукачъ его отлично принялъ. Отбывъ свое формальное покаяніе, онъ, послѣ пяти лѣтъ отсутствія изъ дому, пришелъ въ Парисы, очень добрымъ старикомъ, всѣмъ повинился въ своей гордости, у всѣхъ испросилъ себѣ прощеніе и опять ушелъ въ тотъ монастырь, гдѣ каялся по судебному рѣшенію, и туда же снесъ свой казанокъ съ рублевиками на молитвы «за три души». Какія это были три души—того Дукачъ и самъ не зналъ; но такъ говорила ему Керасивна, что чрезъ его ужасный характеръ пропалъ не одинъ Агашъ, а еще двѣ души, про которыя знаетъ Богъ, да она — Керасивна, но только сказать этого никому не можетъ.

Такъ это и осталось загадкою, за которую въ монастырѣ отвѣчали казанокъ, полный толстыхъ старинныхъ рублевиковъ.

Межъ тѣмъ, дитя, котораго появленіе на свѣтъ и крещеніе сопровождалось описанными событіями, подросло. Воспитанное матерью, простою, но очень доброю и нѣжною женщиною, оно и само радовало ее нѣжностью и добротою. Напоминаю вамъ, что когда это дитя было подано матерью съ груди Керасивны, то Дукачиха «обрекла его Богу». Такіе «оброки» водились въ Малороссіи относительно еще въ весьма недавнюю пору и исполнялись точно, особенно, если сами «оброчныя дѣти» тому не противились. Впрочемъ, случаи противленія если и бывали, то не часто, вѣроятно, потому, что «оброчныя дѣти» съ самаго измальства уже такъ и воспитывались, чтобы ихъ духъ и характеръ раскрывались въ приспособительномъ настроеніи. Достигая въ

такомъ направленіи извѣстнаго возраста, дитя не только не противорѣчило родительскому «оброку», но даже само стремилось къ выполненію оброка съ тѣмъ благоговѣйнымъ чувствомъ покорности, которое доступно только живой вѣрѣ и любви. Савва Дукачевъ былъ воспитанъ именно по такому рецепту, и рано обнаружилъ склонность къ исполненію данныхъ матерью за него обѣтовъ. Еще въ самомъ дѣтскомъ возрастѣ, при нѣскольکو нѣжномъ и слабомъ сложеніи, онъ отличался богобоязненностью. Онъ не только никогда не разорялъ гнѣздъ, не душилъ котятъ, не сѣкъ хворостиной лягушекъ, но всѣ слабыя существа имѣли въ немъ своего защитника. Слово нѣжной матери было для него закономъ,— сколько священный, столь же и пріятный,—потому что онъ во всемъ согласовался съ потребностями собственнаго и нѣжнаго сердца ребенка. Любить Бога было для него потребностью и высшимъ удовольствіемъ, и онъ любилъ Его во всемъ, что отражаетъ въ себѣ Бога и дѣласть Его и понятнымъ, и неопѣненнымъ для того, къ кому Онъ пришелъ и у кого сотворилъ Себѣ обитель. Вся обстановка у ребенка была религіозная: мать его была благочестива и богомольна; отецъ его даже жилъ въ монастырѣ и въ чемъ-то каялся. Ребенокъ изъ немногихъ полунамековъ зналъ, что съ его рожденіемъ связано что-то такое, что измѣнило весь ихъ домашній бытъ,—и все это получало въ его глазахъ мистическій характеръ. Онъ росъ подъ кровомъ Бога, и зналъ, что изъ рукъ Его его никто не возьметъ. Въ восемь лѣтъ его отдали учить къ брату Пиднебеснихи, Охриму Пиднебесному, который жилъ въ Паришсахъ, въ закоулочкѣ за сестринымъ шинкомъ, но не имѣлъ къ этому заведенію никакого касательства, а велъ жизнь необыкновенную.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Охримъ Пиднебесный принадлежалъ къ новому, очень интересному малороссійскому типу, который началъ обозначаться и формироваться въ заднѣпровскихъ селеніяхъ едва ли не съ первой четверти текущаго столѣтія. Типъ этотъ къ настоящему времени уже совсѣмъ опредѣлился и отчетливо выразился своимъ сильнымъ вліяніемъ на религіозное настроеніе мѣстнаго населенія. Поистинѣ удивительно, что наши народовѣды и народолюбцы, копавшіеся во всѣхъ мелочахъ народной жизни, просмотрѣли или не сочли достой-

ными своего вниманія малороссійскихъ простолюдиновъ, которые пустили совершенно новую струю въ религіозный обиходъ южно-русскаго народа. Здѣсь это сдѣлать некогда, да и мнѣ не по силамъ; я вамъ только коротко скажу, что это были какіе-то *отшельники въ міру*: они строили себѣ маленькія хаточки при своихъ родныхъ домахъ, гдѣ-нибудь въ закоулочкѣ, жили чисто и опрятно, какъ душевно, такъ и во внѣшности. Они никого не избѣгали и не чуждались, — трудились и работали вмѣстѣ съ семейными и даже были образцами трудолюбія и домовитости, не уклонялись и отъ бесѣды, но во все вносили свой, немножко пуританскій характеръ. Они очень уважали «наученность» и каждый изъ нихъ непремѣнно былъ грамотенъ; а грамотность эта, самымъ главнымъ образомъ, употреблялась для изученія слова Божія, за которое они принимались съ пламенною ревностью и благоговѣніемъ, а также съ предубѣжденіемъ, что оно сохранилось въ чистотѣ только въ одной книгѣ новаго завѣта, а въ «преданіяхъ человѣческихъ», которымъ слѣдуетъ духовенство, — все извращено и перепорчено. Говорятъ, будто такія мысли внушены имъ нѣмецкими колонистами; но, по-моему, все равно, кѣмъ это внушено, я знаю только одно, что изъ этого потомъ вышла такъ-называемая «штунда».

Холостой братъ Пиднебеснихи, казакъ Охримъ, былъ изъ людей этого сорта: онъ самъ научился грамотѣ и писанію и считалъ своею обязанностью научить всему этому и другихъ. Училъ онъ кого только могъ, и всегда задаромъ, ожидая за свой трудъ той платы, которая обѣщана каждому, «кто научить и наставить». Учителство это обыкновенно ослабѣвало лѣтомъ, во время полевыхъ работъ, но зато усиливалось съ осени и шло неослабно во всю зиму, до весенней пашни. Дѣти учились днемъ, а по вечерамъ у Пиднебеснаго собирались «вечерницы», — рабочія посидѣлки, — такъ, какъ и у прочихъ людей. Только у Охрима не пѣли пустыхъ пѣсень и не вели празднословія, и дивчата пряли ленъ и волну, а самъ Охримъ, выставивъ на столъ тарелку меду и тарелку орѣховъ для угощенія «во имя Христова», просилъ за это потчиваніе позволить ему «поговорить о Христѣ». Молодой народъ это ему позволялъ, и Охримъ услаждалъ добрыя души медомъ, орѣхами и евангельскою бесѣдою и скоро такъ ихъ къ этому пріохотилъ, что ни

одна дѣвица и ни одинъ парень не хотѣли и идти на вечерницы въ другое мѣсто. Бесѣды пошли даже и безъ меду, и безъ орѣховъ.

На Охримовыхъ вечерницахъ также происходили и сближенія, послѣдствіемъ которыхъ являлись браки; но тутъ тоже была замѣчена очень странная особенность, необыкновенно послужившая въ пользу Охримовой репутаціи: всѣ молодые люди, полюбившіеся между собою на вечерницахъ Охрима и потомъ сдѣлавшіеся супругами, были, какъ на отборъ, счастливы другъ другомъ. Конечно, это всего вѣроятнѣе происходило оттого, что ихъ сближеніе происходило въ мирной атмосферѣ духовности, а не въ мятежѣ разгульной страстности, когда выборомъ руководить желаніе крови, а не чуткое влеченіе сердца. Словомъ, велось по писанію: «Господь вселялъ въ домъ единомысленныя, а не преогорчающія». Такъ все шло въ пользу репутаціи Пиднебеснаго, который, несмотря на всю простоту и непритязательность, сталъ въ Парипсахъ въ самое почетное положеніе—человѣка богоугоднаго. Къ нему не ходили на судъ только потому, что онъ никого не судилъ, а научиться у него желали всѣ, «ожидавшіе воскресенія».

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Такихъ людей, какъ Охримъ Пиднебесный, въ Малороссіи въ то время обозначилось нѣсколько, но всѣ они крылись безъ шуму и долго оставались незамѣченными для всѣхъ, кромѣ крестьянскаго міра.

Спустя цѣлую четверть столѣтія эти люди сами сказались, являсь въ обширномъ и тѣсно сплоченномъ религіозномъ союзѣ, который называется «штундою». Я очень хорошо зналъ одного изъ такихъ вожаковъ: это былъ привѣтливый, добрый, холостой казакъ-дѣвственникъ. Какъ большинство его товарищей, онъ научился грамотѣ самоучкою и обучилъ одинъ всѣхъ окрестныхъ ребятъ и дѣвушекъ. Последнихъ онъ училъ на вечерницахъ, или по великорусскому на «посидѣлкахъ», на которыя онъ собирався къ нему съ работою. Дѣвушки пряли и шили, а онъ рассказывалъ о Христѣ.

Толкованія его были самыя простыя, совсѣмъ чуждыя всякой догматики и богослужебныхъ установленій, а имѣющія почти исключительно цѣли нравственнаго воспитанія

человѣка по идеямъ Иисуса. Мой знакомый казакъ-проповѣдникъ жилъ, однако, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ мѣстности, гдѣ еще нѣтъ штунды.

Впрочемъ, въ то время, къ которому относится разсказъ, ученіе это еще не имѣло ничего сформированнаго и по правому днѣпровскому берегу.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Хлопца Дукачева Савку отдали учить грамотѣ къ Пиднебесному, а тотъ, замѣтивъ съ одной стороны быстрыя способности ребенка, а съ другой его горячую религіозность, очень его полюбилъ. Савва платилъ своему чистосердечному учителю тѣмъ же. Такъ между ними образовалась связь, которая оказалась до такой степени грѣлкою и нѣжною, что когда старый Дукачъ взялъ сына въ монастырь, чтобы тамъ посвятить его по материнскому обѣту на служеніе Богу, то мальчикъ затосковалъ невыносимо, не столько по матери, сколько о своемъ простодушномъ учителѣ. И эта тоска такъ повліяла на слабую организацію нѣжнаго ребенка, что онъ скоро заболѣлъ, слегъ и навѣрно бы умеръ, если бы его неожиданно не навѣстилъ Пиднебесный.

Онъ понялъ причину недуга своего маленькаго друга и, вернувшись въ Парипсы, сумѣлъ внушить Дукачихѣ, что жертва Богу не должна быть дѣтоубійствомъ. А потому совѣтовалъ не томить болѣе дитя въ монастырѣ, а устроить его въ «живую жертву». Пиднебесный указывалъ путь не совсѣмъ чуждый и незнакомый малороссійскому казачеству: онъ совѣтовалъ отдать Савву въ духовное училище, откуда онъ потомъ можетъ перейти въ семинарію, и можетъ сдѣлаться сельскимъ священникомъ, а всякій сельскій священникъ можетъ сдѣлать много добра бѣднымъ и темнымъ людямъ и стать черезъ это другомъ Христовымъ и другомъ Божиимъ.

Дукачиха убѣдилась доводами Охрима, и отрокъ Савка былъ взятъ изъ монастыря и отвезенъ въ духовное училище. Это всѣ одобряли, кромѣ одной Керасивны, въ которую, вѣроятно за ея старые грѣхи, вселился какой-то сумрачный духъ противорѣчія, сказывавшійся весьма пенстыми выходками, когда дѣло касалось ея крестника. Она

его какъ будто и любила, и жалѣла, а между тѣмъ, Богъ знаетъ, какъ на его счетъ смущала.

Это началось еще съ самаго младенчества: понесутъ, бывало, Савку причащать,—Керасивна кричитъ:

— Що вы робите! не надо; — не посить его... се така дытына... неможна его причащать.

Не послушаютъ ея,—она вся позеленѣетъ и либо смѣется, либо пресить народъ въ церкви:

— Пустите меня скорѣе вонъ, щобъ мои очи не бачили, якъ ему будутъ Христовой крови давать.

На вопросы: что это ее такъ смущаетъ?—она отвѣчала:

— Такъ, мени тяжко! — изъ чего всѣ и заключили, что съ тѣхъ поръ, какъ она поисправилась въ своей жизни и больше не колдуетъ, чортъ нашель въ ея дупѣ убранную хороминку и вернулся туда, приведя съ собою еще нѣсколько другихъ «бисовъ», которые не любятъ ребѣнка Савку.

И впрямь, «бисы» жестоко расхлопотались, когда Савку повезли въ монастырь: они такъ поджигали Керасивну, что та больше трехъ верстъ гналась за саними, крича:

— Не губите свою душу, не везите его въ монастырь, бо оно къ сему не сдатное.

Но ея, разумѣется, не послушали; теперь же, когда пошла рѣчь [объ опредѣленіи мальчика въ училище, «откуда въ попы выходятъ», съ Керасивною сдѣлалась бѣда: ее ударилъ параличъ и она надолго потеряла даръ слова, который возвратился къ ней, когда дитя уже было опредѣлено.

Правда, что при опредѣленіи Савки явилось-было и еще одно маленькое препятствіе, которое состояло въ томъ, что никакъ не могли найти его записаннымъ въ метрическія книги Перегудинской церкви; но это ужасное обстоятельство для школъ гражданскихъ, въ духовныхъ училищахъ принимается нѣсколько мягче. Въ духовныхъ училищахъ знаютъ, что духовенство часто позабываетъ вписывать *своихъ* дѣтей въ метрики. Окрестивши, хорошенько подвыпьютъ, — боятся писать, что руки трясутся; назавтра похмеляются; на третій день ходятъ безъ памяти, а потомъ такъ и забудутъ вписать. Случаи такіе извѣстны, и, конечно, такъ это было и здѣсь, а потому хотя смотритель ругнулъ причетъ пьяницами, но мальчика принялъ, какъ онъ записанъ по исповѣднымъ росписямъ. А въ исповѣд-

ныхъ роснисяхъ Савва былъ записанъ прекрасно: точно и даже не по одному разу въ годъ.

Этимъ все дѣло и исправили,—и пошелъ хорошій мальчикъ Савва отлично учиться, окончилъ училище, окончилъ семинарію и былъ назначенъ въ академію, но неожиданно для всѣхъ отказался и объявилъ желаніе быть простымъ священникомъ и то непременно въ сельскомъ приходѣ. Отецъ молодого богослова, старый Дукачъ, къ этому времени уже умеръ; но мать его старушка еще жила въ тѣхъ же Паршсахъ, гдѣ какъ разъ объ эту пору скончался священникъ и открылась вакансія. Молодой человекъ и попалъ на это мѣсто. Неожиданная вѣсть о такомъ назначеніи очень обрадовала парижскихъ казаковъ, но зато совершенно лишила смысла остарѣвшую Керасивну.

Услышавъ, что ея крестникъ Савва становится въ поны, она безъ стыда разорвала на себѣ плахту и намисто, пала на кучу перегноя и выла:

— Ой, земля, земля! возьми насъ обоихъ! Но потомъ, когда этотъ духъ ее немножко поосвободилъ, она встала, начала креститься и ушла къ себѣ въ хату. А черезъ часъ ее видѣли, какъ она вся въ темномъ уборчпкѣ и съ палочкой въ рукахъ шла большимъ шляхомъ въ губернской городъ, гдѣ должно было происходить поставленіе Саввы Дукачева въ священники.

Нѣсколько человекъ встрѣтили на этомъ шляхѣ Керасивну и видѣли, что она шла очень поспѣшаючи, — ни отдыхать не садилась и ни о чемъ не разговаривала, а имѣла такой видъ, какъ бы на смерть шла: все вверхъ глядѣла и шопотомъ что-то шептала, вѣрно Богу молилась. Но Богъ и тутъ не внялъ ея молитвѣ. Хотя она и попала въ соборъ въ ту самую минуту, когда дьяконы, наяривая ставленника въ шею, крикнули «повелите», но никто не внялъ тому, что изъ толпы одна сельская баба крикнула: «Ой, не велю жъ, не велю!» Ставленника постригли, а бабу выпхали и отпустили, продержавъ дней десять въ полиціи, пока она перестирала приставу все бѣлье и нарубила двѣ кади капусты. Керасивна объ одномъ только интересовалась: «чи вже Савка ппипъ?» И узнавъ, что онъ попъ, она пала на колѣни, и такъ *на колѣняхъ* и проползла восемьдесятъ верстъ до своихъ Паршсѣ, куда этими днями уже прибылъ и новый «пппъ Савка».

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Парисьянскіе казаки, какъ сказано, были очень рады, что имъ назначили пана-отца изъ ихъ же казачьяго рода, и встрѣтили попа Савву съ большимъ радушіемъ. Особенно ихъ расположило къ нему еще то, что онъ былъ очень почтителенъ съ старой матерью, и сейчасъ же, какъ пріѣхалъ, спросилъ про свою «крестную», хотя навѣрно слышалъ, что она была и такая, и сякая, и вѣдьма. Онъ ничѣмъ этимъ не погнушался. Вообще, всѣмъ показалось, что человѣкъ этотъ обѣщалъ быть очень добрымъ священникомъ, и онъ такимъ и былъ на самомъ дѣлѣ. Всѣ его полюбили, и даже Керасивна ничего противъ него не говорила, а только порою супила брови да вздыхала, шепча:

— Усе бы добре, да якъ бы въ сей юшкѣ рыбка была.

Но рыбки въ ухѣ, по ея мнѣнію, не было, а безъ рыбы нѣтъ и ухѣ. Стало-быть, какъ ни хорошъ попъ Савва, а онъ ничего не стѣдитъ, и это непременно должно обнаружиться.

И впрямь, въ немъ начали замѣчаться странности: во-первыхъ, онъ былъ бѣденъ, но совершенно равнодушенъ къ деньгамъ. Во-вторыхъ, вскорѣ овдовѣвъ, онъ не былъ и не бралъ себѣ молодой наймычки; въ-третьихъ, когда нѣсколько женщинъ пришли ему сказать, что идутъ по обѣту въ Кіевъ, то онъ совѣтовалъ замѣнить ихъ походъ обѣтомъ послужить больнымъ и бѣднымъ, а прежде всего успокоить семью заботами о доброй жизни; а что касается даннаго обѣта, — онъ оказалъ неслыханную дерзость, — вызвался разрѣшить его и взять отвѣтъ на себя. «Разрѣшить обѣтъ, данный угодникамъ...» Это многимъ показалось такимъ богохульствомъ, которое едва ли возможно для человѣка крещенаго. Но и на этомъ дѣло не остановилось, — попъ Савва вскорѣ же далъ противу себя еще бѣльшія сомнѣнія: въ первый же великій постъ, когда всѣ прихожане перебивали у него на духу, оказалось, что онъ ни одному человѣку не запретилъ ѣсть, что ему Богъ послалъ, и никому не назначилъ епитимныхъ поклоновъ, а если и были отъ него кому-нибудь спитимныя назначенія, то они показывали новыя странности. Такъ, напримѣръ, мельнику Гаврилкѣ, который завѣдомо бралъ за помоль очень глубокимъ ковшомъ, отецъ Савва настоятельно наказалъ сейчасъ же постѣ испо-

вѣди сострогнуть въ этомъ ковнѣ края, чтобы не брать лишняго зерна. Иначе не хотѣлъ дать ему причастія — и привелъ ему на то доводы отъ писанія, что неправая мѣра Бога гнѣваетъ и можетъ навлечь наказаніе. Мельникъ послушался, и все перестали имъ обижаться, и повалили на его мельницу помолъ безъ перерыва. Онъ всеародно признался, что такъ съ нимъ Саввина спитимія сдѣлала. Молодая, очень горячая бабенка, бывшая за вторымъ мужемъ, лютовала надъ первобрачными дѣтьми. Отецъ Савва и въ это дѣло вмѣшался, и послѣ перваго же своего говѣнья у него молодая мачиха какъ переродилась и стала добра къ падчерицамъ и къ пасынкамъ. Жертвы за грѣхи онъ хотя и принималъ, — но не на ладанъ и не на свѣчи, а для двухъ бездомныхъ и безпріютныхъ сиротокъ Михалки и Потанки, которые жили у попа Саввы въ землянкѣ подъ колокольней.

— Да, — скажетъ бывало попъ Савва бабѣ или дѣвушкѣ: — дай Богъ, чтобы тебѣ это было прощено и чтобы ты впередъ не согрѣшила, а ты для того поусердствуй: послужи Господу.

— Радымъ - рада, батечку, тильки не знаю: чимъ Ему услуговать... хйба сходить у Києвъ.

— Нѣтъ, никуда далеко ходить не надо, — дома трудись и не дѣлай того, что дѣлала, а теперь сейчасъ пойдн смѣрай Божіихъ дѣтокъ Михалку да Потанку и сшей имъ по порточкамъ, хоть по коротенькимъ, да по сорочкѣ. А то велики стали, — стыдятся голые пузенья людямъ казать.

Грѣшницы охотно несли и эту епитимію, и Михалко съ Потанкой жили подъ опекою отца Саввы, какъ у самого Христа за пазушкой, — и не только «голыхъ пузеньей» не показывали, но и всего своего сиротства почти не замѣчали.

И подобныя епитиміи о. Саввы были не только всѣмъ подъ силу, но и многимъ очень по сердцу, — даже утѣшительны. Только, наконецъ, о. Савва выкинулъ такую штуку, которая ему обошлась дорого. Стали къ нему, въ его маленькую церковку, ходить окольные люди изъ Перегудинскаго прихода, гдѣ онъ былъ крещенъ, и гдѣ теперь былъ уже другой попъ, — не тотъ, съ которымъ выпивала въ своей молодости Керасивна и къ которому она возила по знакомству крестить Дукачева Савку. Это положило начало недружеству со стороны перегудинскаго попа къ о. Саввѣ, а

туть произошелъ другой вредный случай: умеръ перегудинскій прихожанинъ, богатый казакъ Оселедецъ, и, умирая, хотѣлъ завѣщать «копу рублей на велькій дзвинъ», т.-е. на попку большого колокола; но вдругъ, поговоривъ передъ самою смертью съ отцомъ Саввою, круто отмѣнилъ свое намѣреніе и ничего не назначилъ на велькій дзвинъ, а призвалъ трехъ хорошихъ хозяевъ и объявилъ, что отдастъ имъ эту копу грошей съ завѣщаніемъ употребить ихъ на ту «Божу потребу, яку скаже панъ-отець Савва».—Казакъ Оселедецъ умеръ, а панъ-отець Савва указалъ построить за его копу грошей свѣтлую хату съ растворчатыми окнами, и сталъ собирать въ нее ребятъ, да учить ихъ грамотѣ и слову Божію.

Казакъ думали, что это, пожалуй, дѣло хорошее, но не знали: богоугодное ли оно дѣло; а перегудинскій попъ это имъ вытолковалъ такъ, что дѣло выходитъ не богоугодно. Про то онъ обѣщалъ и доносъ писать, и написалъ. Отца Савву звали къ архіерею, но отпустили съ миромъ, и онъ продолжалъ свое дѣло: служилъ и училъ, и въ школѣ, и дома, и на полѣ, и въ своей малой деревянной церковкѣ. Времени прошло нѣсколько лѣтъ. Перегудинскій попъ, соревнуя отцу Саввѣ, этою порою отстроилъ каменную церковь, не въ примѣръ лучше Парипсянской, и богатый образъ досталъ, отъ котораго людямъ разныя чудеса сказывалъ; но попъ Савва и его чудесамъ не завидовалъ, а все велъ свое тихое дѣло по-своему. Онъ въ той же деревянной, маленькой церкви молился и Божіе слово читалъ, и его маленькая церковка ему съ людьми хоть порою тѣсна была, да зато перегудинскому попу въ его каменномъ храмѣ такъ было просторно, что онъ чуть ли не самъ-другъ съ понамаремъ по всей церкви расхаживалъ и смотрѣлъ, какъ смѣло на амвонѣ церковномъ мышъ выбѣгала и опять подъ амвонъ пряталась. И стало это перегудинскому попу, наконецъ, очень досадно; но онъ могъ лютовать на своего парипсянскаго сосѣда, отца Савву, сколько хотѣлъ, а вреда ему никакого сдѣлать не могъ, потому что нечѣмъ ему было подъ отца Савву подконтаться, да и архіерей стоялъ за Савву до того, что оправдалъ его даже въ той великой винѣ, что онъ перемѣнилъ настроеніе казака Оселедца, копа грошей котораго пошла не на дзвинъ, а на школу. Долго перегудинскій попъ это терпѣлъ, довольствуясь только тѣмъ,

что сочинять на Савву какія-нибудь нескладицы, въ родѣ того, что онъ чародѣй и его крестная matka была всѣмъ извѣстная въ молодости гулячка, и до сихъ поръ остается вѣдьмой, потому что никому на духу не кается, и не можетъ умереть, ибо въ писаніи сказано: «не хочетъ Богъ смерти грѣшника», но хочетъ, чтобъ онъ обратился. А она не обращается,—говѣетъ, а на духъ не ходитъ.

Это таки и было правда: старая Керасивна, давно оставившая всѣ свои слабости, хоть и жила честно и богобоязненно, но къ исповѣди не ходила. Ну, и возродились опять толки, что она вѣдьма и что, можетъ-быть, и вправду нашь-отецъ Савва хорошъ «за ея помощью».

Сталъ такой говоръ, а тутъ къ дѣлу подоспѣлъ другой пустой случай: стало у коровъ молоко пропадать... Кто этому могъ быть виноватъ, какъ не вѣдьма? а кто еще бѣльшая вѣдьма, какъ не старая Керасивна, которая, всѣмъ извѣстно, на цѣлое село мару напускала, мужа чортомъ оборачивала, и теперь пережила на селѣ всѣхъ своихъ сверстниковъ и ровесниковъ и все живетъ и ни исповѣдываться, ни умирать не хочетъ.

Надо было довести ее до того и до другого, и за это взялись нѣсколько добрыхъ людей, давшихъ себѣ слово: кто первый встрѣтитъ старую Керасивну въ темномъ мѣстѣ,—ударить ее,—какъ надлежитъ настоящему православному христіанину бить вѣдьму,—одинъ разъ чѣмъ попало *наотмаши* и сказать ей:

— Издыхай, а то еще бить буду.

И одному изъ тѣхъ богочтителей, которые взялись за такой подвигъ, посчастливилось: повстрѣчалъ онъ старую Керасивну въ безлюдномъ закоулкѣ и сподобился такъ угостить ее съ одного приема, что она тутъ же кувыркнулась ничкомъ и простонала:

— Ой, умираю: зовите попа,—исповѣдаться хочу.

Сразу вѣдьма узнала, за что ее ударили!

Но чуть перетасили ее домой и прибѣжалъ къ ней въ перенугѣ отецъ Савва, она опять передумала и начала оттягивать:

— Мнѣ у тебя, — говоритъ, — нельзя исповѣдываться, — твоя исповѣдь не пользуется, хочу другого попа!

Добрый отецъ Савва сейчасъ же на своей лошаdkѣ послалъ въ Перегуды за своимъ порицателемъ — тамошнимъ

священникомъ, и одного опасался, что тотъ закобенится и не прїѣдетъ; но опасеніе это было напрасно: перегудинскій попъ прїѣхалъ, вошелъ къ умирающей и оставался съ нею долго-долго; а потомъ вышелъ изъ хаты на крылечко, заложилъ дароносицу за пазуху и ну заливатьса самымъ непристойнымъ смѣхомъ. Такъ смѣется, такъ смѣется, что и унять его нельзя, и люди смотрятъ на него и понять не могутъ: къ чему это статочно.

— Да ну бо, — годи вамъ, пань-отче: что-то вы такъ сміетесь, що намъ ажъ страшно,—говорять ему люди.

А онъ отвѣчаетъ:

— О то же оно такъ и надлежить, щобы вамъ було страшно; да щобы всимъ страшно було,—на весь крещенный міръ, бо у васъ тутъ такое поганство завелось, якого отъ самага перваго дня, отъ святаго князя Владимира не було.

— О, да Богъ зъ вами, — не пужайте такъ страшно: идить, будьте ласковы, швидче до отца Саввы, — съ нимъ поговорить: нехай винъ що добре вздумаетъ, — якъ помогты христїанскимъ душамъ.

А перегудинскій попъ еще больше расхохотался, и вдругъ весь позеленѣлъ, глаза вынучилъ и отвѣчаетъ:

— Дурни вы вси,—темны и непросвѣщенные люди: школу себѣ вывели, а ничего не бачите.

— До того же мы васъ и просимъ: идите до нашего отца Саввы,—винъ васъ у себя въ хатѣ дожидаетъ: сядьте съ нимъ поговорить: винъ все бачить.

— Бачить!—закричалъ перегудинскій попъ.—Ни; ничего винъ не бачить: винъ и того не зна, кто винъ самъ такийъ есть на свити!

— Се мы вси знаемо, що винъ нашъ пань-отець,—пиць.

— Пиць!

— А вже жъ пиць.

— А я вамъ кажу, що винъ совсимъ и не пиць!

— Якъ не пиць?

— А такъ, не пиць, да и не христїанинь.

— Якъ не христїанинь! годи бо вамъ: що се вы брешете?

— А ни: не брешу,—онъ не христїанинь.

— А що жъ винъ таке?

— Що винъ таке?

— Да!

— А бисяка его знае що винъ таке!

Люди даже отшатнулись и перекрестились, а перегудинскій попь сѣлъ въ сани и говоритъ:

— Вотъ я прямо отъ васъ ѣду къ благочинному и везу ему такую вѣсть, що на весь мѣръ христіанскій будетъ срамъ великій, и тогда вы побачите, що и пипъ вангъ— не пипъ и не христіанинъ, и дитки ваши не христіане, и кого онъ изъ васъ вѣнчасть,—тѣ все равно, что не вѣнчаны, и тѣ, которыхъ схоронилъ, умерли яко псы, безъ отпущенія и мучатся тамъ въ неклѣ, и будутъ вѣкъ мучиться, и ни кто ихъ оттуда выратувать не можетъ. Да; и все это, что я говорю, есть великая правда, и съ тѣмъ я до благочиннаго ѣду, а вы, если мнѣ не вѣрите, идите всѣ за-разъ до Керасихи, и пока она еще дышитъ,—я приказалъ ей подъ страшнымъ заклятіемъ, чтобы она вамъ все рассказала: кто есть таковъ сей человекъ, що вы зовете своимъ попомъ Саввою. Да, годи уже ему людей портить: вонъ и сорока сѣла у него на крышѣ и кричитъ: «Савка, скинь кафтанъ!»—Ничего; скоро увидимся. Хлопче! погоняй до благочиннаго, а ты, сорочка, чекочи громче: «Савка, скинь кафтанъ!» А мы съ благочиннымъ сейчасъ назадъ будемъ.

Съ этимъ перегудинскій попь ускакалъ, а люди, сколько ихъ тутъ было, хотѣли всѣ кучей валить въ хатку Керасивны, чтобы допытать ее: что такое она наговорила про своего крестника, отца Савву; но, мало подумавши, рѣшили сдѣлать еще иначе, послать къ ней двухъ казаковъ, да чтобы съ ними третій былъ самъ попь Савва.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Пришли казаки и отецъ Савва, и застали Керасивну, что она лежитъ подъ образами и сама горько-прегорько плачетъ.

— Прости меня,—говоритъ,—мое серденько, мое милое да несчастливое,—заговорила она до Саввы,—носила я въ своемъ сердцѣ твою тайную причину, а свою вину больше якъ тридцать лѣтъ и боялась не только на яву ее никому не сказать, но щобъ и во снѣ не сбредила, и оттого столько лѣтъ и на духъ не шла, ну а теперъ, когда Всевышнему предстать нужно—все открыла.

Отецъ Савва, можетъ-быть, и струсилъ немножко чего-нибудь, потому что вся эта тайна его слишкомъ сурово до-трогивалась, но виду не показалъ, а спокойно говорить:

— Да що такъ за дило велике?

— Грѣхъ великій я содѣяла, и именно надъ тобою.

— Надо мною?—переспросилъ отецъ Савва.

— Да, надъ тобою: я тебѣ все въ жизни испортила, потому что хотя ты и писанію наученъ и въ поны поставленъ, а ни къ чему ты къ этому не годишься, потому что ты самъ до сихъ поръ нехрещенный человекъ.

Не мудрено себѣ представить, что долженъ былъ почувствовать при такомъ открытіи кроткій отецъ Савва. Онъ сначала было принялъ это за болѣзненный бредъ умирающей, даже улыбнулся на ея слова, и сказалъ:

— Полно, полно, крестиньякая: какъ же я некрещенный, когда ты моя крестная?

Но Керасивна обнаруживала полную ясность ума и последовательность въ своемъ разсказѣ.

— Оставь про это,—сказала она.—Якая я тебѣ крестная? Никто тебя не крестилъ. И кто во всемъ этомъ виновать,—я не знаю и во всю жизнь не могла узнать: зрѣлось ли это отъ нашихъ грѣховъ или можетъ быть больше отъ Николиной, великой московской хитрости. Но вотъ идетъ перегудинскій панъ-отецъ съ благочиннымъ—сиди и ты здѣсь: я всѣмъ все разскажу.

Благочинный было не хотѣлъ, чтобы отецъ Савва и ка-заки слушали признанія Керасивны, но она настояла на своемъ, подъ угрозою, что иначе не будетъ разсказывать.

Вотъ ея исповѣдь.

ГЛАВА ДВА ДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

«Попъ Савва, говорить,—совсѣмъ и не попъ, и не Савва, а человекъ не хрещеный, и это дѣло я одна знаю на свѣтѣ. Пошло это все съ того, что его покойный отецъ, старый Дукачъ, былъ очень лють: всѣ его не любили и всѣ боялись, и когда у него родился сынъ, никто не хотѣлъ идти въ кумовья, чтобы хрестить это дитя. Звалъ старый Дукачъ и судейскаго паныча и дочку нашего покойнаго пана-отца, да никто не пошелъ. Тогда старый Дукачъ еще больше разлютовался на весь народъ и на самого пана-отца—и его самого не захотѣлъ крестить просить: «Обойдусь,—го-

ворить,—безъ всего, безъ ихъ званія». Кликнулъ племянника Аганку, что у него по сиротству въ дурняхъ жилъ, да и велѣлъ пару коней запрячь и меня кумою позвать: поѣзжай, говоритъ,—Красивна съ Аганомъ въ чужое село и нынче же окрестите мою дытину. И онъ мнѣ шубу подарилъ, только Богъ съ нею, я се послѣ того случая и не надѣвала: вонъ она какъ и теперь черезъ всѣ тридцать лѣтъ цѣла виситъ. И наказалъ мнѣ Дукачъ одно, что смотри, говоритъ,—якъ Аганъ человекъ глупый, онъ ничего сдѣлать не сумѣетъ, то ты гляди, добре съ попомъ уладьтись, чтобы онъ, чего Боже борони, по якой ни есть злобѣ не далъ хлопцу якого имени не христіанскаго, труднаго, або московскаго. На двори у насъ Варваринъ день, а то очень опасно, бо тутъ коло Варвары сряду близко Никола живетъ, а Никола и есть самый первый москаль и онъ намъ, казакамъ, ни въ чемъ не помогаетъ, а все на московскую руку тянетъ. Що тамъ гдѣ ни случись, хоть и наша правда,—а онъ пойдетъ такъ-сякъ передъ Богомъ наговорить и все на московскую руку сдѣлаетъ, и своихъ москалей выкрутить и оправить, а казачество обидить. Борони Богъ намъ и дѣтей въ его имя называть. А вотъ тутъ же рядомъ съ нимъ живетъ святой Савка. Этотъ изъ казаковъ и до насъ дуже добрый. Який онъ тамъ ни есть, хоть и не важный, а своего казака не выдастъ.

Я говорю:

— Се такъ: да маломочень винъ, святой Савка!

А Дукачъ говоритъ:

— Ничего, что маломочень, зато винъ дуже штуковатый: гдѣ его сила не возьметъ, такъ на хитрость подымется и какъ-нибудь да отстоитъ казака. А мы ему въ силѣ сами помочь дадимъ: станемъ свѣчи ставить и молебень споемъ: Богъ побачитъ що и святого Савку люди добре почитаютъ и Самъ на его увагу поверне, а винъ тогда и подсилится.

Я все, что Дукачъ просилъ, ему обѣщала. И завернула малго въ шубу, крестъ его себѣ на шею надѣла, а въ ноги барилочку съ сливянкой поставили, и поѣхали. Но только мы съ версту отѣхали, какъ поднялась метель, просто ѣхать нельзя: зги никакой не видно.

Я говорю Агалу:

— Нельзя намъ ѣхать, воротимся!

А онъ дяди боялся и ни за что не хотѣлъ воротиться.

— Богъ дастъ, говоритъ,—доѣдемъ. А мнѣ чи замерзнуть, чи меня дядько убѣе,—то все сдыно.

И все коней погоняеть, и какъ уперся, такъ на своемъ и стоитъ.

А тѣмъ временемъ стало темнѣть и сдѣлалось не видно и слѣда. Ёдемъ мы, ѣдемъ, и не знаемъ, куда ѣдемъ. Кони туда-сюда вертятъ, крутятся,—и никуда не пріѣдемъ. Перезябли мы страшно и чтобы не застыть, взяли и сами потянули изъ той барилочки, что перегудинскому попу везли. А я на дитя посмотрѣла: думала—борони Богъ, не задохло бы. Нѣтъ, тепленькое лежить и дышитъ такъ, что даже парокъ отъ него валить. Я ему дырочку надъ личикомъ прокопала, — пусть дышитъ, и опять поѣхали, и опять ѣздили-ѣздили, видимъ, что мы опять все крутимся, и нѣтъ намъ во тѣмѣ никакого просвѣта, а кони куда знаютъ, туда и воротятъ. Теперь уже и домой вернуться, какъ раньше думали, чтобы переждать метель, и того нельзя, — нельзя уже стало и знать, куда ворочаться: гдѣ Парипсы, а гдѣ Перегуды. Я послала Агала, чтобы всталъ, да коней въ поводу велъ, а онъ говоритъ: «якая ты умная! мнѣ холодно». Обѣщаю ему, какъ домой вернемся, злотъ ему дать, а онъ говоритъ:

— На що мени вашъ и злотъ, якъ мы оба тутъ издохнемъ. А если хотите мнѣ что сдѣлать отъ доброй души, дайте мнѣ еще хорошенько потянуть изъ барила. Я говорю: пей, сколько хочешь,—онъ и попилъ. Попилъ и пошелъ впередъ, чтобы брать коней за узду, да замѣсто того сейчасъ же сразу назадъ: вернулся, и весь трясется.

— Что ты, говорю,—что съ тобой такое?

А онъ отвѣчаетъ:

— Да ишь вы, говоритъ,—якая умная: развѣ я могу противъ Никола перти?

— Что ты глупый человекъ, говоришь: чего тебѣ противъ Никола перти?

— А кто его знаетъ, говоритъ,—чего онъ тамъ стоитъ?

— Гдѣ, кто стоитъ?

— А вотъ тамъ, говоритъ,—у самага запряга, впереди коней.

— Да цуръ тебѣ, дурню, говорю: ты пьянъ!

— Эге, хорошо, отвѣчаетъ,—что пьянъ, а вотъ же твой мужъ былъ не пьянъ, да мару видѣлъ, и я вижу.

— Ну вотъ, говорю,—ты еще моего мужа вспомнилъ: что онъ видѣлъ—это я лучше тебя знаю, что онъ видѣлъ, а ты говори: что тебѣ показывается!

— А стоитъ что-сь такъ совсѣмъ дуже велике въ московской золотой шапцѣ, ажъ съ нее искры сыплются.

— Это, говорю, у тебя у самого изъ пьяныхъ глазъ сыпнется.

— Штъ, спорить, что Никола въ московской шапцѣ. Онъ насъ и не пуска.

Я и вздумала, что это, можетъ-быть, неправда, а можетъ, и вправду за то, что мы не хотѣли хлонца Николою назвать, а Савкою, и говорю:

— Не хай же по его буде: не пуска и не падо,—мы ему теперь уступимъ, а завтра по-своему сдѣлаемъ. Пусти коней идти, куда хотятъ,—они насъ домой привезутъ; а ты теперь за то хоть всю барилочку выпей.

Смутила я Агана.

— Ты, говорю,—выпей побольше, и только знай помалчивай; а я такое брехать стану, что никому въ умъ не вступить, что мы брешемъ. Скажемъ, что дѣтину охрестили и назвали его, какъ Дукачъ хотѣлъ, добрымъ казачьимъ именемъ,—Савкою,—вотъ и крестикъ пока ему на шейку надѣнемъ; а въ ведилю (воскресенье) скажемъ: панъ-отецъ велѣлъ дѣтину привезти, чтобы его причастить, и какъ повеземъ, тогда за-разъ и окрестимъ, и причастимъ,—и все будетъ тогда, какъ слѣдуетъ по христіанскому.

И открыла опять дѣтиноча,—оно такъ живеньке, спитъ, а само тепленьке, даже снѣжокъ у него на лобикѣ таетъ; я ему этой талой водицей на личикѣ крестъ обвела и проговорила: во имя Отца, Сына, и крестикъ надѣла, и пустились на Божію волю, куда кони вывезутъ.

Кони все шли да шли,—то идутъ, то остановятся, то опять пойдутъ, а погода все хуже да хуже, стыдъ все люте. Аганъ совсѣмъ опьянѣлъ, сначала бормоталъ что-то, а послѣ и голоса не сталъ подавать,—свалился въ сани и захрапѣлъ. А я все стыла, да стыла, и такъ и не пришла въ себя, пока меня у Дукача въ домѣ снѣгомъ стали оттирать. Тутъ я очнулась и вспоминала, что хотѣла сказать, и то самое и сказала, что дѣтя будто охрещено и что будто дано ему имя Савва. Мнѣ и повѣрили, и я покойна была, потому что думала все это поправить, какъ сказано, въ первое же воскресенье. А того и не знала, что Аганъ

былъ застрѣленный и скоро умеръ, а стараго Дукача въ острогъ берутъ; а когда узнала, я хотѣла во всемъ повиниться хоть старой Дукачихѣ, да никакъ не рѣшалася, потому что въ семьѣ тогда большое горе было. Думала, расскажу все это послѣ, да и послѣ тяжело было это открывать, и такъ все это день ото дня откладывалось. А время шло да шло, а хлопецъ все росъ; и все его Савкой звали, и въ науку его отдали,—я все не собралась открыть тайну и все мучилась, и все собиралась открыть, что онъ не крещеный, а тутъ, когда вдругъ услышала, что его даже и въ попы ставятъ, побѣжала-было въ городъ, сказать, да меня не допустили и его поставили, и говорить стало не къ чему. Зато съ тѣхъ поръ я уже и минуты покоя не знаю,—мучусь, что черезъ меня все христіанство на моемъ родномъ мѣстѣ съ некрещенымъ попомъ въ посмѣхъ отдается. Потомъ, чѣмъ старѣе становилась и видѣла, что люди его все больше любятъ, тѣмъ хуже мучилась и боялась, что меня земля не приметъ. И вотъ только теперь, въ мой смертный случай, насилу сказала. Пусть проститъ мнѣ все христіанство, чьи души я некрещенымъ попомъ сгубила, а меня хоть живую въ землю заройте, и я ту казнь приму съ радостью».

Благочинный и перегудинскій попъ все это выслушали, все записали и оба къ той записи подписались, прочитали отцу Саввѣ, а потомъ пошли въ церковь, положили вездѣ печати и уѣхали въ губернскій городъ къ архіерею и самого отца Савву съ собой увезли.

А народъ тутъ и зашумѣлъ, пошли переговоры: что это такое, надъ нашимъ паномъ-отцомъ, да откудава и съ какой стати? И можно ли тому быть, какъ говоритъ Керашиха? Статочное ли дѣло вѣдьмѣ вѣрить?

И сгромоздили такую комбинацію, что все это отъ Николы и что теперь надо какъ можно лучше «подсилить» передъ Богомъ святого Савку и идти самимъ до архіерея. Отбили церковь, зажгли передъ святцами всѣ свѣчи, сколько было въ ящикѣ, и послали велѣдъ за благочиннымъ шесть добрыхъ казаковъ къ архіерею просить, чтобы онъ отца Савву и думать не смѣлъ отъ нихъ трогать, «а то-де мы безъ сего пана-отца никого слушать не хотимъ и пойдемъ до иной вѣры, хоть если не до катылицкой, то до турецкой, а только безъ Саввы не останемся».

Вотъ тутъ-то архіерею и была загвоздка, почище того,

что «дьякопъ ударилъ тренака, а тренакъ не просить: зачѣмъ же благочинный доносить?»

Керасивна умерла, подтвердивъ въ своемъ порывѣ покаянія все, что мы знаемъ, и выборные казаки пошли къ архіерею и всю ночь все думали о томъ, что они сдѣлаютъ, если архіерей ихъ не послушаетъ и возьметъ у нихъ попа Савву?

И еще тверже рѣшили, что вернутся они тогда на село,— сразу выпьютъ во всѣхъ шинкахъ всю горѣлку, чтобы она никому не досталась, а потомъ возьметъ изъ нихъ каждый по три бабы, а кто богаче, тотъ четыре, и будутъ настоящими турками, но только другого пона не хотятъ, пока живъ ихъ добрый Савва. И какъ это можно допустить, что онъ не крещенъ, когда имъ крещено, исповѣдано, вѣнчано и схоронено такъ много людей по всему христіанству? Неужели теперь должны всѣ эти люди быть въ «поганьскомъ положеніи»? Одно, что казаки соглашались еще уступить архіерею,—это то, что если нельзя отцу Саввѣ попомъ остаться, то пусть архіерей его у себя, гдѣ знаетъ, тихонько окрестить, а только чтобы все-таки онъ его оставилъ... или иначе они... «удадутся до турецькой вѣры».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Это опять было зимою, и опять было подъ вечеръ, и какъ разъ около того же Николина или Саввина дня, когда Керасивна, тридцать пять лѣтъ тому назадъ, ѣздила изъ Парисовъ въ Перегуды крестить маленькаго Дукачева сына.

Отъ Парисъ до губернскаго города, гдѣ жить архіерей, было верстъ сорокъ. Отправившаяся на выручку отца Саввы громада считала, что она пройдетъ верстъ пятнадцать до большой корчмы жида Юселя,—тамъ подкрѣпится, погрѣется и къ утру, какъ разъ, явится къ архіерею.

Вышло немножко не такъ. Обстоятельства, имѣющія прихоть повторяться, сыграли съ казаками ту самую исторію, какая тридцать пять лѣтъ тому назадъ была разыграна съ Агапомъ и Керасивной: поднялась страшная метель, и казаки всею громадою начали плутать по степи, потеряли слѣдъ и, сбившись съ дороги, не знали, гдѣ они находятся, какъ вдругъ, можетъ-быть всего за часъ передъ разсвѣ-

томъ, видятъ стоитъ человекъ, и не на простомъ мѣстѣ, а на льду, надъ прорубью и говоритъ весело:

— Здорово, хлопцы!

Тѣ поздоровались.

— Чего, — говоритъ, — это васъ въ такую пору носить: видите, вы мало въ воду не попали.

— Такъ, — говорятъ, — горе у насъ большое, мы до архіерея спѣшимъ: хотимъ прежде своихъ враговъ его видѣть, чтобы онъ на нашу руку сдѣлалъ.

— А что вамъ надо сдѣлать?

— А чтобы онъ намъ нехрещенаго попа оставилъ, а то мы такіе несчастливые, що въ турки идемо.

— Какъ въ турки идете! Туркамъ нельзя горѣлки пить.

— А мы ее всю впередъ сразу выпьемъ.

— Ишь вы какіе лукавые.

— Да що же маемъ робить, при такой обидѣ — якъ добраго попа берутъ.

Незнакомый говоритъ:

— Ну, такъ расскажите-ка мнѣ все толкомъ.

Тѣ и рассказали. И такъ ни съ того, ни съ сего, стоя у проруби, умно все по порядку сказали и опять дополнили: что если архіерей имъ не оставитъ того Савву, то они «всеѣ вѣры рѣшатся».

Тутъ имъ этотъ незнакомый и говоритъ:

— Ну, не бойтесь, хлопцы, я надѣюсь, что архіерей хорошо разсудитъ.

— Да воно бѣ такъ и намъ, — говорятъ, — сдается, що такой великій чинъ маючи надо добре разсудить, а Богъ его церьковный знае...

— Разсудитъ, разсудитъ, а не разсудитъ, такъ я помогу.

— Ты?.. а ты кто такой?

— Скажи: якъ тебя звать?

— Меня, говоритъ, звать Саввою.

Казакъ другъ друга и толкнули въ бокъ.

— Чуете, се самъ Савва.

А тотъ Савва имъ потомъ: вотъ, говоритъ, вы пришли куда вамъ слѣдуетъ, — вонъ на горкѣ монастырь, тамъ и архіерей живетъ.

Смотрятъ и точно: виднѣть стало и передъ ними за рѣкою на горкѣ монастырь.

Очень казаки удивились, что подъ такую суровую непогодою, безъ отдыха, прошли сорокъ верстъ, и, избравшись на горку, сѣли у монастыря, достали изъ сумочекъ у кого что было съѣдобнаго и стали подкрѣпляться, а сами ждуть, когда къ утренѣ ударятъ и отперутъ ворота.

Дождались, вошли, утреню отстояли, и потомъ явились на архіерейское крыльцо просить аудіенціи.

Хотя наши архимонахи и не очень охочи до бесѣды съ простецами, но этихъ казаковъ сразу пустили въ покой и поставили въ пріемную, гдѣ они долго-долго ждали, пока явились сюда и перегудинскій попъ, и благочинный, и попъ Савва, и много другихъ людей.

Вышелъ архіерей и со всѣми людьми переговорилъ, а съ благочиннымъ и съ казаками ни слова, пока всѣхъ другихъ изъ залы выпустилъ, а потомъ прямо говорить казакамъ:

— Ну, что, хлопцы, обидно вамъ? Некрещенаго пона себѣ очень желаете?

А тѣ отвѣчаютъ:

— Милуйте—жалуйте, ваше высокопреосвященство: якъ же не обидаетъ... такой бувъ пинъ, такой пинъ, що другого такого во всѣмъ хрыстіанствѣ нема...

Архіерей улыбнулся.

— Именно, говоритъ,—такого другого нема, да съ этимъ оборачивается до благочиннаго и говоритъ:

— Поди-ка въ ризницу: возьми, тамъ тебѣ Савва книгу приготовилъ, принеси и читай, гдѣ раскрыта.

А самъ сѣлъ.

Благочинный принесъ книгу и началъ читать: «Не хочу же васъ не вѣдѣти, братіе, яко отцы наши *вси подъ облакомъ быша* и вси сквозь море проидоша и вси въ Моисея *крестишася во облацѣ и въ мори*. И вси тожде брашно духовное ядоша и вси тожде пиво духовное пяху, бо отъ духовнаго послѣдующаго камене: камень же бѣ Христосъ».

На этомъ мѣстѣ архіерей и перебилъ, говоритъ:

— Разумѣши ли, яже чтеши?

Благочинный отвѣчаетъ:

— Разумѣю.

— И сейчасъ ли только ты это уразумѣлъ?

А благочинный и не знаетъ, что отвѣчать, и такъ изоболмашъ сказалъ:

— Слова сіи я и прежде чель.

— А если чель, такъ зачѣмъ же ты такую тревогу допустилъ и этихъ добрыхъ людей смутилъ, которымъ онъ добрымъ настыремъ былъ?

Благочинный отвѣчалъ:

— По правиламъ святыхъ отецъ...

А архіерей перебилъ:

— Стой, говорить,—стой: иди опять къ Саввѣ: онъ тебѣ дастъ правило.

Тотъ пошелъ и пришелъ съ новою книгою.

— Читай,—говоритъ архіерей.

— Читаемъ,—началъ благочинный:—у святаго Григорія Богослова писано про Василія Великаго, что онъ «былъ для христіанъ іереемъ до священства».

— Сіе къ чему?—говоритъ архіерей.

А благочинный отвѣчаетъ:

— Я только по долгу службы моей, какъ оказался онъ не крещеный въ такомъ санѣ...

Но тутъ архіерей какъ топнетъ:

— Еще, говоритъ,—и теперь все свое повторяешь! Стало быть, по-твоему сквозь облако пройдя въ Моисея можно окреститься, а во Христа нельзя? Вѣдь тебѣ же сказано, что они, добываясь крещенія, и влажное облако со страхомъ смертнымъ проникали, и на чель расталою водою того облака крестъ младенцу на лицѣ написали во имя святой Троицы. Чего же тебѣ еще надо? Вздорный ты человекъ и не годишься къ дѣлу: я ставлю на твое мѣсто пона Савву; а вы, хлопцы, будьте безъ сомнѣнія: пошъ ваши. Савва, который вамъ хороши, и миѣ хороши и Богу пріятенъ, и идите домой безъ сомнѣнія.

Тѣ ему въ ноги.

— Довольны вы?

— Дуже довольны,—отвѣчаютъ хлопцы.

— Не пойдете теперь въ турки?

— Тпфу! не идемо, батьку, не идемо.

— И всю горѣлку сразу не выпьете?

— Не выпьемъ отъ разу, не выпьемъ, цуръ ії, пекъ!

— Идите же съ Богомъ и живите по-христіански.

И тѣ уже готовы были уходить, но одинъ изъ нихъ для большаго успокоенія кивнулъ архіерею пальцемъ и говоритъ:

— А будьте, ваша милость, ласковы, отойти со мною до куточка.

Архіерей улыбулся и говоритъ:

— Ну хорошо, пойдѣмъ до куточка.

Тутъ казакъ его и спрашиваетъ:

— А звольте ваша милость: звиткиля вы все се узнали, допреже якъ мы вамъ сказали?

— А тебѣ, говоритъ,—что за дѣло?

— Да намъ таке дило, чи се не Савва ли вастъ всимъ надоумивъ?

Архіерей, которому все разсказаль его келейникъ Савва, посмотрѣль на хохла и говоритъ:

— Ты отгадалъ,—миѣ Савва все сказаль.

А самъ съ этимъ и ушелъ изъ залы.

Ну, тутъ хлонцы и поняли все, какъ хотѣли. И съ той поры живеть разсказъ, какъ маломочный Савва тихенько да гарненько оборудоваль дѣло такъ, что московскій Никола со всей своей силою ни при чемъ остался.

— Такий-го, говорятъ,—нашъ Савкò штуковатый, якъ подсилился, то таке повидумываль, что всѣхъ съ толку сбиль: то отъ писанія покажетъ, то отъ святыхъ отецъ въ носъ сунеть, такъ что ажъ ничего понять не можно. Богъ его святыи знае: чи онъ взаправду пона Савву у Керасивны за пазухою перекрестиль, чи только такъ ловко все закарогольшь, що и архіерею не разкрутить. А вышло все на добре. На томъ ему и спасыби.

О. Савва, говорятъ, и нынче живъ и вокругъ его села кругомъ штунда, а въ его малой церковкѣ все еще полно народу... И хотъ неизвѣстно: «подсиживаютъ» ли тамъ нынче св. Савкà попрежнему, но утверждаютъ, что тамъ, попрежнему, во всемъ приходѣ никакіе Михалки и Потапки «голые пузенья» не показываютъ.

ВЛАДЫЧНЫИ СУДЪ.

БЫЛЬ.

(ИЗЪ НЕДАВНИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ).

Pendant къ разсказу „На краю свѣта“.

«Не судите по наружности, по судите судомъ праведнымъ». (Іоан. 7, 24).
«Судь безъ милости — не оказавшему милости». (Іак. 11, 13).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ 1876 году я написалъ маленькій разсказъ, который называется «*На краю свѣта*» (изъ воспоминаній архіерея). Онъ имѣлъ, какъ мнѣ кажется, нѣкоторый успѣхъ. По крайней мѣрѣ я обязанъ такъ думать, судя и по довольно быстрой продажѣ книжечки, и по разнообразію вызванныхъ ею толковъ. Литературные органы, удостоившіе ее вниманія (не исключая и одного духовнаго изданія), отзывались о ней чрезвычайно сочувственно и милостиво, но зато частнымъ, негласнымъ путемъ мнѣ довелось слышать иное. Нѣкоторые весьма почтенныя и довольно извѣстныя въ духовенствѣ лица отнеслись къ этому разсказу неодобрительно. То же самое высказано мнѣ и многими редстокистами. И тѣ, и другіе увидали въ поведеніи описаннаго мною архіерея и миссіонеровъ «*мирволеніе неспрїю и даже нерадѣніе о спасеніи душъ святѣмъ крещеніемъ*».

И экзальтированнымъ мечтателямъ, и положительнымъ ортодоксаламъ одинаково не нравится, что описанный мною архіерей и миссіонеры не сѣвшили крестить бродячихъ дикарей, которые нимало не усвоили истинъ христіанской

вѣры и принимали крещеніе или страха ради, или изъ матеріальныхъ расчетовъ.

Я не вижу никакой необходимости оправдываться въ томъ, что я написалъ, хотя и для оправданія моего, мнѣ, можетъ-быть, стоило бы только отослать этихъ критиковъ къ двумъ небольшимъ сочиненіямъ блаженнаго Августина: «De fide et operibus» и «De catechisandis rudibus». Тамъ они могутъ найти у этого великаго христіанскаго философа готовые отвѣты на укоризны, дѣлаемые ими мнѣ за моихъ «тенденціозно-вымышленныхъ геросовъ». Но дѣло-то въ томъ, что въ упомянутомъ небольшомъ моемъ сочиненіицѣ со- всемъ и нѣтъ никакой тенденціи и даже очень мало вымысла, а почти все—настоящее происшествіе, весьма немного развитое только въ нѣкоторыхъ деталяхъ, и то по готовой канвѣ.

Я не вижу болѣе надобности скрывать, что архіерей, изъ воспоминашій котораго составленъ этотъ рассказъ, есть не кто иной, какъ недавно скончавшійся архіепископъ ярославскій, высокопреосвященный Нилъ, который *самъ* рассказывалъ это *бывшее съ нимъ* происшествіе понынѣ здравствующему и живущему здѣсь въ Петербургѣ почтенному и всякаго довѣрія достойному лицу В. А. К—ву. В. А. К—въ сообщилъ этотъ случай мнѣ, какъ прекрасный матеріаль для характеристики свѣтлаго и яснаго взгляда усопшаго автора «Буддизма», а я только воспользовался этимъ матеріаломъ. Но, можетъ-быть, не безынтересно будетъ знать, что этотъ, рассказанный мною случай, въ которомъ всего замѣчательнѣе, конечно, взглядъ архіерея, далеко не единиченъ въ своемъ родѣ, и чтобы доказать это, я хочу теперь рассказать другое, близко мнѣ извѣстное происшествіе, всѣхъ участниковъ котораго я уже буду называть ихъ настоящими именами.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Очень молодымъ человѣкомъ, почти мальчикомъ, я началъ мою службу въ Кіевѣ, подѣ начальствомъ Алексѣя Кирилловича Ключарева, который впоследствии служилъ директоромъ департамента государственнаго казначейства и былъ извѣстенъ какъ «службистъ» и «чиновникъ съ головы до пятокъ». Его боялись въ Житомирѣ, боялись въ Кіевѣ и только перестали бояться въ Петербургѣ, гдѣ этотъ су-

ровый и сухой формалистъ почувствовалъ, что онъ тутъ не къ масти козырь, и вскорѣ по удаленіи отъ дѣлъ скончался. Онъ происходилъ изъ духошнаго званія, воспитывался въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ и былъ въ натурѣ бурсакъ самаго крѣпкаго закала. Онъ былъ неустоимъ, дѣловитъ, логиченъ, сухъ, любилъ во всемъ точность и не отличалъ слабостей сострадательнаго сердца. Правда, онъ очень любилъ свою компанію собачонку съ коричневыми ушами; цѣловалъ ее врасосъ въ самую морду; бывалъ въ тревогѣ, когда она казалась ему грустною, и даже собственноручно ставилъ ей промывательное; но я никогда не видалъ, чтобы въ его сухомъ, почти жестокомъ лицѣ дрогнуло хотя одинъ мускулъ, когда онъ выгонялъ со службы много-семейнаго чиновника или стригъ въ рекруты малолѣтнихъ еврейчиковъ, которыхъ тогда брали на службу въ дѣтскомъ возрастѣ.

Эта пріемка жидовскихъ ребятишекъ, поистинѣ, была ужасная операція. Законъ позволялъ приводить въ рекруты дѣтей не моложе двѣнадцатилѣтняго возраста, но «въ наружномъ виду» и «на основаніи присяжныхъ розысканій» принимали дѣтей и гораздо моложе, такъ какъ въ этомъ для службы вреда не предвидѣлось, а оказывались даже кое-какія выгоды, — напримѣръ, существовало убѣжденіе, что маленькія дѣти скорѣе обывкались и легче крестились.

Пользуясь такимъ взглядомъ, еврей-сдатчики вырывали маленькихъ жидочковъ изъ материнскихъ объятій почти безъ разбора, и прямо съ теплыхъ постелей сажали ихъ въ холодные краковскіе брики и тащили къ сдачѣ.

Какими душу разрывающими ужасами все это сопровождалось, объ этомъ не дай Богъ и вспомнить. По всѣмъ еврейскимъ городамъ и мѣстечкамъ буквально возобновлялся «плачь въ Рамѣ»: Рахиль громко рыдала о дѣтяхъ своихъ и не хотѣла утѣшиться.

Къ самой суровости требованій закона, нынѣ — слава Богу и Государю — уже отмѣненнаго, присоединилась еще къ угнетенію бѣдныхъ вся безпредѣльная жестокость жидовской неправды и плутовства, практиковавшихся на всѣ лады. Очередныхъ рекрутъ почти никогда нельзя было получить, а приводились подочередные, запасные и вовсе неочередные; а такъ какъ наборы были часты и производились съ замѣчательною строгостью, то разбирать было

некогда, и неочередные принимались «во избѣжаніе недоимки», съ условіемъ переменны въслѣдствіи очередными; по условіе это, разумѣется, никогда почти не исполнялось. «Записано и съ рукъ долой». Принятое дитя засылали въ далекіе кантонистскіе батальоны, и бѣдные родители не знали, гдѣ его отыскивать, а къ тому же у рачительныхъ партіонныхъ командировъ, *по-своему* радѣвшихъ о христіанствѣ, и вѣроятно тоже *по-своему* его и понимавшихъ, значительная доля такихъ еврейчиковъ оказывалась окрещенными, прежде чѣмъ партія приходила на мѣсто, гдѣ крещеніе производилось еще успѣшнѣе. Словомъ, ребенокъ, разъ взятый отъ евреевъ-родителей, былъ для нихъ почти что навсегда потерянъ.

Очень многихъ изъ этихъ жидочковъ крестили еще и до выступленія партій изъ Кіева, чѣмъ особенно интересовалась и озабочивалась покойная супруга тогдашняго юго-западнаго генераль-губернатора, княгиня Екатерина Алексѣевна Васильчикова (рожденная кн. Щербатова).

Самая вопіющая несправедливость при сдачѣ дѣтей заключалась въ томъ, что у нихъ почти у всѣхъ безъ исключенія никогда не бывало метрическихъ раввинскихъ выписей, и лѣта приводимаго опредѣлялись, какъ я сказалъ, или наружнымъ видомъ, который можетъ быть обманчивъ, или такъ-называемыми «присяжными розысканіями», которыя всегда были еще обманчивѣе. Что такое были эти присяжные розысканія,—это весьма интересно и въ своемъ родѣ можетъ быть поучительно для нѣкоторыхъ мечтателей, имѣющихъ высокое понятіе о еврейской религіозности. Шестъ или двѣнадцать жидковъ *присягали* гдѣ-то, что они «достаточно знаютъ, что такому-то Шмилку и Мордкѣ уже исполнилось двѣнадцать лѣтъ», и на основаніи этого документа принимались въ рекруты дѣти, которымъ было не болѣе семи или восьми лѣтъ. Случаевъ этихъ было бездна. Бывало и то, что одна дюжина сыновъ Израиля, нанятая присягать сдатчиками, присягала, что Мордкѣ двѣнадцать лѣтъ, а другая, нанятая для того же родителями ребенка, подъ такою же присягою удостовѣряла, что ему только семь лѣтъ! Бывало даже, что и одни и тѣ же люди присягали и за одно, и за другое. Это объяснялось возникновеніемъ при описываемыхъ мною обстоятельствахъ особаго промысла «присягателей»: изъ самаго мерзкаго

отребя жидовскихъ кагаловъ, такъ хорошо описанныхъ принявшимъ христіанство раввиномъ Брафманомъ, составлялись банды безсовѣстныхъ и грубо деморализованныхъ людей, которые такъ и бродили шайками по двѣнадцати человѣкъ, ища работы, т.-е. пытая вездѣ: «чи нема чого присягать?»

И гдѣ было «чого присягать», тамъ, при продажномъ приставѣ и продажномъ «казенномъ раввинѣ», безтрепетно произносилось имя Егovy и Его святымъ именемъ какъ бы покрывалась страшная неправда гнусной совѣсти человѣческой.

Вся кощунственная мерзость этого вопіющаго злоупотребленія именемъ Божиимъ была всѣмъ узрима до очевидно-сти; но... дѣло обставленное съ его формальной стороны не останавливало теченія этого «порядка». Ни судить, ни рѣдить, ни заступиться за слабаго при самомъ очевидномъ его угнетеніи не было ни времени, ни средствъ, ни охоты...

Да; я не обмолвился: не было уже и охоты, потому что въ этомъ морѣ стонувъ и слезъ, въ которомъ мнѣ въ моей юности пришлось провести столько тяжелыхъ дней, отупѣвало чувство и если порою когда и шевелилось слабое состраданіе, то его тотчасъ же подавляло сознаніе полнѣйшаго безсилія помочь этому ужаснѣйшему, раздирающему горю цѣлой толпы завывавшихъ у стѣнъ палаты матерей и раввиныхъ свои пейсы отцовъ.

Ужасныя картины, повторяясь изо дня въ день, притупляли впечатлительность даже и въ незломъ и въ доступномъ состраданію сердцѣ.

«Привычка—чудовище».

Но какъ нѣтъ правилъ безъ исключенія, то и тутъ, въ этой тягостной полосѣ моихъ раннихъ воспоминаній есть одно исключеніе, съ которымъ для меня соединяется самое свѣтлое воспоминаніе о небольшомъ и конечно неважномъ, но, по моему мнѣнію, въ высшеѣ степени замѣчательномъ и оригинальномъ происшествіи, бросающемъ мягкій и теплый лучъ свѣта на меркнувшую въ людской памяти личность благодушнѣйшаго іерарха русской церкви, покойнаго митрополита кievскаго Филарета Амфитеатрова.

Можетъ статься, что читатель будетъ немножко удивленъ: кое общеніе митрополиту съ жидовскимъ наборомъ?! И впрямь есть чему удивляться; но чѣмъ это кажется удиви-

темыѣ, тѣмъ должно быть интереснѣе, и ради этого-то интереса я приглашаю читателя терпѣливо послѣдовать за мною до конца моего небольшого разсказа.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

А. К. Ключаревъ, не взирая на мои юные годы, назначилъ меня къ производству лабора. Дѣло это, не требующее никакихъ, такъ-называемыхъ, «высшихъ соображеній», требуетъ, однако, много усилій. Цѣлые дни, иногда съ ранняго утра до самыхъ сумерекъ (при огнѣ рекрутъ не осматривали) надо было безвыходно сидѣть въ присутствіи, чтобы разяснить очередныя положенія приводимыхъ лицъ и представлять объясненія по безчисленнымъ жалобамъ, а также подводить законы, приличествующіе разрѣшенію того или другого случая. А чуть закрылось присутствіе, начиналась самая горячая подготовительная канцелярская работа къ слѣдующему дню. Надо было принять объявленія, сообразить ихъ съ учетами и очередными списками; отослать обмундировочныя и порціонныя деньги; выдать квитанціи и рассмотретьъ цѣлыя горы ежедневно въ великомъ множествѣ постунавшихъ запутаннѣйшихъ жалобъ и каверзнѣйшихъ доносовъ.

Канцелярія, состоящая изъ командированныхъ къ этому времени изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ чиновниковъ, исполняла только то, что составляло механическую работу,—т.е. ея дѣло вписать и записать, выдать,—все же требующее какой-нибудь сообразительности и знанія законовъ лежало на одномъ лицѣ — на дѣлопроизводителѣ. Поэтому, къ этой мучительной, трудной и отвѣтственной должности выбирались люди служилые и опытные; но А. К. Ключаревъ, по свойственной ему во многихъ отношеніяхъ непосредственности, выбралъ въ эту должность меня,—едва лишь начавшаго службу и имѣвшаго всего 21 годъ отъ роду.

Легко представить: какія усилія я долженъ былъ употреблять, чтобы вести въ порядкѣ такое суматошное и отвѣтственное дѣло при такомъ строгомъ начальникѣ, какъ А. К. Ключаревъ, котораго потомъ смѣнилъ благодушный Н. М. Кобылицъ, тоже удержавшій меня на этой должности. Мученія мои начались мѣсяца за полтора до начала лабора по образованію участковъ, выбору очередей и проч.,

продолжались мѣсяца полтора-два во время самаго набора и оканчивались послѣ составленія о немъ отчета. Во все это время я не жилъ никакою человѣческою жизнью, кромѣ службы: я едва имѣлъ часъ, полтора на обѣдъ и не болѣе четырехъ часовъ въ ночь для сна.

Всякій, вѣроятно, легко пойметъ, какъ при такой жизни у меня было мало времени для того, «чтобъ сердцемъ умилиться, о людяхъ плакать и молиться».

Въ это-то время, можетъ-быть даже въ одинъ изъ самыхъ надоѣдлыхъ дней, я сидѣлъ разъ вечеромъ за своимъ столикомъ въ присутственной комнатѣ и читалъ одну за другою набросанныя мнѣ жалобы. Ихъ по обыкновенію было очень много, и большинство ихъ—почти тождественнаго содержанія. Всѣ онѣ содержали одни и тѣ же сѣтованія и были написаны по одному очень грустному и очень пошлomu шаблону. Но вдругъ мнѣ попалъ въ руки листокъ прескверной, скомканной бумаги, на которомъ певольно остановилось мое вниманіе. Отъ этой бумажонки такъ и несло самымъ безучастнымъ и самымъ непосредственнымъ горемъ, котораго нельзя было не замѣтить, какъ нельзя не замѣтить насквозь промерзшаго окна, потому что отъ него дышитъ холодомъ. Самый видъ этой бумажонки напоминалъ того нищаго, про котораго Гейне сказалъ, что у него:

глядѣла...

Бѣдность въ каждую прорѣху
И изъ очей глядѣла бѣдность.

Я почувствовалъ неотразимую потребность самымъ внимательнымъ образомъ вникнуть въ эту бумагу; но лишь только приступилъ къ ея чтенію, какъ сейчасъ же увидалъ, что это было почти что невозможно. Невозможно было понять, на какомъ это было писано языкѣ и даже какимъ алфавитомъ. Тутъ были буквы и польскія, и русскія, и вдругъ между ними цѣлое слово или одинъ знакъ по-еврейски. Самое надписаніе было что-то въ родѣ надписанія, какое сдѣлали гоголевскіе купцы въ жалобѣ, поданной «господину финансову» Хлестакову: тутъ были и слова изъ высочайшаго титула, и личное имя предсѣдателя, и упоминались «усп генераль-губернатора и чины и ваши оберъ-преподобіе, умѣстѣ съ флигерточаковъ *) и успи, кто въ Бога вируе».

*) Флигерточаковъ» это должно было значить «флигель-адъютантъ Чертковъ».

Словомъ, было видно, что проситель жаловался всѣмъ властямъ въ мірѣ и все это устроилъ въ такой формѣ, что можно было принять, пожалуй, за шутку и за насмѣшку, и было полное основаніе все это произведеніе «оставить безъ послѣдствій» и бросить подъ столъ въ корзину. Но, опять повторяю, здѣсь «глядѣла бѣдность въ каждую прорѣху и изъ очей глядѣла бѣдность», и мірѣ ее стало очень жалко.

Вмѣсто того, чтобы отбросить бумажонку за ея неформенность, какъ «неподлежаще подающую», я ее началъ читать и «духомъ возмущился, зачѣмъ читать учился». Нелѣпность въ подписаніи была ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что содержалъ самый текстъ, но зато въ этой нелѣпности еще назоливше вопіяло отчаяніе.

Проситель въ малопонятныхъ выраженіяхъ, изъ коихъ трудно было добраться до смысла, рассказывалъ слѣдующее: онъ былъ «интролигаторъ», т.-е. переплетчикъ, и обращаясь по своему мастерству съ разными книгами, «носядалъ много науки въ премудрость Божяго слова обширнаго разсужденія». Такое «обширное разсужденіе» привело его въ опалу и у кагала, который въ противность всѣхъ правилъ напалъ ночью на домишко «интролигатора» и съ его постели увлекъ его десятилѣтняго сына и привезъ его къ сдачѣ въ рекруты. «Интролигаторъ» дѣйствительно не былъ на очереди и представлялъ присяжное разысканіе, что взятый кагаломъ сынъ его имѣетъ всего семь лѣтъ; но очередь въ эти дни передъ концомъ набора не наблюдалась, а кагалъ въ свою очередь представлялъ другое присяжное разысканіе, что мальчику уже исполнилось двѣнадцать лѣтъ.

Интролигаторъ очевидно предчувствовалъ, что мірская кривда одолѣетъ его правду и, не надѣясь восторжествовать надъ этою кривдою, отчаянно молилъ подождать съ принятіемъ его сына «только день одинъ», потому что онъ павялъ уже вмѣсто своего сына наемщика, двадцатилѣтняго еврея, и везетъ его къ сдачѣ, а просьбу эту посылаетъ «въ впередъ по почтѣ».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

По обычаямъ, у насъ существовавшимъ, все это ничего не значило, — и такъ какъ самого интролигатора съ его наемщикомъ не было въ Кіевѣ, а его мальчикъ былъ уже

привезешь и завтра назначенъ къ осмотру, то было ясно, что если онъ окажется здоровъ и тѣльцемъ крѣпокъ, то мы его «по наружному виду» пострижемъ и пустимъ въ ходъ.

Съ этимъ я и отложилъ просьбу интролигатора въ сторону съ подлежащею справкою и помѣтою. Больше я ничего не могъ сдѣлать; но прошелъ часъ, другой, а у меня ни съ того, ни съ сего ума не выходилъ этотъ бѣдный начитанный переплетчикъ. Мнѣ все представлялось: какъ онъ прилетитъ завтра сюда съ его «обширнымъ разсужденіемъ», а его дитя будетъ уже въ солдатскихъ казармахъ, куда такъ легко попасть, но откуда выбраться трудно.

И все мнѣ становилось жалче и жалче этого бѣднаго жидка, въ просьбѣ котораго такъ неожиданно встрѣчалось его «широкое образованіе», за которымъ мнѣ тутъ чувствовалась цѣлая старая исторія, которая вѣчно нова въ жестокыйномъ еврействѣ. Не должно ли было это просто значить, что человѣкъ, имѣвшій отъ природы добрую совѣсть, немножко пораздвинулъ свой умственный кругозоръ и, не измѣняя вѣрѣ отцовъ своихъ, попытался имѣть свое мнѣніе о духѣ закона, сокрываемомъ буквою,—сталъ больше заботиться объ очищеніи своего сердца, чѣмъ объ умываніи рукъ и полосканіи скляницъ — и вотъ дѣло готово: онъ «опасный вольнодумецъ», котораго фарисейскій талмудизмъ стремится разорить, уничтожить и стереть съ лица земли. Если бы этотъ человѣкъ былъ богатъ, ѣлъ свинья колбасы у исправника, совсѣмъ позабылъ Егову и не думалъ о Его заповѣдяхъ, но не вредилъ фарисейской лжеправедности,—это было бы ничего,—его бы терпѣли и даже уважали бы и защищали; но у него явилась какая-то *ширъ*, какая-то свобода духа,—вотъ этого подзаконное жидовство стерпѣть не можетъ.

Восемнадцать столѣтій этой *старой исторіи* еще не измѣнили *); но я, впрочемъ, возвращаюсь къ своей исторіи.

Кому-нибудь, можетъ-быть, покажется страннымъ — по-

*) Русское законодательство имѣло въ виду эту фарисейскую мстительность, и въ IV томѣ Свода Законовъ были положительныя статьи, которыми вмѣнялось въ обязанность, при разсмотрѣніи общественныхъ приговоровъ о сдачѣ евреевъ въ рекруты «за дурное поведеніе», обращать строгое вниманіе, чтобы подъ видомъ обвиненія въ «дурномъ поведеніи» не скрывался козни фанатическаго свойства, мстичія за исполненіе тѣхъ или другихъ «еврейскихъ обрядовъ»; но евреи это отлично обходили и достигали чего хотѣли.

чему я придавалъ такое значеніе словамъ интролигатора, который, будучи пристигнутъ бѣдою, очень могъ нарочно прикинуться гонимымъ за свободу мнѣній?

Я это понимаю, и конечно случись это теперь, — подозрѣніе, весьма вѣроятно, могло бы закрасться и въ мою голову; но въ ту пору, къ которой относится мой рассказъ, о такихъ вѣщахъ, какъ «свобода мнѣній», не думали даже люди, находившіеся въ положеніи гораздо болѣе благопріятномъ, чѣмъ бѣдный жидокъ, у котораго похитили съ постели его единственнаго ребенка. Ему не могло придти въ голову поцеголять либерализмомъ, который послужилъ бы ему скорѣе въ напастъ, чѣмъ въ пользу, а это отнюдь не свойственно представителю расчетливой еврейской породы. Слѣдовательно, я имѣлъ основаніе умозаключить, что слово о религіи тутъ употреблено самымъ искреннимъ образомъ.

Повторяю: мнѣ стало жаль бѣднаго интролигатора, и я вздумалъ ему немножко помочь. Я хотѣлъ, возвращаясь ночью домой, захватить въ Англійскую гостиницу, гдѣ квартировалъ, находившійся для набора, флигель-адъютантъ, и сказать ему: не пожелаетъ ли онъ вступить за бѣднаго человѣка, — попросить, чтобы пріемъ рекрутъ этого участка былъ на одинъ день отложенъ.

Флигель-адъютанты, которыхъ присылали къ наборамъ, хотя прямо въ такіе распорядки не вмѣшивались, но ихъ ходатайства всегда болѣе или менѣе уважались. Однако, и эта моя задача не годилась, потому что прежде, чѣмъ я привелъ свое намѣреніе въ исполненіе, несчастное дѣло бѣднаго интролигатора осложнилось такими роковыми случайностями, что спасти его сына могло уже развѣ только одно чудо. И что же? чудо для него совершилось, и притомъ совершилось свободно, просто и легко, наперекоръ всеѣмъ видимымъ невозможностямъ, благодаря лишь одному тому кроткому «земному ангелу», за какового многіе въ Кіевѣ почитали митрополита Филарета, привлеченнаго сюда — къ этому жидовскому дѣлу — самымъ неожиданнымъ образомъ и перевершившаго всю жидовскую кривду и неподвижную буквенность закона своимъ живымъ и милостивымъ *владычнымъ судомъ*.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Часу въ двѣнадцатомъ ночи я услыхалъ какой-то силь-

ный шумъ въ огромной канцелярской залѣ, смежной съ присутвенною камерою, гдѣ я сидѣлъ одинъ за своимъ дѣлопроизводительскимъ столикомъ. -

Подобные беспорядки, какъ шумъ, случались, потому что ко мнѣ, какъ къ слишкомъ молодому начальнику канцеляріи, подчиненные мои страха не питали и особой аттенціи не оказывали. Лучшими изъ нихъ относительно субординаціи были старые титулярные совѣтники, декорированные «безпорочными пряжками» и станиславами. Эти важные люди хотя и не жаловали меня, какъ «мальчишку», котораго, по всѣмъ ихъ соображеніямъ, «въ обиду посадили имъ на шею», но обряда ради солидничали; молодежь же, хотя и была исполнительна въ работѣ, а вела себя дурно. Они, случалось, и рѣзвились, и потѣшались на счетъ тѣхъ же «титулярныхъ», между которыми былъ одинъ, весьма вѣроятно, многимъ до сихъ поръ въ Кіевѣ памятный, Григорій Ивановичъ Салько,—величайшій чудакъ, обучавшійся у «дьяка» и начавшій службу «при дьякѣ» и необыкновенно тѣмъ гордившійся. Онъ имѣлъ совершенно своеобразное пристрастіе къ старому канцелярскому режиму и давалъ всѣмъ оригинальные совѣты изъ дьяковской мудрости. Такъ, напримѣръ, я помню, какъ онъ, замѣтивъ однажды, что я едва преодолеваю усталость и дремоту, сказалъ мнѣ:

— Сдѣлайте, какъ меня старый дьякъ училъ: возьмите у меня изъ табатерки щепоть табаку да бросьте себѣ въ глаза — сонъ сейчасъ пройдетъ. Мы, въ то время, когда еще настоящая служба была... это когда еще васъ на свѣтѣ не было,—все бывало такъ дѣлали.

Этого и другихъ ему подобныхъ стариковъ легкомысленная молодежь часто дразнила и выводила изъ терпѣнія, при чемъ нерѣдко дѣло отъ шутокъ доходило и до дракъ.

Пора относительно еще весьма не давняя, но ужъ со всѣмъ почти невѣроятная.

Такъ и въ этотъ разъ, разслылавъ шумъ, я полагаю, что мои молодцы раздражили кого-нибудь изъ титулярныхъ совѣтниковъ, и произошла обыкновенная свалка, которая должна сейчасъ же разрѣшиться дружнымъ хохотомъ. Но дѣло выходило не такъ: я слышалъ, что вся моя орава куда-то отхлынула, и канцелярія какъ-будто сразу опустѣла.

Я всталъ и вышелъ посмотрѣть, что случилось. Зала дѣйствительно была пуста, свѣчи горѣли на незанятыхъ никѣмъ столахъ, и только въ одномъ углу неподвижно, какъ мумія, сидѣлъ старѣйшій изъ моихъ титулярныхъ совѣтниковъ,—Песторъ кievскихъ канцелярій,—Платонъ Ивановичъ Долинскій, имѣвшій владимірскаго крестъ за тридцатипятилѣтнюю службу.

Этотъ нашъ Песторъ былъ огромный, сухой, давно весь какъ лунь посѣдѣвшій престарѣлый хохоль, державшій себя очень неприступно и важно.

Онъ обыкновенно никогда безъ крайней надобности не поднимался съ своего мѣста и не разговаривалъ, а если разговаривалъ, то ругался, и непременно по-хохлацки.

Завидѣвъ меня, онъ немедленно взглянулъ сверхъ своихъ мѣдныхъ очковъ и сейчасъ же, сердито задвигавъ челюстями, началъ меня пробирать:

— Що же, хйба вы не бачите, що тутъ роблять: они уси побигли дывитися на скаженаго жидюгу. Це же вамъ стыдно: якій же вы старшій? Идыть-бо гоните ихъ, подлецовъ, назадь до праці.

— Какой же, спрашиваю,—тамъ взялся сумаспешій?

— А чортяка его видае, звиткиля винъ взялся! Ось вонъ тамъ, гдѣсь на сходахъ крутиться.

Я взялъ съ одного изъ столовъ свѣчу и пошелъ къ выходу на лѣстницу.

Здѣсь, на просторной, очень тускло освѣщенной террасѣ были всѣ мои чиновники. Густо столпившись сплошною массою, они насѣдали на плечи другъ другу и смотрѣли въ средину образованнаго ими круга, откуда чей-то задыхающійся отчаянный голосъ вопилъ сквернымъ жидовскимъ языкомъ:

— Ай-вай! спустите мене, спустите... Уй, ай, ай, ай-вай, спустите! Ай спустите, бо часу нема, бо онъ вже... тамъ у лавру... утикъ... Ай гашпадинъ митрополитъ, гашпадинъ митрополитъ... ай-вай, гашпадинъ митрополитъ, когда жъ ви же старъ чоловикъ... ай-вай, когда жъ ви у Бога вируете... ай... што же это такой бу-у-детъ!.. Ай спустите мене ай... ай!

— Куда тебя парха пустить!—остепенялъ его знакомый голосъ солдата Алексѣева.

— Туда... гвальтъ... я не знаю куда... кто въ Бога

вируе... спустите... бо я несчастливый бидный жидокъ... що вамъ мине тримать... що мине мучить... я вже заму-чинь... спустите ради Бога.

— Да куда тебя лѣшаго пустить: куда ты пойдешь? куда просинься?

— Ай, только спустите... я пиду... ей-Богу пиду... бо я не знаю куда пиду... бо мине треба до самъ гашпадинъ митрополитъ...

— Да развѣ здѣсь, жидъ ты этакой, сидитъ господинъ митрополитъ!—резонироваль сторожъ.

— Ахъ... кеды жъ... кеды жъ я не знаю, гдѣ сидитъ гашпадинъ митрополитъ, гдѣ къ ёму стукать... Ай, мнѣ же его треба, мнѣ его гвальтъ треба! —отчаянно картавилъ и отчаянно бился еврей.

— Мало чего тебѣ треба: такъ тебя парха и пустятъ до митрополита.

Жидъ еще лине завылъ.

— Ай мине нада митрополитъ... мине... мине не пустятъ до митрополитъ... Пропало, пропало мое дѣтко, мое несчастливое дѣтко!

И онъ вдругъ пустилъ такую ужасающую ноту вопля, что всѣ даже отшатнулись.

Солдаты зажалъ ему рукою ротъ, но онъ высвободилъ лицо и снова завопилъ съ жидовскою школьною вибраціею:

— Ой Іешу! Іешу Ганоцри!*) Онъ Тебя обмануть хочеть: не бери *его* лайдака, мишигинера, плута... Ой, Іешу, на що Тебѣ такой поганецъ.

Услыхавъ, что этотъ жидокъ зоветъ уже Іисуса Христа, я раздвинулъ толпу. Передо мною было зрѣлище, которое могло напомнить группу съ бѣсповатымъ на рафаэлевской картинѣ «Преображенія», столь всѣмъ извѣстной по превосходной гравюрѣ г. Іордана. Пожилой, лохматый еврей, неопредѣленныхъ лѣтъ, весь мокрый, въ обмерзлыхъ лохмотьяхъ, но съ потнымъ лицомъ, къ которому прилипли его черныя космы, и съ глазами на выкатѣ, выражавшими и испугъ, и безнадежное отчаяніе, и страстную безграничную любовь, и самоотверженіе, не знающее никакихъ границъ.

Его держали за шиворотъ и за локти два здоровенные солдата, въ рукахъ которыхъ онъ корчился и бился, то весь

*) «Іешу Ганоцри» по еврейскому произношенію значить *Іисусъ Назарянинъ*.

сжимаясь, какъ улитка, то пзвиваясь ужомъ и всячески стараясь вырваться изъ оковавшихъ его желѣзныхъ объятій.

Это ужасающее отчаяніе, и эта фраза: «кто въ Бога веруетъ», которую я только-что прочелъ въ оригинальной просьбѣ и которую теперь опять слышалъ отъ этого бѣснующагося несчастнаго, явился мнѣ въ общей связи. Мнѣ подумалось:

— Не онъ ли и есть этотъ интролигаторъ? Но только какъ онъ могъ такъ скоро поспѣть вслѣдъ за своимъ прошеніемъ и какъ онъ не замерзъ въ этомъ жалчайшемъ рубищѣ и, наконецъ, что ему надо, что такое онъ лепечетъ въ своемъ ужасномъ отчаяніи то про лавру, то про митрополита, то, наконецъ, про самого Иегошуа Ганоцри *)? И впрямь онъ не помѣшался ли?

И чтобы положить конецъ этой сценѣ, я махнулъ солдатамъ рукою и сказалъ: «пустите его». И лишь только тѣ отняли отъ него свои руки, «сумасшедшій жидъ» метнулся впередъ какъ кошка, которая была заперта въ темномъ шкафѣ и предъ которою вдругъ неожиданно раскрылись дверцы. Чиновники — кто со смѣхомъ, кто въ перепугѣ, — какъ разсыпанный горохъ шарахнулись въ стороны, а жидъ и пошелъ козлякать.

Онъ скакалъ изъ одной открытой двери въ другую, царапался въ закрытую дверь другого отдѣленія, и все это съ воплемъ, съ стономъ, съ крикомъ «ай, вай», и все это такъ быстро, что прежде чѣмъ мы успѣли поспѣть за нимъ, онъ уже запрыгнулъ въ присутствіе и гдѣ-то тамъ притаился. Только слышна была откуда-то его дрожь и трепетное дыханіе, но самого его нигдѣ не было видно: словно онъ сквозь землю провалился; трясется и дышитъ и скребется подъ поломъ, какъ тѣнь Гамлета.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Черезъ минуту онъ былъ открытъ: мы нашли его скорчившимся, на полу у угла стола. Онъ сидѣлъ, крѣпко обхвативъ столовую ножку руками и ногами, а зубами держался за край обшитаго галунами и бахромою краснаго сукна, которымъ былъ покрытъ этотъ столъ.

Можно было подумать, что жидъ считалъ себя здѣсь какъ

*) Имя «Исусъ» иногда произносится *Иешу*, иногда *Иегошуа*.

«въ градѣ убѣжища» и держался за этотъ уголь присутственнаго стола, какъ за рогъ жертвенника. Онъ укрѣпился очевидно съ такою рѣшительностью, что скорѣе можно было обрубить его судорожно замерзшіе пальцы, чѣмъ оторвать ихъ отъ этого стола. Солдаты тормозили и тянули его совершенно напрасно: весь тяжелый длинный столъ дрожалъ и двигался, но жидъ отъ него не отдирался, и въ то же время оралъ немилосердно.

Мнѣ это стало отвратительно, и я велѣлъ его оставить, и послалъ за городовымъ докторомъ; но во врачебной помощи не оказалось никакой надобности. Чуть еврея оставили въ покоѣ, онъ тотчасъ стихъ и началъ копошиться и шарить у себя за пазухой и черезъ минуту, озираясь на всѣ стороны, какъ волкъ на садкѣ, подкрался ко мнѣ и положилъ на столикъ пачку бумагъ, плотно обернутыхъ въ толстой бибулѣ, насквозь пропитанной какою-то вонючею коричневатую, какъ бы сукровистою влагою, чрезвычайно противною.

Неловко признаться, а грѣхъ потантъ, я не безъ гадливости развернулъ эти бумаги, которыя были не что иное, какъ документы найма, совершеннаго интролигаторомъ за своего сына.

Итакъ, не оставалось никакого сомнѣнія, что сей «стень и трясыйся» есть не кто иной, какъ тотъ самый «широко образованный» израелитъ, котораго просьба меня такъ заняла.

Значить, мы были уже немножко знакомы.

Не отсылая его отъ себя, я быстро пробѣжалъ привычнымъ глазомъ его вонючія бумаги, и увидалъ, что всѣ онѣ совершены въ должномъ порядкѣ и его наемщикъ, двадцати-двухъ-лѣтній еврей, по всѣмъ правиламъ непрерываемо долженъ быть допущенъ къ приему вмѣсто его маленькаго сына,—даже и деньги всѣ—сто рублей—этому наемщику сполна уплачены.

Но тогда въ чемъ же заключается бѣда этого человѣка и чего ради вся эта его страшная, мучительная тревога, доводящая его до такого подавляющаго, безумнаго отчаянія, похожаго на бѣшенство?

А бѣда была страшная и неотразимая, и интролигаторъ понималъ ее, но еще не во всемъ ея роковомъ и неодолимомъ значеніи.

Я долженъ разсказать: въ чемъ было дѣло.

Наемщикъ интролигатора, какъ выше уже сказано, молодой, но совершеннолѣтній еврей (заниматься дозволялось по закону только совершеннолѣтнимъ), былъ, какъ приходилось думать, большой плутъ. Онъ устроилъ съ бѣднымъ жидкомъ самую коварную, разорительную штуку, и притомъ такъ твердо и основательно рассчитанную и построенную на законѣ, что ее не могла разстроить *никакая законная власть на землѣ*. А разумѣется ни мнѣ, ни интролигатору въ эту пору на мысль не приходило подумать о власти добродѣтельнѣйшаго лица, которое могло изречь рѣшеніе не отъ міра сего,—рѣшеніе, послѣ котораго мірскимъ законовѣдамъ оставалось только исполнить правду, водворенную владычнымъ судомъ милосерднаго Филарета надъ каверзною жидовскою кривдою, пытавшеюся обратить въ игрушку и христіанскую купель, и всё «предусмотрѣнія закона».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Надо знать, что, по закону, еврея въ рекрутствѣ могъ замѣнить *только еврей*, а ни въ какомъ случаѣ не христіанинъ. Этимъ, конечно, и объяснялось, что случаи замѣны одного еврейскаго рекрута по найму другимъ евреемъ были необыкновенно рѣдки.

Если военной службы боится и не любитъ всякій простолудинъ, то еврей отбѣгаетъ ее сугубо, и доброю волею или наймомъ его въ солдатство не заманишь. И какой соблазнь могла представить еврею сумма въ 300—400 рублей, когда каждый жидокъ, если онъ не совсѣмъ обиженъ природою, всегда можетъ самъ добыть себѣ такую сумму безопаснымъ гешефтомъ? А обиженные природою не годились и въ службу.

Слѣдовательно, желающему отыскать наемщика оставалось только найти гдѣ-нибудь какого-нибудь забулдыгу, который бы, отъ некуда дѣться, согласился наняться въ военную службу. Но такіе экземпляры въ еврейской средѣ всегда рѣдки.

Однако интролигаторъ, на свое счастье и несчастье, нашелъ эту рѣдкость; но что это былъ за человекъ? — Это былъ въ своемъ родѣ замѣчательный традиціонный жидовскій гешефтистъ, который въ актѣ найма усмотрѣлъ превосходный способъ обдѣлывать дѣла, путемъ разоренія ближ-

пяго и профанаціи религіи и закона. И что всего интеснѣе, онъ хотѣлъ все это продѣлать у всѣхъ на глазахъ и, такъ - сказать, ввести въ употребленіе новый, до него еще неизвѣстный и чрезвычайно выгодный пріемъ — издѣваться надъ религіею и закономъ.

Этотъ штукарь былъ одинъ изъ подмастерьевъ дамскаго портного «кравца» Давыдки, бывшаго въ то время для Кіева тѣмъ самымъ, что нынѣ парижскій Вортъ для всего, такъ-называемаго, «образованнаго свѣта». Подмастерье этотъ былъ за какія-то художества прогнанъ съ мѣста и высланъ изъ Кіева. Шатаясь безъ занятій, изъ города въ городъ «золотой Украины», онъ попался интролигатору въ ту горячую пору, когда этотъ послѣдній велъ отчаянную борьбу за взятаго у него ребенка, и наемъ состоялся; но состоялся не просто, какъ это водилось у всѣхъ крещеныхъ людей, а съ хитрымъ подвохомъ и заднею мыслию, которую кравецъ, разумѣется, тщательно скрывалъ до тѣхъ поръ, пока ему настало время дѣйствовать. Онъ нанялся за интролигаторскаго сына цѣною за четыреста рублей, но съ тѣмъ, чтобы условіе было писано между ними всего только на сто рублей, а триста даны ему впередъ, безъ всякихъ формальностей. Это, впрочемъ, не заключало въ себѣ ничего необычайнаго, такъ какъ сдѣлки безъ законныхъ формальностей, или по крайней мѣрѣ съ нѣкоторымъ ихъ нарушеніемъ и обходомъ—въ натурѣ евреевъ.

Интролигаторъ, пужда котораго была такъ безотложна, не спорилъ съ наемщикомъ и сразу согласился на всѣ его условія. Онъ сейчасъ же продалъ за двѣсти рублей «домъ и всю удобу», — словомъ все, что имѣлъ, и за триста закабалился кабальной записью работать какому-то богатому еврею. Словомъ, какъ говорятъ, «обовязался» вкругъ,—и триста рублей «кравцу» были выданы. Затѣмъ наскоро были написаны всѣ бумаги, и интролигаторъ послалъ по почтѣ описанную мною въ началѣ моего разсказа просьбу, а потомъ и самъ посѣждалъ вслѣдъ за нею въ Кіевъ со всѣми остальными бумагами и съ своимъ наемщикомъ. Тутъ его и сторожила бѣда: это былъ крайній моментъ, дальше котораго наемщикъ не могъ продолжать своихъ прямыхъ отношеній къ нанимателю и открылъ игру. Дорогою «на покормѣ» въ какомъ-то бѣлоцерковскомъ «яздѣ», онъ исчезнулъ со стодола.

Доидя до этой точки своего разсказа, мой жидокъ опять взвыль и опять потерялъ даръ слова и насилу-насилу могъ досказать остальное, что впрочемъ было весьма коротко и просто. Улучивъ минуту, когда напиматель торговался за какіе-то принасы, а сторожъ зазѣвался, кравецъ ударилъ на другой стодоль къ знакомому «балагуль» *), взять, не торгуясь или посуливъ щедрую плату, четверку подчегарыхъ, легкихъ и быстрыхъ жидовскихъ коней и укатилъ въ Кіевъ—*крестится*.

Ужаснѣе этого для интролигатора ничего не могло быть, потому что съ этимъ рушилось все его дѣло: онъ былъ ограбленъ, одураченъ и, что называется, безъ ножа зарѣзанъ. У него пропала сынь и погибло все его состояніе, такъ какъ объявившій желаніе креститься кравецъ сразу квитовалъ этимъ свое обязательство служить за сврея, данное прежде намѣренія, о которомъ одно заявленіе уже ставило его подъ особенное покровительство закона и христіанскихъ властей.

Самое безтолковое изложеніе этого обстоятельства для меня было вполнѣ достаточно, чтобы понять всю горечь отчаянія разсказчика и всю невозможность какой бы то ни было для него надежды на чье бы то ни было заступленіе и помощь. Но въ дѣлѣ этомъ были еще осложненія, силу и значеніе которыхъ могъ настоящимъ образомъ понимать только человекъ не совсѣмъ чуждый нѣкоторымъ общественнымъ комбинаціямъ.

Интролигаторъ, всхлипывая и раздирая свой «лапсардакъ» **), сообщилъ мнѣ, что онъ очень долго искалъ своего кравца по Бѣлой-Церкви. Путаясь изъ стодала въ стодоль съ различными «мишурисами», которые умышленно давали ему фальшивыя свѣдѣнія и водили его изъ двора во дворъ, чтобы схватить «хабара» и проволочь время, онъ истратилъ на это бесполезно почти цѣлый день, который у бѣглеца не пропалъ даромъ. Когда интролигаторъ, послѣ долгой суеты и бѣгства по Бѣлой-Церкви и потомъ по Кіеву, попалъ на замеченный лисьимъ хвостомъ волчій слѣдъ сво-

*) Извозчикъ, содержатель брички.

***) Лапсардакъ, — коротенькая кофта съ установленнымъ чпеломъ завязокъ и бахромочекъ. Талмудисты носятъ этотъ «жидовскій мундиръ» подъ верхнимъ платьемъ.

его бѣглеца, тотъ уже спокойно сидѣлъ за лаврскою стѣною и готовился къ принятію св. крещенія.

Ясно было, что этотъ плутъ задумалъ разорить своего контрагента посредствомъ профанаціи христіанской купели; но какъ можно было обличить и доказать его неискренность и преступное кощунство? Кто за это возьмется, когда законъ на сторонѣ этого «оглашеннаго» и на его же сторонѣ были силы, которыя мнились тогда еще сильнѣе закона. Хитрый жидъ, проживая годъ тому назадъ у кіевскаго Ворта, усвоилъ себѣ нѣкоторыя свѣдѣнія, какъ о слабостяхъ, такъ и о силѣ и значеніи нѣкоторыхъ лицъ, важныхъ не столько по ихъ собственному официальному положенію, сколько по ихъ вліянію на лицъ важнаго официального положенія. Такимъ лицомъ тогда по преимуществу была супруга покойнаго генераль-губернатора князя Иларіона Иларіоновича Васильчикова, княгиня Екатерина Алексѣевна (рожденная княжна Щербатова), о которой я уже упоминалъ выше. Она тогда была въ какомъ-то удивительно напряженномъ христіанскомъ настроеніи, которое было преисполнено благихъ намѣреній; но всѣмъ этимъ намѣреніямъ, какъ большинству всѣхъ благихъ намѣреній великосвѣтскихъ патронессъ, къ сожалѣнію, совсѣмъ недоставало одного: серьезности и практичности, безъ коихъ всѣ эти намѣренія часто приносятъ болѣе вреда, чѣмъ пользы... Это что-то роковое, въ родѣ пророчій судьбы.

Религіозность княгини была совсѣмъ не въ жанрѣ нынѣшней великосвѣтской религіозности, заключающейся преимущественно въ погоню за «оправданіемъ вѣрою»; вѣтъ: княгиня Екатерина Алексѣевна искала оправданія «дѣлами» и надѣлала ихъ столько, что авторъ «Опыта изслѣдованія о доходахъ и имуществѣхъ нашихъ монастырей» долженъ былъ дать ей очень видное мѣсто. Послѣ княгини Анны Алексѣевны Орловой, княгиня Васильчикова оказывается самою крупною изъ титулованныхъ монастырскихъ строительницъ. Она была фундаторкою весьма нынѣ извѣстнаго общежительнаго близъ Кіева монастыря, который, по изслѣдованію г. Ростиславова, владѣеть, благодаря щедрости княгини, тридцатью шестью верстами земли и угодьями, которыхъ не описалъ г. Ростиславовъ. Но прежде, чѣмъ оказывать такое благодѣяніе вновь устранивавшемуся монастырю «старца Іоны», княгиня была извѣстна въ Кіевѣ,

какъ филантропка. Подъ ея покровительствомъ Кіевъ озна-
комился со всѣми пріемами современной общественной бла-
готворительности; при ней тамъ пошли въ ходъ лотереи,
концерты, балы, маскарады и спектакли въ пользу бѣд-
ныхъ. Словомъ, при ней и благодаря ей, «широко разви-
лась» вся та *suī generis* «христіанская» благотворитель-
ность, которая во многихъ своихъ чертахъ въ наше время
получила уже должную критическую оцѣнку, но однако и
до сихъ поръ практикуется обществомъ, потерявшимъ со-
знаніе о прямыхъ путяхъ истиннаго христіанскаго милосердія.

Одновременно съ заботами о благотвореніи посредствомъ
учрежденія различныхъ общественныхъ забавъ, княгиня
получила большое влеченіе къ улучшенію нравовъ и распро-
страненію христіанской вѣры. Здѣсь она была даже, ка-
жется, оригинальнѣе и смѣлѣе всѣхъ великосрѣтскихъ па-
тронессъ Петербурга, что, можетъ-быть, слѣдуетъ припи-
сать ея первенствующему и въ нѣкоторомъ отношеніи пол-
новластному значенію въ Кіевѣ, который съ любопытствомъ
и съ нѣкотораго рода благоговѣйнымъ недоумѣніемъ смо-
трѣлъ на затѣи «своей княгини».

Послѣ целибата, царствовавшего въ генераль-губерна-
торскомъ домѣ въ бибицковское время, появленіе тамъ жен-
щины, не отказывавшей себѣ въ удовольствіи дать обще-
ству почувствовать ея присутствіе, вліяніе ея было очень
замѣтно, и прежде всего оно вызвало въ дамскомъ кругу
довольно сильную ей подражательность.

Съ виду все это, пожалуй, какъ будто походило на
что-то живое и даже очень полезное, но потомъ многіе
начали понимать и толковать объ этомъ иначе; но не
въ этомъ дѣло: благотворенія и морализація были такъ
сильны, что даже изъ «магдалинскаго пріюта» для *каю-
щихся* проститутокъ одно время было признано полез-
нымъ выдавать «магдалинокъ» замужъ за солдатъ. Этимъ
путемъ хотѣли «не дозволить псу возвратиться на свою
блеветину». Княгиня принимала самое теплое участіе въ
устройствѣ этихъ браковъ и даже давала *невѣстамъ* при-
даное, имѣвшее для солдатиковъ свою притягательную силу.
Они женились на «магдалинкахъ», конечно, всего менѣе
заботясь о глубинѣ и искренности ихъ раскаянія, «лишь
бы получить сто рублей и кой-что изъ одежды». Затѣмъ,

разумѣется, утѣшивъ княгиню актомъ своего эракосочетанія и воспользовавшись тѣмъ, чѣмъ каждый изъ супруговъ считалъ удобнымъ для себя воспользоваться, они сепарировались и расходились «кійждо во своясп»... Анекдоты при этомъ случались самые курьезные. «Псы» опять возвращались на свою блевотину, но только саморазвратъ замѣнялся развратомъ «по согласу», съ мужниго позволенія. Словомъ, по ироніи судьбы надъ аристократическою неумѣлостью и непониманіемъ, «послѣдняя быша горше первыхъ». Бывали случаи, что супругъ-солдатъ съ самаго своего свадебнаго пира самъ отпускалъ свою новобрачную супругу къ одному изъ шаферовъ, въ числѣ коихъ бывали «люди благородные», принимавшіе на себя шаферскія обязанности, чтобы «быть на виду», угождая княгинѣ участіемъ въ ея гуманнхъ затѣяхъ.

Женатыхъ такимъ образомъ солдатиковъ трудно строго и винить за то, что они такъ охотно сбывали съ рукъ полученныхъ ими избалованныхъ женъ. Куда ему, бѣдняку, въ его суровомъ положеніи, *такая жена*, съ ея отвычкою отъ всякаго тяжелаго труда и съ навикомъ ко всякому «баловству»?

Солдатикъ, женившійся на проституткѣ всего чаще по инициативѣ начальства, желавшаго доставить субъекта, нужнаго для предположенной княгиней «магдалининой свадьбы», подчинялся своему року и бралъ то, что ему на что-нибудь годилось: а жену, обыкшую «ѣсть курку съ масломъ и пить сладкое вино», сидя на офицерскихъ колѣняхъ, пускалъ на всѣ четыре стороны, изъ которыхъ та и выбирала любую, т.-е. ту самую, съ которой она была больше освоена, и гдѣ она надѣялась легче заработать сумму, какую обѣщала платить мужу, пустившему ее «по согласу».

Таковы были «ироническіе» результаты этой игрушечной затѣи сентиментальной и мечтательной морализаціи, которая, впрочемъ, довольно скоро надоѣла и съ нею покончили.

Гораздо упорнѣе были заботы о крестительствѣ, но, къ сожалѣнію, и тутъ тоже довольно часто выходили своего рода печальные курьезы. Ревностью княгини въ этомъ родѣ полнѣе всѣхъ злоупотребляли малосовѣтливые люди, являвшіеся съ притворною жаждою крещенія изъ той низменной среды еврейскихъ обществъ, которая больше всѣхъ

терпитъ и страдаетъ отъ ужасной кагальной неправды индоевскихъ обществъ. Нигдѣ не находя защиты отъ царящей здѣсь деморализаціи, эти люди сами деморализуются до того, что, по мѣстному выраженію, «мѣняютъ вѣру, якъ цыганъ коняку». Въ этомъ-то отребіи, къ которому принадлежалъ по своему положенію и насмичикъ нашего интролигатора, и выработывалась особая практика для эксплуатаціи крестительскаго рвенія княгини, къ которой, по установленію у бѣдныхъ жидковъ повѣрью, «стоило только *удатся*», и уже тогда никто не смѣлъ тронуть, хоть бы «увесь законъ *пенкинулъ*» (треснулъ).

Въ такомъ мнѣніи, возникшемъ у смысленныхъ евреевъ, едва ли все было преувеличеніемъ. Но крайней мѣрѣ не одни жидки, а и многіе изъ очень просвѣщенныхъ христіанъ такъ называемаго «высшаго» кievскаго общества въ то время гораздо менѣе серьезно освѣдомлялись о томъ: какъ хочетъ князь, чѣмъ о томъ,—чего угодно княгинѣ?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Заматавшійся и потомъ попавшій въ рекруты подмастерье портного Давыдки, всеконечно, имѣлъ довольно вѣрныя понятія о генеральномъ положеніи дѣлъ въ Кіевѣ. И вотъ онъ задумалъ воспользоваться и безнаказанно разорить и погубить подвергнувшагося ему интролигатора.

Взялся онъ за это превосходно: въ то самое время, когда его наниматель сочинялъ свою извѣстительную бумагу о наймѣ и просилъ подождать съ приемомъ въ рекруты его ребенка, портной написалъ жалостное письмо къ одной изъ весьма извѣстныхъ тоже въ свое время кievскихъ патронессъ. Это была баронесса Б., очень носившаяся съ своею виѣлинею религіозностью. Хитрый жидокъ изложилъ ей различныя невзгоды и гоненія отъ общества, терпя которыя онъ дошелъ до такой крайности, что даже рѣшился было самъ поступить въ рекруты, но тутъ его будто вдругъ внезапно озарилъ новый свѣтъ: онъ вспомнилъ о благодѣяніяхъ, какія являютъ *высокіе христіане* тѣмъ, которые идутъ къ истинной «крещеной вѣрѣ», и хочетъ креститься. А потому, если ему удастся бѣжать отъ сдатчика, то онъ скоро явится въ Кіевъ и проситъ немедленно скрыть его отъ гошителей,—помѣстить въ монастырь и какъ можно скорѣе окрестить. Если же ему не удастся бѣжать, то за-

щитить его какимъ-нибудь другимъ образомъ и привести его «въ крещеную вѣру»,—о чемъ онъ и просилъ довести до свѣдѣнія ея сіятельства, княгини Екатерины Алексѣевны, на апостольскую ревность которой онъ возверзалъ всѣ свои надежды, и молилъ ее утолить его жажду христіанскаго просвѣщенія.

Этого было слишкомъ довольно: получивъ такое посланіе, дававшее баронессѣ поводъ побывать во многихъ мѣстахъ и у многихъ лицъ, къ которымъ она находила отрадное удовольствіе являться съ своими апостольскими хлопотами, она сразу же заручилась самымъ энергическимъ участіемъ княгини и могла дѣйствовать ея именемъ на всѣхъ тѣхъ особъ, которымъ нельзя было давать прямыхъ приказаній. О тѣхъ же, которымъ можно было приказывать, разумѣется нечего было и заботиться.

Словомъ, въ одно утро дѣло этого проходимца было улажено баронессою такъ, что жидку только стоило появиться къ кому-нибудь изъ многихъ лицъ, о немъ предупрежденныхъ,—и онъ спасенъ.

Лучше этого положенія для него ничего нельзя было желать и придумать; а между тѣмъ, какъ мы уже знаемъ, сами обстоятельства такъ благопріятствовали этому затѣйнику, что онъ преблагополучно исполнилъ и вторую часть своей программы, т. е. самымъ удобнымъ образомъ сбѣжалъ отъ своего контрагента, заставивъ его напрасно провести цѣлый день въ тщетныхъ поискахъ его по разнымъ «заяздамъ» и другимъ угламъ Бѣлой-Церкви, — этого самага безалабернаго послѣ Бердичева жидовскаго притона.

Пока совсѣмъ потерявшійся и обезумѣвшій интролигаторъ явился въ своихъ растрепанныхъ чувствахъ въ Кіевъ, гдѣ вдобавокъ не зналъ, къ кому обратиться и гдѣ искать своего наемщика, тотъ, подъ покровомъ самыхъ лучшихъ рекомендацій, уже кушалъ монастырскую рыбку и отдыхалъ отъ понесенныхъ тревоженій въ теплой кельѣ у одного изъ ипоковъ лавры, которому было поручено какъ можно неупустительнѣе приготовить его къ святому крещенію.

Интролигаторъ, сообщавшій мнѣ всю эту курьезную исторію, среди прерывавшихъ его воплей и стоновъ, рассказывалъ и о томъ: какъ онъ разузналъ, гдѣ теперь его «злодѣй»; рассказывалъ и о томъ: гдѣ онъ сколько роздалъ

«грошеи» мірянамъ и немірянамъ,—какъ онъ разъ «ледви не утоишь на Глыбочицѣ», разъ «ледви не сгорѣлъ» въ лаврской хлѣбопекарнѣ, въ которую проникъ Богъ вѣдаетъ какимъ способомъ. И все это было до крайности образно, живо, интересно и, въ одно и то же время, и невыразимо трогательно и уморительно смѣшно, и даже трудно сказать—болѣе смѣшно, или болѣе трогательно.

Однако, благодаря Бога, ни у меня, сидѣвнаго за столомъ, предъ которымъ жалостно вилъ, метался и рвалъ на себѣ свои лохмотья и волосы этотъ интролигаторъ, ни у глядѣвшихъ на него въ растворенныя двери чиновниковъ не было охоты надъ нимъ смѣяться.

Всѣ мы, при всемъ нашемъ несчастномъ навѣкѣ къ подобнаго рода горестямъ и мукамъ, казалось, были поражены страшнымъ ужасомъ [этого неистоваго страданія, вызвавшаго у этого бѣдняка даже *крававый потъ*].

Да, эта вонючая сукровичная влага, которою была пропитана рыхлая обертка поданныхъ имъ мнѣ бумагъ, и которою смердѣли всѣ эти «документы», была не что иное, какъ *крававый потъ*, который я въ этотъ единственный разъ въ моей жизни видѣлъ своими глазами на человѣкѣ. По мѣрѣ того, какъ этотъ «ледви не утоишій и ледви не сгорѣвшій» худой, изнеможенный жидъ размерзался и размокалъ въ теплой комнатѣ, его лобъ, съ прилившими къ нему мокрыми волосами, его скорченныя, какъ бы судорожно теребившія свои лохмотья, руки и особенно обнажившаяся изъ-подъ разорваннаго лапсардака грудь,— все это было точно покрыто тонкими ссадинами, изъ которыхъ, какъ клюквенный сокъ сквозь частую кисею, проступала и сочилась мелкими росистыми каплями красная влага... Это видѣть ужасно!

Кто никогда не видалъ этого *крававаго пота*, а такихъ, я думаю, очень много, такъ какъ есть значительная доля людей, которые даже сомнѣваются въ самой возможности такого явленія,—тѣмъ я могу сказать, что я его *самъ* видѣлъ и что это невыразимо *страшно*.

По крайней мѣрѣ это росистое клюквенное пятно на предсердіи до сихъ поръ живо стоитъ въ моихъ глазахъ, и мнѣ кажется, будто я видѣлъ сквозь него отверстое человеческое сердце, страдающее самую тяжкою мукою,—мукою

отца, стремящегося спасти своего ребенка... О, еще разъ скажу: это ужасно!

Пышные бѣлокурые волосы послѣдней шотландской королевы, мгновенно посѣдѣвшіе въ короткое время, когда «джентельмены дѣлали ей туалетъ» и укладывали страдалицу на плаху въ большой залъ Фодрайнгенскаго замка, не могли быть страшнѣе этого пота, которымъ потѣлъ этотъ отецъ, бившійся изъ-за спасенія своего ребенка.

Я невольно вспомнилъ кровавый потъ Того, Чья праведная кровь оброкомъ праотцевъ низведена на чадъ отверженнаго рода, и собственная кровь моя прилипла къ моему сердцу и потомъ быстро отхлынула и зашумѣла въ ушахъ.

Всѣ мысли, всѣ чувства мои точно что-то понесли, что-то потерпѣли въ одно и то же время и мучительное, и сладкое. Передо мною, казалось, стоялъ не просто человѣкъ, а какой-то кровавый, историческій символъ.

И тогда былъ не совсѣмъ чуждъ нѣкотораго мистицизма, въ которомъ, впрочемъ, не все склоненъ отвергать и понынѣ (ибо, — да простятъ мнѣ ученые богословы, — я не знаю *отры*, совершенно свободной отъ своего рода мистицизма). И не знаю я, подъ вліяніемъ ли этого «вѣянія» или почему другому, но только въ эти минуты въ моей усталой головѣ, оторванной отъ лучшихъ мыслей, въ которыхъ я прожилъ мое отрочество, и теперь привлеченной къ занятіямъ, которыя были мнѣ не свойственны и противны, произошло что-то, почти могу сказать, таинственное или по крайней мѣрѣ мнѣ совсѣмъ непонятное. Эта исторія, въ которой мелкое и мошенническое такъ перемѣшивалось съ драматизмомъ родительской любви и вопросами религіи; эта суровая казенная обстановка огромной полутемной комнаты, каждый кирпичъ которой навѣрно можно было бы размочить въ пролившихся здѣсь родительскихъ и дѣтскихъ слезахъ; эти двѣ свѣчи, горѣвшія, какъ горѣли тамъ, въ томъ гнусномъ судѣ, гдѣ онѣ замѣняли свидѣтелей; этотъ ветхозавѣтный семитическій типъ искаженнаго муками лица, какъ бы напоминавшій все племя мучителей Праведника, и этотъ зовъ, этотъ вопль «Иещу! Иещу Ганоцри, отдай мнѣ его, парха!»—все это потрясло меня до глубины души... Я, кажется, могъ бы сказать даже, — до своего рода отрѣшенія отъ дѣйствительности и потери сознанія... Вправду,

сколько могу помнить, это было одно изъ тѣхъ неопредѣленныхъ состояній, которыя съ такою ясностью и мастерствомъ описываетъ епископъ Теофанъ въ своихъ превосходныхъ «Письмахъ о духовной жизни». Самыя размышленія мои съ этихъ поръ стали чѣмъ-то въ родѣ тѣхъ «предстояній ума въ сердцѣ», о которыхъ говоритъ приведенный мною достопочтенный авторъ. Отчаянный отецъ въ вырывающемся наружу окровавленнымъ сердцемъ,—человѣкъ изъ племени, припавшаго на себя кровь Того, Котораго онъ зоветъ: «Иешу...» Кто его разберетъ, какой духъ въ немъ качествуетъ, заставляя его звать и жаловаться «Ганоцри»?

Мои наэлектризованные нервы такъ работали, что мнѣ стало казаться, будто въ этой казенной камерѣ дѣлается что-то совсѣмъ не казенное. Уже не услыхаль ли *Онъ* этотъ вопль сына Своихъ враговъ, не увидаль ли *Онъ* его растерзанное сердце и... не идетъ ли *Онъ* взять на Свое святое рамо эту несчастную овцу, можетъ-быть невзначай проблеявшую Его имя?

И я вдругъ забылъ, что мой плотской умъ надумалъ было сказать этому еврею; а я хотѣлъ сказать ему вотъ что: чтобы и онъ, и его сынъ сдѣлали то же самое, что сдѣлали ихъ коварный наемщикъ, т.-е. чтобы и они просили себѣ крещенія. Взаправду, что имъ мѣшало къ этому обратиться, тѣмъ болѣе, что этотъ отецъ, призывающій и «Иешу Ганоцри», во всякомъ случаѣ ближе ходилъ отъ Сына Божія, чѣмъ тотъ проказникъ, который взялся на глазахъ у всѣхъ сплутовать вѣрою.

Что бы изъ этого вышло, если бы еврей принять мою мысль? Какая задача явилась бы административной практикѣ, какой казусъ для законниковъ и... какой соблазнъ для искреннихъ чтилелей святой вѣры!

А много способа я не видѣлъ для ихъ спасенія, конечно потому, что забывалъ о Томъ, Чья мѣра шире вселенной и Чьи всѣ суды благи.

Мнѣ въ голову не приходило, что, можетъ-быть, послѣ словъ моихъ вышло бы совсѣмъ не то, чего могъ ждать я,—можетъ-быть, этотъ жидъ, зовущій теперь «Ганоцри», услышавъ мое слово, ударился бы въ другую крайность отчаянія и сталъ бы порицать имя, теперь имъ призываемое, и издѣваться надъ тѣмъ приспособленіемъ, которое давало вѣрѣ мое ребяческое легкомысліе.

Да, ничего этого не было въ моей головѣ, но зато ее по-сѣтило забвеніе. Память вдругъ отяжелѣла, какъ окунутая въ воду птица, и не хотѣла летать ни по какимъ верхамъ, а спрягалась въ какую-то густую тишь — и я не сказалъ опрометчиваго слова, которое уже шевелилось у меня на устахъ, и всегда радуюсь, что этого не сказалъ. Иначе я поступилъ бы дурно, и это вѣроятно лишило бы меня самаго отраднѣйшаго случая видѣть одно изъ удивительныхъ проявленій Промысла Божія, среди полнѣйшей немощи человѣческой.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

«Умъ въ сердцѣ» волялъ мнѣ просто-напросто молчать и отойти отъ этого расщепленнаго грозною страданія ния, которому возвратить жизнь могъ развѣ только самъ Начальникъ жизни.

И какъ Онъ возвратилъ ему ее! Въ какомъ благоуханномъ цвѣту, съ какою дивною силой прелести христіанскаго бытія! Но это все было послѣ, — гораздо, гораздо послѣ, при обстоятельствахъ, о которыхъ и не воображалось въ эту минуту, которую я описываю. Тогда мнѣ стало только сдаваться, что все это, чѣмъ мы здѣсь волновались, будетъ совсѣмъ не такъ, какъ я думаю. «Умъ въ сердцѣ» успокоительно внушалъ, что это уже рѣшено какъ сдѣлать, и что для того, дабы рѣшенное свершилось, всего благопристойнѣе теперь ничего своего не устанавливать, а дѣлать то, что будетъ указано. Всего болѣе нужно тишины и тишины; чтобы соблюсти эту потребность въ тишинѣ, которая безпрестанно угрожала снова разразиться стономъ, воплями и шумной расправой съ обезумѣвшимъ евреемъ, я, не говоря никому ни слова, всталъ, молча вышелъ въ переднюю, молча надѣлъ свою шубу и поскорѣе уѣхалъ.

Пожалуй, иному это можетъ показаться эгоистической уверткой, — лишь бы не видать расправы съ жидомъ, съ которымъ въ мое отсутствіе навѣрно стануть расправляться еще безцеремоннѣе; но поистинѣ меня водили совсѣмъ не эти соображенія. Почему мнѣ казалось за наилучшее поступить такимъ образомъ, — я не знаю; но вышло, что это дѣйствительно было самое наилучшее, что только я могъ сдѣлать.

Помню, какъ сейчасъ, эту морозную и ясную ночь, съ

высоко стоявшимъ на кievскомъ небѣ мѣсяцемъ. Красивый и тогда еще довольно патриархальный городъ, не знавшій, до генераль-губернаторства П. П. Анисенкова, ни «шатодефлеровъ», ни другихъ всенонныхъ гульбищъ, уже затихъ и спалъ; съ высокой колоколыни лавры гудѣлъ ея пріятный звонъ къ заутренѣ. Значить, была полночь. Моя прозябая рыженькая лошадка неслась быстро, такъ что молодой кучеренокъ Матвѣй, изъ своихъ орловскихъ крѣпостныхъ, едва могъ держать озябшими руками туго-натянутыя вожжи, и тутъ вдругъ на поворотѣ у «царскаго сада» что-то мелькнуло,—человѣкъ не человѣкъ, и собака, какъ будто не собака, а что-то такое, отъ чего моя немного пугливая лошадь шарахнулась въ сторону, и мы съ кучеромъ оба чуть не вылетѣли изъ санокъ.

И съ этихъ поръ, это «что-то» такъ и пошло мелькать и шмыгать то за мною, то передо мною: то исчезнетъ гдѣ-то въ тѣни, то опять неожиданно выскочитъ на поворотѣ, перебѣжитъ освѣщенную луною улицу и опять испугаетъ лошадь, которая уже начала бѣситься и еще нѣсколько разъ насъ чуть не выкинула. Понять нельзя, чтò это за нежить мечется, и въ заключеніе, только что я остановился у подъѣзда моей квартиры, близъ церкви св. Андрея,—это «оно», эта нежить опять словно тутъ и была... Но что же это такое?—А это былъ опять онъ, опять мой интролигаторъ, и въ томъ же самомъ растерзанномъ видѣ, и съ тѣмъ же кровавымъ потомъ на голой холодной груди... Ему вѣрно не было холодно, сердце насквозь горѣло.

Онъ теперь не кричалъ и не охалъ, а только не отставалъ отъ меня, точно моя тѣнь, и, какъ вы видите, не уступалъ даже для этого въ быстротѣ моей лошади.

Куда его было дѣть? — Прогнать — жестоко; пустить къ себѣ?.. Но какой въ этомъ смыслъ? Вѣдь уже сказано, что я ему ничего не могъ сдѣлать, а онъ только надоѣсть... И притомъ я, къ стыду моему, былъ немножечко брезгливъ, а отъ неге такъ противно пахло этимъ кровавымъ потомъ.

Я такъ и не рѣшилъ, чтò сдѣлать,—вошелъ въ переднюю, а онъ за мною; я въ кабинетъ—а онъ сюда по пятамъ за мною... Видно сюда ему былъ указанъ путь, и я ему уже рѣшилъ не мѣшать: мнѣ вздумалось велѣть напоить его чаемъ и потомъ отослать его спать на кухню; но прежде, чѣмъ я успѣлъ сказать объ этомъ моему человѣку, тотъ на-

чалъ мнѣ сообщать, что ко мнѣ заходилъ и оставилъ мнѣ записку Андрей Ивановичъ Друкартъ, одинъ изъ весьма почтенныхъ и дѣловыхъ людей генераль-губернаторскаго управленія. Онъ состоялъ тогда чиновникомъ особыхъ порученій при князѣ Васильчиковѣ и очень недавно скончался въ должности сѣдлецкаго вице-губернатора, по которой принималъ участіе при окончательномъ уничтоженіи уніи.

Помимо служебной дѣловитости, Друкартъ въ тѣ годы нашей жизни былъ превосходный чтець въ драматическомъ родѣ и даровитѣйшій актеръ. Я не слыхалъ никого, кто бы читалъ шекспировскаго Гамлета лучше, какъ читывалъ его Друкартъ, а гоголевскаго городничаго въ Ревизорѣ онъ исполнялъ кажется не хуже покойнаго Ив. Ив. Сосницкаго въ наилучшую пору развитія сценическихъ силъ этого артиста.

Благодаря такого рода талантливости, покойный Друкартъ исполнялъ не только порученія князя, но имѣлъ временныя порученности и отъ всевластной у насъ княгини. А княгиня какъ разъ въ эту пору нужны были деньги для какихъ-то ея благотворительныхъ цѣлей, и она поручила Друкарту устроить въ городскомъ театрѣ спектакль въ пользу бѣдныхъ.

Я тоже всегда читалъ, по общему мнѣнію, довольно недурно и былъ удовлетворительнымъ актеромъ, а потому, при смѣтѣ сценическихъ силъ, которыя долженъ былъ сгруппировать и распредѣлить Друкартъ, явился и я на счету.

Друкартъ писалъ мнѣ, что такъ какъ я и, бывшій тогда въ Кіевѣ стряпчимъ, г. Юровъ—оба одного роста и другъ съ другомъ схожи, то мы «непремѣнно должны» играть въ предстоящемъ спектаклѣ Добчинскаго и Бобчинскаго.

При моей тогдашней усталости и недосугѣ это было просто напасть, и я, съ негодованіемъ отбросивъ письмо моего добраго пріятели, рѣшилъ въ умѣ встать завтра какъ можно пораньше и прежде присутвія заѣхать въ канцелярію генераль-губернатора къ Друкарту, съ тѣмъ, чтобы урезонить его освободить меня отъ затѣвавшагося спектакля.

Въ этомъ размысленіи, хлебнувъ глотокъ изъ поданнаго мнѣ стакана горячаго чаю, я снова вспомнилъ о своемъ несчастномъ жидѣ, и очень удивился, что его уже не вижу. А онъ, бѣднякъ, тѣмъ временемъ уже спалъ, свернувшись

кольцомъ на раскинутой между шкафомъ и дверью козьеѣ икурѣ, на которой обыкновенно спала моя охотничья собака. Они лежали оба рядомъ, и довольно строгій песъ, вообще не любившій жидовъ, на этотъ разъ какъ будто нашелъ нужнымъ измѣнить свои отношенія къ этому племени. Онъ какъ будто чувствовать своимъ инстинктомъ, что возлѣ него приютилось самое горемычное горе, которое пельзя отгонять...

Я былъ доволенъ и жидомъ, и собакой, и оставилъ ихъ дѣлать до утра одну подстилку, а самъ легъ въ мою постель въ состояніи усталости отъ впечатлѣній, которыхъ было немилосердно много: жидъ наемщикъ, бѣлоцерковскій столяръ, лавра, митрополитъ, дикіе стоны и вопли, имя Іешу, молчаливый князь и настойчивая княгиня съ ея всевластнымъ значеніемъ, мой двойникъ стражчій Юровъ и Бобчинскій съ Добчинскимъ; необходимость и невозможность отъ всего этого отбиться, и вдругъ... какое-то тихое предсонное воспоминаніе о моей старой нягѣ, болгаркѣ Маринѣ, которую всѣ почему-то называли «туркинею»... И она всѣхъ пересиливаетъ: стоитъ надо мною, трясеть старушечьимъ повойникомъ да ласково шепчетъ: «Спи дитя, спи: — Христосъ пристанетъ и пастыря приставитъ...» И вообразите себѣ, что вѣдь все это было кстати!—Да; все это, что представляло такой пестрый и нескладный сборъ понятій, оказалось нужнымъ,—во всемъ этомъ будничномъ хаосѣ были всѣ необходимые элементы для того, чтобы устроился удивительно праздничный случай, который по его неожиданности и маловѣроятности мнѣ такъ и хочется назвать *чудеснымъ*.

Мы съ интролигаторомъ отсыпались передъ такою неравною и опасною битвою, отъ которой всякій разсудительный человекъ непременно бы заранѣе отказался, если бы намъ не было даровано благодѣтельное невѣдѣніе грядущаго.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Утро, которое должно было показать себя мудренѣе вчерашняго вечера, возшло въ свои урочные часы, въ свѣтлости, достойной какого-нибудь болѣе торжественнаго событія. Это было одно изъ тѣхъ прекрасныхъ украинскихъ утръ, когда солнышко съ удивительною и почти неизвѣстною въ сѣверной полосѣ силою пробуетъ власть свою надъ

морозцемъ. Ночь всю держитъ стужа и къ разсвѣту она даже еще болѣе злится и грозитъ днемъ самымъ суровымъ; но чуть лишь Февъ выкатитъ на небо въ своей яркой колесницѣ,—всѣ страхи и шикнуть: небо горитъ розовыми тонами, въ воздухѣ такъ все и заливаешь пѣжная, ласкающая мягкость, снѣгъ на освѣщенныхъ сторонахъ кровель подь угрѣвомъ улетаетъ какъ паръ. Картина тогда напоминаетъ блѣдную двуличневую матерію съ яркимъ отливомъ. Въ то самое время, какъ тѣневая сторона улицъ и здавій вся покрыта оледенѣлою корою, другая, обогрѣтая солнцемъ,—таетъ; кровли блестятъ и дымятся испаряющеюся влагою; звучно стучать, падая сверху и снова въ тѣни замерзая внизу капли; и воробьевъ, этихъ проворныхъ, живыхъ и до азарта страстныхъ къ заявленію своего жизнелюбія птичекъ, вдругъ появляется такая бездна, что можно удивляться: откуда они берутся? Еще вчера они совсѣмъ не были замѣтны и вдругъ, точно мошки въ погожій вечеръ, сразу явились повсюду. Ихъ веселымъ крикливымъ чириканьемъ наполнъ весь воздухъ; они порхаютъ, гоняясь одинъ за другимъ по оттаявшимъ вѣтвямъ деревьевъ, и сыплютъ внизъ иней съ тѣхъ мерзлыхъ вѣтокъ, которыя остаются въ своемъ серебристомъ зимнемъ уборѣ. Гдѣ ни проталнина, тамъ цѣлый клубъ этой крикливой и шумной пернатой дребезги, но всего больше ихъ на обогрѣтыхъ сторонахъ золоченыхъ крышъ храмовъ и колоколенъ, гдѣ всего ярче горитъ и отражается солнце. Тутъ заводится цѣлое интернаціональное птичье собраніе: по карнизамъ, распушивъ хвосты и раскидывая попеременно то одно, то другое крылышко, полудежатъ въ пріятномъ *farniente* задумчивые голуби, расхаживаютъ степенныя галки и цѣлыми летучими отрядами порхаютъ и носятся съ мѣста на мѣсто воробьи.

Словомъ, оживленіе большое. Начинаясь въ высшихъ, въ воздушныхъ слояхъ, оно не оказывается безсильнымъ и ниже: и животныя, и люди—всѣ подь этимъ оживляющимъ угрѣвомъ становятся веселѣе: легче дышать и вообще лучше себя чувствуютъ. Знаменитый оксфордскій бишовъ Жозефъ Галль, имѣвшій усердіе и досугъ выражать «внезапныя размышленія при возрѣніи на всякій предметъ» и проповѣдывавшій даже «во время лаянія собаки» (изд. 1786 г., стр. 38), совершенно справедливо сказалъ (стр. 35): «пре-

красная вещь свѣтъ, — любезная и свойственная душамъ человеческимъ: въ немъ все принимаетъ новую жизнь и *мы сами въ немъ перемѣняемся*, — и конечно къ лучшему.

Теплые лучи, освѣщая и согрѣвая тѣло, какъ будто снимаютъ суровость съ души, даютъ усиленную ясность уму и ту пріуготовительную теплоту сердцу, при которой человѣкъ становится чутче къ призывамъ добра. Согретый и освѣщенный, онъ какъ бы гнушается темноты и холода сердца и самъ готовъ освѣтить и согрѣть въ сумрачной тѣни зимы цѣлпящаго брата.

Такихъ очаровательныхъ теплыхъ дней, совершенно неожиданно прорывающихся среди зимней стужи, я нигдѣ не видалъ, кромѣ нашей Украины, и преимущественно въ самомъ Кіевѣ. Сѣвернѣе, надъ Окою, и вообще, такъ — сказать, въ черноземномъ клинѣ русскаго поля, что-то подобное бываетъ ближе къ веснѣ, около Благовѣщенія, но это совсѣмъ иное.

То — естественное явленіе поворота солнца на лѣто; а это — почти что-то феноменальное, — это какой-то капризь, шалость, заигрываніе, атмосферная шутка съ землею — и земля очень весело на нее улыбается: въ людяхъ больше мира и благоволенія.

Вставъ въ такое благопріятное утро, я прежде всего освѣдомился у моего слуги о жидѣ и, къ немалому своему удивленію, узналъ, что его уже нѣтъ въ моей квартирѣ, — что онъ еще на самомъ разсвѣтѣ всталъ и началъ царапаться въ коридоръ, гдѣ мой человѣкъ разводилъ самоваръ. Изъ этого самовара онъ нацѣдилъ себѣ стаканъ горячей воды, выпилъ ее съ кусочкомъ сахару, который нашелъ у себя въ карманѣ, и побѣжалъ.

Куда онъ побѣжалъ? — объ этомъ мой слуга ничего не зналъ, а на вопросъ: въ какомъ этотъ бѣднякъ былъ состояніи, отвѣчалъ:

— Ничего, споконѣе, — только все потихоньку квохталъ, какъ пчелиная матка, да въ сердкѣ точно у него все нутро на резинѣ дергается.

Я напился чаю и, не теряя времени, поѣхалъ къ Друкарту, который жилъ тогда въ низенькихъ антресоляхъ надъ флигелемъ, гдѣ помѣщалась канцелярія генераль-губернатора, въ Липкахъ, какъ разъ насупротивъ генераль-губернаторскаго дома.

У меня и въ мысляхъ не было говорить съ Друкартомъ объ интролигаторѣ, потому что это, казалось, не имѣло никакого смысла и притомъ же покойный Андрей Ивановичъ хотя и отличался прямою добротою, но онъ былъ также человѣкъ очень осторожный и не любилъ вмѣшиваться въ дѣла ему постороннія. А притомъ же я, къ немалому стыду моему, въ это время уже почти позабылъ о жидѣ и больше думалъ о себѣ; но судьбѣ было угодно поправить мою эгоистическую разсѣянность и поставить на точку вида то, о чемъ всего пристойнѣе и всего нужнѣе было думать и заботиться.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Я долженъ былъ проѣхать по переулку, который идетъ къ генераль-губернаторскому дому отъ городского, или «царскаго» сада; здѣсь тогда былъ очень старый и весьма запущенный (не знаю, существующій ли теперь) домъ, принадлежавшій графамъ Браницкимъ. Домъ этотъ, одноэтажный, длинный, какъ фабрика, и приземистый, какъ старопольскій шляхетскій будинокъ, имѣлъ ту особенность, что онъ былъ выстроенъ по спуску, отчего одинъ его конецъ лежалъ чуть ли не на самой землѣ, тогда какъ другою, выравниваясь по горизонтальной линіи, высоко поднимался на какой-то насыпи, надъ которою было что-то въ родѣ карниза.

Все это, какъ сейчасъ увидимъ, имѣетъ свое мѣсто и значеніе въ нашей исторіи.

Изъ семейства графовъ никто въ этомъ домѣ не жилъ. Были, можетъ-быть, въ немъ какіе-нибудь апартаменты для ихъ пріѣзда, — я этого не знаю; но тамъ, въ одномъ изъ флигелей, жилъ постоянно какой-то «пленнотентъ» Браницкихъ, тоже, разумѣется, «панъ», у котораго была собака, кажется убудокъ изъ породы бульдоговъ. Этотъ песъ имѣлъ довольно необыкновенную — пеструю, совершенно тигровую рубашку, и любилъ въ погожіе дни лежать на гребнѣ той высокой завалины, по которой выравнилась надъ косогоромъ линія дома, и любоваться открывавшимся оттуда зрѣлищемъ. Этотъ наблюдатель былъ многимъ извѣстенъ, и кто, бывало, замѣтитъ его издали, тотъ почтительно перейдетъ поскорѣе на другую сторону, а кто идетъ прямо у самаго дома, тотъ этой собаке или вовсе не замѣ-

титъ, а если взглянетъ и увидитъ его надъ самою своею головою, то испугается и поплетъ его владителю болѣе или менѣе хорошо оснащенное крылатое слово.

Въ тотъ день, который я описываю, пленнотентовъ пелосатый не съ былъ на своемъ возвышенномъ мѣстѣ и любовался природою. Я его не замѣтилъ или не обратилъ на него вниманія, во-первыхъ, потому, что зналъ его, а во-вторыхъ, потому, что какъ разъ въ это самое время увидалъ на противоположномъ тротуарѣ Друкарта и сошелъ, чтобы поговорить съ нимъ о моихъ недосугахъ, мѣшавшихъ моему участию въ спектаклѣ.

Андрей Ивановичъ былъ сверхъ обыкновенія веселъ: онъ говорилъ, что обязанъ этимъ расположеніемъ духа необыкновенно хорошей погодѣ, и рассказалъ мнѣ при этомъ анекдотъ—какъ хорошо она дѣйствуетъ на душу.

— Я, говорить, —спѣшу кончить слѣдствіе и нынче рано вызвалъ къ допросу убійцу и говорилъ съ нимъ, а самъ въ это время брился, и потомъ шутя спрашиваю его: отчего онъ столько человѣкъ порѣзалъ, а меня не хотѣлъ зарѣзать моею же бритвою?—А онъ отвѣчаетъ: «не знаю: нонче мнѣ что-то рукъ кровянить не хочется».

И только, что мы такъ переболтнули, какъ вдругъ раздался ужасающій вопль: «Уй-уй... каркадыль!» — и въ ту же самую минуту на насъ бросился и началъ между нами тереться... опять онъ же, —мой интролигаторъ.

Откуда онъ неся и куда стремился, попавъ по пути подъ «крокодила», я тогда не зналъ, но видъ его, въ бореньи съ новымъ страхомъ, былъ еще жалостнѣе и еще смѣшнѣе. При всемъ большомъ жиловскомъ чинопочитаніи, онъ въ ужасѣ лѣзъ подъ старую, изношенную енотовую шубу Друкарта, которую тотъ самъ называлъ «шубою изъ енотовыхъ пятокъ», и, вертя ее за подолъ, точно игралъ въ кошку и мышку.

Мы оба расхохотались, а онъ все метался и кричалъ: «каркадыль! каркадыль!» и металъ отчаянные взоры на бульдога, который, нимаго не безпокоясь, продолжалъ спокойно взирать на насъ съ своего возвышенія.

Успокоить жида было невозможно, но зато это дало мнѣ поводъ рассказать Друкарту, что это за несчастное созданіе и въ чемъ состоитъ его горе.

Повторяю, Друкартъ былъ человѣкъ чрезвычайно добрый

и чувствительный, хотя это очень многимъ казалось невѣроятнымъ, потому что Друкартъ былъ рыжеволосъ, а рыжеволосыхъ, какъ извѣстно, добрыми не считаютъ. (Это такъ же основательно и неоспоримо, какъ странная примѣта, будто бритвы съ бѣлыми черешками острѣе, чѣмъ съ черными; но возражать противъ этого все-таки напрасно). Притомъ же Друкартъ находился, какъ я сказалъ, въ необычайно хорошемъ расположеніи духа, которое еще усилилось происшествіемъ съ крокодиломъ и перешло въ совершенное благодушіе.

Живая сострадательность взяла верхъ надъ его осторожною системою невмѣшательства, и онъ сказалъ мнѣ тихошюку:

— Ишь, какая мерзость устроена надъ этимъ каркадыломъ.

— Да, — отвѣчаю: — мерзость такая ужасная, что ему нельзя ничѣмъ и помочь.

Друкартъ задвигалъ своимъ умнымъ морщинистымъ лбомъ и говоритъ:

— А давайте попробуемъ.

— Да что же можно сдѣлать?

— А вотъ попробуемъ... Иди за нами, каркадыль!

Но этого не надо было и говорить: интролигаторъ и такъ не отставалъ отъ насъ и все забѣгалъ впередъ, оглядываясь: не оставилъ ли крокодилъ своего забора и не идетъ ли его проглотить, чего жидъ, повидимому, страшно боялся, — не знаю болѣе за себя самого, или за сына, у котораго въ его особѣ крокодилъ могъ взять единственнаго защитника.

Говорятъ: «чѣмъ люди оказываются во время испуга, то они дѣйствительно и есть», — испугъ, это — *промежутокъ* между навыками человѣка, и въ этомъ промежуткѣ можно видѣть *натуру*, какую она есть. Судя такъ, интролигатора въ этотъ промежутокъ можно бы, пожалуй, почестъ болѣе за жизнелюбца, чѣмъ за чадолѣбца; но пока еще не изобрѣтенъ способъ утвержденія Момусова стекла въ человѣческой груди, до тѣхъ поръ всѣ подобныя рѣшенія, мнѣ кажется, могутъ быть очень ошибочными, и къ счастью они ни одному изъ насъ не приходили въ голову.

У Андрея Ивановича явился планъ дѣйствовать на князя Иларіона Иларіоновича, — планъ, въ которомъ я не видѣлъ

никакой пользы и старался его отвергнуть, какъ совершенно неудобноисполнимый и бесполезный.

ГЛАВА ДВНАДЦАТАЯ.

И держался такого взгляда на основаніи общезвѣстной флегматической вялости характера князя, чловѣка натуры весьма благородной и доброй, но, къ сожалѣнію многихъ, не являвшей той энергіи, которой отъ него порою очень хотѣлось. Но Друкартъ зналъ князя лучше и стоялъ на своемъ.

— Не думайте, — настаивалъ онъ: — князь—добрякъ, и ему только надо это какъ должно представить. Онъ не сс-коль,—сразу окомъ не прожжеть, зато и крыломъ не обрѣ-жегъ, а все начнетъ только у себя въ сердцѣ долбить и какъ разъ выковыряетъ оттуда то, что на потребу, и тогда своего *«добраго мальчика»* пуститъ.

Надо объяснить, что такое у насъ въ Кіевѣ и еще ранѣе здѣсь въ Петербургѣ называли *«добрымъ мальчикомъ»* добрѣйшаго изъ людей, князя Иларіона Иларіоновича, а для этого надо сказать кое-что о всей его физической и духовной природѣ.

Онъ былъ чловѣкъ большого роста, съ наружностью сколько представительною, столько же и симпатичною. Преобладающею его чертою была доброта, но какаѣ-то скорѣе пассивная, чѣмъ активная. Казалось, онъ очень бы желалъ, чтобы всѣмъ было хорошо, но только не зналъ, что для этого сдѣлать, и потому болѣе объ этомъ не беспокоился... до случая. Физиономія его хранила тихое спокойствіе его доброй совѣсти и пребывала въ постоянной неподвижности; и эта неподвижность оставалась такою же и тогда, если его что-нибудь особенно брало за сердце, но только въ этихъ послѣднихъ случаяхъ *что-то* начинало поднимать вверхъ и оттопыривать его верхнюю губу и усы. Это *что-то* и называлось *«добрымъ мальчикомъ»*, который будто бы являлся къ услугамъ князя для того, чтобы не затруднять его нужными при разговорѣ движеніями.

Рѣчи князя были всегда сколь рѣдки, столь и не многословны, хотя при всемъ этомъ ихъ никакъ нельзя было назвать краткими и законическими. Въ нихъ именно почти всегда недоставало законченности и притомъ онѣ отличались совершенно своеобразнымъ построеніемъ. По способу

ихъ изложенія, я могу имъ отыскать нѣкоторое подобіе только въ рѣчахъ, которыя произносилъ незнакомецъ, описанный Диккенсомъ въ «Запискахъ ниввикскаго клуба».

Оригинальный спутникъ нѣжнаго Томмена, какъ извѣстно, говорилъ такъ:

— Случилось... пять человекъ дѣтей... мать... высокая женщина... все ѣла селедки... забыла... три... дѣти глядятъ... она безъ головы... осиротѣли... очень жалко.

Какъ надо было имѣть особый навыкъ, чтобы позимать этого оратора, такъ была потребна сноровка, чтобы резюмировать и словесные выводы, и заключенія князя. Но по самому характеру героя Диккенсова, надо полагать, что этотъ путешественникъ говорилъ часто и скороговоркою, между тѣмъ какъ нашъ несгибанный добросердечный князь всегда говорилъ повадно, съ отяжкой, такъ чтобы *добрый мальчикъ* успѣвалъ управляться подъ его молодецкими усами. Притомъ же онъ, говоря по-русски, какъ баричъ начала девятнадцатаго вѣка, оснащалъ свою рѣчь избраннымъ простонароднымъ словомъ, которое у него было «стало-быть» или иногда просто «стало». На этомъ «стало» порою все и становилось, но цѣлость впечатлѣнія отъ этого нисколько не страдала, а напротивъ, къ всеобщему удивленію, даже какъ будто выигрывала. Это «стало» было въ своемъ родѣ то же, что удивляющая теперь петербургскихъ меломановъ оборванная нота въ новой оперѣ «Маккавен»: ея внезапный обрывъ красивѣе и понятнѣе, чѣмъ самая широкая законченность по всемъ правиламъ искусства.

— «Сдѣлайте... стало...», — говорилъ князь, отмахивая слегка рукою, и искусные въ разумѣніи его люди знали, что имъ дѣлать, и выходило хорошо, хорошо потому, что все знали, что онъ думалъ и чувствовалъ только *хорошо*.

Во множествѣ случаевъ это было прекрасно, но я не могъ себѣ представить—къ чему это поведетъ въ томъ казусномъ случаѣ, о которомъ идетъ дѣло? Противъ интродуктора и за его обидчика былъ, во-первыхъ, прямые законныя постановленія, а во-вторыхъ—княгиня, значеніе которой было, къ сожалѣнію, слишкомъ неоспоримо. Что же постановить противъ этого книжеское «стало», да и что ему тутъ дѣлать?

Извѣстно, что, дабы чего-нибудь достигъ, надо прежде всего ясно сознать, чего желаешь и какими путями хочешь

стремиться къ осуществленію этого желанія. Но у насъ ни у одного изъ трехъ, кажется, не было никакого яснаго плана: чего именно мы хотѣли для спасенія нашего интролигатора и въ какой формѣ? Мы только чувствовали желаніе помочь ему, и одинъ изъ насъ двухъ расширилъ свои соображенія настолько, что видѣлъ полезнымъ разжалобить добросердечнаго князя, возлагая надежду на изобрѣтательность его сердца, которое начнетъ что-то «долбить» и что-то «выковыривать», какъ разъ то, что нужно.

Друкартъ былъ въ этомъ увѣренъ, а я несколько, и зато впоследствии имѣлъ радостный случай воскликнуть: «блаженъ кто вѣруеть,—тепло ему на свѣтѣ!»

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Оставивъ моего многострадальнаго еврея подъ опекою его поваго покровителя, я отправился къ своему мѣсту и занялся своимъ дѣломъ.

Здѣсь не излишнимъ считаю сказать, что ни въ комъ изъ лицъ, о которыхъ мнѣ здѣсь приходится говорить (разумеется, кромѣ еврея), не было ни одного вѣроотступника или индифферента по отношенію къ вѣрѣ. Что касается князя Иларіона Иларіоновича, то его религіозныя убѣжденія мнѣ, конечно, близко неизвѣстны, но я думаю, что онъ былъ православенъ не меньше, чѣмъ всякій православный русскій сановникъ,—а можетъ быть даже немножко и больше нѣкоторыхъ. Простая, прямая и теплая душа его искала опоры въ вѣрѣ народной, народнѣе которой для русскаго человѣка нѣтъ, какъ наше родное православіе, во всей неприкосновенной чистотѣ и здравости его ученія. Друкартъ, *русскій уроженецъ* литовскихъ губерній, имѣлъ сугубую страстность къ православію, которое было для него не только вѣрою, но и своего рода духовнымъ знаменемъ русской народности. Я выросъ въ своей родной семьѣ въ г. Орлѣ, при отцѣ, чловѣкѣ очень умномъ, много начитанномъ и знатокѣ богословія, и при матери очень богобоязненной и богомольной; научился я религіи у лучшаго и, въ свое время, извѣстнѣйшаго изъ законоучителей, о. Евфимія Андреевича Остромысленскаго, за добрые уроки котораго всегда ему признателенъ. Шаткости религіозной въ кружкахъ, въ которыхъ я тогда въ Кіевѣ вращался, совсѣмъ не было, и я былъ такимъ, какимъ я былъ, обучаясь пра-

вославно мыслить отъ моего родного отца и отъ моего превосходнаго законоучителя, который до сихъ поръ, слава Богу, живъ и здоровъ. (Да приметь онъ издали отсюда мною посылаемый ему низкій поклонъ). Словомъ: никого изъ насъ нельзя было заподозрѣвать ни въ малѣйшемъ недоброжелательствѣ Церкви, къ которой мы принадлежали, и по рожденію, и по убѣжденіямъ, и вѣроятно никто изъ насъ не нашелъ бы удовольствія отвести отъ Церкви невѣра, который бы возжелалъ съ нею соединиться; а между тѣмъ все мы это сдѣлали съ полнымъ спокойствіемъ, которое получило на себя санкцію отъ лица, авторитетъ котораго я, какъ православный, считаю непререкаемымъ въ этомъ дѣлѣ.

Теперь я буду продолжать разсказъ, какъ поступили въ этомъ случаѣ люди, имѣвшіе предо мною все несравнимыя преимущества въ старшинствѣ лѣтъ, въ опытѣ, въ познаніяхъ и въ томъ превосходномъ *дерзновеніи въры*, которое съчетъ и рубить мелкій страхъ шаткости маловѣрнаго сомнѣнія.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Я буду кратко въ описаніи аудіенціи, которую злоплучный интролигаторъ имѣлъ у князя, потому что я самъ тутъ не присутствовалъ и веду разсказъ съ чужихъ словъ.

Благодаря Друкарту, бѣднякъ, разумѣется, былъ поставленъ такъ удобно, что князь, выйдя къ приему прошеній, могъ обратить на него вниманіе,—что и случилось.

— Что... это... стало... какой человѣкъ... зачѣмъ такъ плачешь... Узнайте! — сказалъ князь Друкарту, который на этотъ разъ былъ съ нимъ у приема.

Тотъ взялъ просьбу и, разумѣется, зная уже дѣло, взглянулъ въ нее только для порядка. Въ ней, впрочемъ, и нечего было искать изложенія дѣла, потому что простая и никакой власти неподсудная суть его исчезала въ описаніи страданій самого интролигатора отъ людей, отъ стихій и наконецъ отъ крокодила, который тоже былъ занесенъ въ эту скорбную записку.

Оставалось свернуть это сочиненіе и изложить князю въ словахъ, въ чемъ дѣло.

Друкартъ это и исполнилъ и, какъ человѣкъ очень теплый, умный и талантливый, сдѣлалъ вѣроятно такъ хорошо, что князь сразу тронулся: брови его слегка нахмурились и «*добрый мальчикъ*» подъ усами задвигалъ:

— Это что же... это стало-быть... плутовство, — заговорилъ князь.— Это... такъ э... нельзя позволять.

Чиновникъ кратко, но обстоятельно указалъ ему на законъ.

Князь еще болѣе нахмурился, и «*добрый мальчикъ*» было ушелъ, но потомъ снова вернулся.

— Да... законъ, такъ... стало-быть... нельзя.

Чиновникъ промолчалъ, — князь продолжать принимать другія просьбы, — жидъ вылъ, и когда ему кричали «тссь!», онъ на минуту умолкалъ и продолжалъ вздрагивать, какъ прoderнутый на резинку, но черезъ минуту завывалъ заново безъ словъ, безъ просьбъ, — одними звуками.

Князя стало брать за душу.

— Велите... стало... ему молчать и... вывести, — сказалъ онъ, какъ будто очень разсердясь, что у него всегда служило превосходнымъ признакомъ, потому что, давъ въ себѣ хотя малѣйшее движеніе гнѣву, онъ, по безнгодной добротѣ своей души, непремѣнно сейчасъ же подчинялся реакціи и всемѣрно, какъ могъ, выискивалъ средства задобрить свое нетерпѣливое движеніе.

Здѣсь же этой реакціи надо было ожидать еще скорѣе, потому что и самое приказаніе «молчать и вывести» онъ очевидно далъ отъ досады, что не выдалъ возможности сдѣлать того, что хотѣлъ бы сдѣлать.

Надо было ожидать, что все это у него пока *надалбывается* въ сердцѣ и онъ бурлитъ, пока не досталъ, не добылъ еще того, что нужно; но зато чѣмъ онъ больше этимъ кипитъ и мучится въ превосходной добротѣ своей, тѣмъ скорѣе онъ разыщетъ тамъ у себя что нужно и рѣшится на то, что, можетъ-быть, самъ пока еще считаетъ совершенно невозможнымъ.

Это такъ и вышло: чуть жидъ отъ страха замолкъ и два жандарма повели его за локти изъ пріемной, «*мальчикъ*» подъ усами князя зашевелился.

— Тише... скажите... это...—заговорилъ онъ:—не надо...— Къ чему относилось это «не надо»—осталось неизвѣстнымъ, но понято было хорошо: жидъ вывели; но не прогнали, и онъ сѣлъ и продолжалъ дергаться на своей внутренней резинкѣ; а князь быстро окончилъ пріемъ и во все это время казался недоволенъ и огорченъ, и, отпустивъ просителей, не пошелъ въ свой кабинетъ, который былъ прямо

противъ входныхъ дверей пріемнаго зала, а вышелъ въ маленькую боковую зеленую комнату, направо.

Комната эта выходила окнами на дворъ и служила князю для особыхъ объясненій съ тѣми лицами, съ которыми онъ считалъ нужнымъ поговорить наединѣ.

Онъ походилъ здѣсь одинъ иѣсколько минутъ и потребовалъ Друкарта.

— Жалко!..—произнесъ онъ, увидя чиновника.

— Очень жалко, ваше сіятельство, — отвѣчалъ, всегда съ отличнымъ снокойствіемъ и достоинствомъ державшій себя, Друкартъ.

— Пфу... какая штука!.. Совсѣмъ плутъ...

— Очевидно бездѣльникъ, — было отвѣтомъ чловѣка, который понималъ, къ кому это относится, т. е. къ интродигаторову наемщику, пожелавшему креститься.

— И въ законѣ этого... стало... нѣтъ?

— Нѣтъ, тамъ нѣтъ исключенія — въ какое время объявить желаніе: это все равно.

— Взялъ деньги... плутъ... Это... стало... какая... тутъ вѣра!

— Вѣра—одинъ предлогъ.

— Разумѣется... но я... ничего... стало-быть... не могу... идите!

И онъ съ очевиднымъ томленіемъ духа выпустилъ Друкарта, но тотъ не успѣлъ еще дойти до передней, какъ князь достукался того, что ему было нужно, и, живо размахнувъ дверь, самъ крикнулъ повеселѣвшимъ голосомъ:

— А... Друкартъ!

Тотъ вернулся.

— Теперь... того... какъ оно... вотъ какъ: и этого жиды взять... въ сани... и поѣзжайте... съ нимъ... сейчасъ прямо... къ митрополиту... Онъ добрый старикъ... пусть посмотритъ... все расскажите... И отъ меня... кланяйтесь... и скажите, что жалко... а ничего не могу... какъ законъ... Хорошенько... это понимаете.

— Слушаю-сь.

— Да... что не могу... Очень, стало-быть, хотѣлъ бы... да не могу... а онъ очень добрый... понимаете...

— Очень добрый, ваше сіятельство.

— Такъ ему... я это предоставляю... и самъ не вмѣниваюсь, а... только очень его... прошу... потому... если ему

тоже жаль... онъ какъ тамъ знаетъ... Можетъ-быть... пресите и... потомъ мнѣ скажите.

Князь докончить свою рѣчь уже болѣе живымъ и веселымъ тономъ, сдѣлавъ рѣшительный взмахъ рукою, повернулся и, гораздо повеселѣвъ, пошелъ въ свои внутренніе покои, но навѣрно не затѣмъ, чтобы снѣшить разказать о своемъ распоряженіи въ апартаментахъ княгини.

Командированный княземъ чиновникъ взялъ жида и покатилъ съ нимъ въ лавру, а и получилъ съ разсылнымъ клочокъ бумажки съ сдѣланною наскоро карандашомъ надписью: «задержите ставку,—ѣдемъ къ митрополиту».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Ставку на два, три часа задержать было возможно, и я это сдѣлалъ; но къ чему все это могло повести?

Наши іерархи и вообще люди «духовнаго чина», какъ называютъ ихъ въ своемъ замѣчательномъ «Словарѣ» покойный митрополитъ кievскій Евгеній Болховитиновъ, къ несчастію для общества, почти совсѣмъ ему неизвѣстны съ ихъ самыхъ лучшихъ сторонъ. Долженствуя стоять на самомъ свѣту въ виду у всѣхъ, они между тѣмъ почти совершенно «проходятъ въ тѣняхъ»; извѣстные при жизни съ одной чисто официальной, служебной своей стороны, они не получаютъ болѣе полного и интереснаго освѣщенія даже и послѣ смерти. Ихъ некрологи, какъ недавно справедливо замѣчено по поводу кончины бывшаго архіепископа тобольскаго Варлаама, составляютъ или сухой и жалкій перифразъ ихъ формулярныхъ послужныхъ списковъ, или—что еще хуже,—даютъ жалкій наборъ общихъ фразъ, въ которыхъ пожалуй можно замѣтить много усердія панегиристовъ, но зато и совершенное отсутствіе въ нихъ наблюдательности и пониманія того, что въ жизни человѣка, сотканной изъ ежедневныхъ мелочей, можетъ репрезентовать его умъ, характеръ, взглядъ и образъ мыслей, — словомъ, что можетъ показать человѣка съ его интереснѣйшей, внутренней, духовной стороны, въ простыхъ житейскихъ проявленіяхъ. Насколько превосходятъ насъ въ этомъ протестанты и католики, объ этомъ и говорить стыдно: между тѣмъ какъ тамъ мало-мальски замѣчательнаго духовнаго лица, если не живо, то тотчасъ послѣ смерти знаютъ во всѣхъ его замѣчательныхъ чертахъ,—мы до сихъ поръ не

живемъ живого очерка даже такихъ лицъ, какъ митрополитъ Филаретъ Дроздовъ и архіепископъ Иннокентій Борисовъ.

Можетъ-быть, это такъ нужно,—не знаю; но не въ моей власти не сомнѣваться, чтобы это было для чего-нибудь такъ нужно,—развѣ кромѣ той обособленности пастырей отъ пасомыхъ, которая не служитъ и не можетъ служить въ пользу Церкви.

Если благочестивая мысль весьма видныхъ представителей богословской науки пришла къ сознанию необходимости—знакомить людей съ жизнью Самого нашего Господа Іисуса Христа со стороны *Его человечности*, которая такъ высока, поучительна и прекрасна, разсматриваемая въ связи съ Его Божествомъ, и если этому пути слѣдуютъ нынче уже и русскіе ученые (какъ наприм., покойный кievскій профессоръ К. И. Скворцовъ), то не странно ли чуждаться ознакомленія общества съ его іерархами, какъ съ живыми людьми, имѣвшими свои добродѣтели и свои недостатки, свои подвиги и свои немощи и, въ общемъ, можетъ-быть, представляющими гораздо болѣе утѣшительнаго и хорошаго, чѣмъ распространяють о нихъ въ глухой молвѣ, а ей-то и внемлетъ толпа чрезъ свои «Мидасовы уши»...

Одно духовное изданіе недавно откровенно изъяснилось, отчего это происходитъ, — «отъ совершеннаго неумѣнія большинства людей изъ духовенства писать сколько-нибудь живо».

Я думаю, что это правда, и насколько во мнѣ можетъ быть допущено литературнаго пониманія,—я это утверждаю и весьма съ этимъ соболѣзную. Это *скрываетъ* отъ общества много хорошаго изъ нравовъ нашего клира.

Почти мимовольно вырвавшіяся выше строки, которыя я, тѣмъ не менѣе, желаю здѣсь оставить, потому что считаю ихъ сказанными нечаянно, но кстати, не должны, однакоже, быть истолкованы въ такомъ претензионномъ смыслѣ, какъ будто я хочу или могу пополнить чѣмъ-нибудь замѣченный мною печальный пробѣлъ въ нашей духовной журналистикѣ, — доселѣ еще бѣдной живымъ элементомъ и терпящей воплнѣ достойное и заслуженное ею безутрастіе общества за свой сухой, чисто отвлеченный тонъ и *неинтересный* характеръ.

Вышесказанной претензіи у меня нѣтъ, да и она, и

правдѣ сказать, ни на что не нужна мнѣ. Слабому перу моему довольно работы и безъ этого; но доходя въ этомъ разсказѣ до встрѣчи съ покойнымъ митрополитомъ Филаретомъ Амфитеатровымъ, я долженъ сказать — какимъ онъ мнѣ представлялся со стороны *его общечеловѣчности*, до которой мнѣ собственно только и было теперь дѣло.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Еще ребенкомъ, у себя въ орловской губерніи, откуда покойный митрополитъ былъ родомъ и потому въ болѣе тѣсномъ смыслѣ былъ моимъ «землякомъ», я слыхалъ о немъ, какъ о человѣкѣ доброты безконечной. Я зналъ напасти и гоненія, которыя онъ терпѣлъ до занятія митрополичьей кафедрой, — гоненія, которыя могли бы дать превосходнѣйшій матеріалъ для самой живой и интересной характеристики многихъ лицъ и ихъ времени.

Во всѣхъ этихъ разсказахъ митрополитъ Филаретъ являлся скромнымъ и терпѣливымъ, кроткимъ и миролюбивымъ человѣкомъ — не болѣе.

Активной доброты его, о которой говорили въ общихъ чертахъ, я не зналъ ни въ одномъ частномъ проявленіи.

О послѣднемъ выѣздѣ его изъ Петербурга, куда онъ болѣе уже не возвращался, носились слухи тоже самыя общія и то давашіе во всемъ первое мѣсто и значеніе митрополиту московскому, — да это мнѣ и не нужно было для того, чтобы построить свою догадку о томъ, какъ онъ отнесется къ извѣстному казусу.

Въ Кіевѣ я услыхалъ ему первыя осужденія за его отношенія къ покойному о. Герасиму Павскому и раздѣлялъ мнѣнія осуждавшихъ.

Лично я его увидѣлъ въ первый разъ въ домѣ предсѣдателя казенной палаты Я. И. П., гдѣ онъ мнѣ показался очень страннымъ. Во-первыхъ, когда всѣ мы, хозяева и гости, встрѣтили его въ залѣ (въ домѣ П. на Михайловской улицѣ), онъ благословилъ всѣхъ насъ, подошедшихъ къ нему за благословеніемъ, и потомъ, замѣтивъ остававшуюся у стола молодую дѣвушку, бывшую въ этомъ домѣ гувернанткою, онъ посмотрѣлъ на нее и, не трогаясь ни шагу далѣе, проговорилъ:

— Ну, а вы что же?

Дѣвица сдѣлала ему почтительный глубокой реверансъ и тоже осталась на прежнемъ мѣстѣ.

— Что же... подойдите!—позвалъ митрополитъ.

Но въ это время къ нему подошелъ хозяинъ и тихо шепнулъ:

— Ваше высокопреосвященство,—она протестантка.

— А!.. ну что же такое, что протестантка: вѣдь не жидовка же (sic).

— Нѣтъ, владыка,—протестантка.

— Ну, а протестантка, такъ поди сюда, дитя, поди, дѣвица, поди; вотъ такъ; Господь тебя благослови: во имя Отца, и Сына, и Св. Духа.

И онъ ее благословилъ, и когда она, видимо сильно растрогавшись, хотѣла, по нашему примѣру, поцѣловать его руку, онъ погладилъ ее по головѣ и сказалъ:

— Умница!

Дѣвушка такъ растрогалась отъ этой, вѣроятно, совсѣмъ неожиданной ею ласки, что заплакала и убѣжала во внутренніе покои.

Впослѣдствіи она не разъ ходила къ митрополиту, получала отъ него благословія, образки и книжечки, и кончила тѣмъ, что перешла въ православіе и, говорятъ, вела въ мірѣ чрезвычайно высокую подвижническую жизнь и всегда горячо любила и уважала Филарета. Но въ этотъ же самый визитъ его къ П. онъ показалъ себя намъ и въ иномъ свѣтѣ: едва онъ усѣлся въ почетномъ мѣстѣ на диванѣ, какъ къ нему подсосѣдилась свояченица хозяина, пожилая дѣвица, и пустилась его «занимать».

Вѣроятно, желая блеснуть своею свѣтскостію, она заговорила съ сладкою улыбною:

— Какъ, я думаю, вамъ, ваше высокопреосвященство, скучно здѣсь послѣ Петербурга?

Митрополитъ взглянулъ на нее и,—Богъ его знаетъ,—связала ли онъ этотъ вопросъ съ исторіею своего отбытія изъ Петербурга, или такъ просто,—отвѣтилъ ей:

— Что это такое?.. что мнѣ Петербургъ?..—и, отвернувшись, добавилъ:—глупая,—право, глупая.

Тутъ я замѣтилъ всегда послѣ мною слышанную разницу въ его интонаціи: онъ то говорилъ немножко надтреснутымъ, слабымъ старческимъ голосомъ, какъ бы съ недоу-

вольствомъ, и потомъ мягко пускалъ добрымъ стариковскимъ баскомъ.

— «Что мнѣ Петербургъ?»—это было въ первой манерѣ, а «глухая»,—баскомъ.

Первое это впечатлѣніе, которое онъ на меня произвелъ, было странно: онъ мнѣ показался и очень добрымъ, и грубоватымъ.

Вислѣдствіи первое все усиливалось, а второе ослабѣвало.

Потомъ, я помню, разъ рабочій-штукатуръ упалъ съ колокольни на плитаной помость и расшибся.

Митрополитъ остановился надъ нимъ, посмотрѣлъ ему въ лицо, вздохнулъ и проговорилъ ласково:

— Эхъ ты, глухой какой! — благословилъ его и пошелъ.

Былъ въ Кіевѣ священникъ о. Ботвиновскій,—человѣкъ не безъ обыкновенныхъ слабостей, но съ совершенно необыкновенною добротою. Онъ, на примѣръ, сдѣлалъ разъ такое дѣло: у казначея Т. недоставало что-то около 30,000 рублей и ему грозила тюрьма и гибель. Многие богатые люди о немъ сожалѣли, но никто ничего не дѣлалъ для его спасенія. Тогда Ботвиновскій, *никогда до того времени не знавшій Т.*, продалъ все, что имѣлъ цѣннаго, заложилъ домъ, бѣгалъ безъ устали, собирая гдѣ что могъ, и... выручилъ несчастную семью.

Владыка, узнавъ объ этомъ, промолвилъ:

— Ишь, какой хорошій!

О. Ботвиновскому за это добро вскорѣ заплатили самую черною неблагодарностью и многими доносами, которые дошли до митрополита. Тотъ призвалъ его и спросилъ: правда ли, что о немъ говорятъ?

— По неосторожности, виновать, владыка, — отвѣчалъ Ботвиновскій.

— А!.. зачѣмъ ты трубку изъ длиннаго чубука куришь, а?

— Виновать, владыка.

— Что виновать... тоже по неосторожности! А! какъ смѣешь! развѣ можно пону изъ длиннаго чубука!..—онъ на него покричалъ и будто сурово прогналъ, сказавъ:

— Не смѣй курить изъ длиннаго чубука!.. сейчасъ сломай свой длинный чубукъ!

О короткомъ—ничего сказано не было; а во всѣхъ другихъ частяхъ доносъ оставленъ безъ послѣдствій.

Тоже помню разъ лѣтомъ въ Кіевъ наѣхало изъ орловской губерніи одно знакомое мнѣ дворянское семейство, состоявшее изъ матери, очень доброй пожилой женщины, и шести взрослыхъ дочерей, которыя всѣ были недурны собою, изрядно, по-тогдашнему, воспитаны и имѣли состояннице, но ни одна изъ нихъ не выходила замужъ. Матери ихъ это обстоятельство было очень непріятно и представлялось верхомъ возмутительнѣйшей несправедливости со стороны всей мужской половины человѣческаго рода. Она сдѣлала по этому случаю такой обобщающій выводъ, что «всѣ мужчины подлецы: обѣдать—обѣдаютъ, а жениться—не женятся».

Высказавшись мнѣ объ этомъ со всею откровенностью, она добавила, что пріѣхала въ Кіевъ спеціально съ тою цѣлію, чтобы помолиться «насчетъ судьбы» дочерей и попросить о ней жившаго тогда въ Китаевой пустыни старца, который Богъ вѣсть почему слылъ за прозорливца и пророка *).

Патріархальное орловское семейство расположилось въ нѣсколькихъ номерахъ въ лаврской гостиницѣ, гдѣ я получилъ обязанность ихъ навѣщать, а главная услуга, которой отъ меня требовала землячка, заключалась въ томъ, чтобы я сопутствовалъ имъ въ Китаевъ, гдѣ она пылала нетерпѣніемъ увидать прозорливца и спросить его «о судьбѣ».

Отъ этого я никакъ не могъ отказаться, хотя, признаться, не имѣлъ никакой охоты беспокоить мудренаго анахорета, о прозорливости котораго слыхалъ только, что онъ на привѣтствіе: «*здравствуйте, батюшка*», — всегда, или въ большинствѣ случаевъ, отвѣчалъ: «*здравствуй, окаянный!*»

— Стоитъ ли, — говорю, — для этого его, божьяго старичка, беспокоить?

Но мои дамы встосковались:

— Какъ же это можно, — говорятъ, — такъ разсуждать? Развѣ это не грѣхъ такого случая лишиться? Вы тутъ все по-новому, — сомнѣваетесь, а мы просто вѣримъ и, при-

*) Это никакъ не должно быть относимо къ превосходному старцу Паренію, который жилъ въ Голосѣвѣ. И. Л.

знаться, затѣмъ только больше сюда и ѣхали, чтобы его спросить. Молиться-то мы и дома могли бы, поэтому у насъ и у самихъ есть святѣи: въ Мценскѣ—Николай угодникъ, а въ Орлѣ въ женскомъ монастырѣ—Божія Матерь прославилась, а намъ провидящаго старца-то о судьбѣ спросить дорого—что онъ намъ скажетъ?

— Скажетъ,—говорю,—«здравствуйте, окаяннѣя!»

— Что же такое,—а можетъ-быть,—отвѣчаютъ,—онъ для насъ и еще что-нибудь прибавить?

«Что же»,—думаю,—«и впрямь, можетъ-быть, и «прибавить»».

И онъ не ошиблись: онъ имъ кое-что прибавилъ. Поѣхали мы въ густые голосѣвскіе и китаевскіе лѣса съ самоваромъ, съ сушеными карасями, арбузами и со всякой иной провизіей; отдохнули, помолились въ храмахъ и пошли искать прозорливца.

Но въ Китаевѣ его не нашли: сказали намъ, что онъ побрелъ лѣсомъ къ Голосѣеву, гдѣ ъ-ту пору жилъ въ лѣтнее время митрополитъ.

Шли мы, шли, отбирая языковъ у всякаго встрѣчнаго, и, наконецъ, попали въ какой-то садикъ, гдѣ намъ указано было искать провидца.

Нашли, и сразу всѣ мои дамы ему *въ ноги* и запищали:

— Здравствуйте, батюшка!

— Здравствуйте, окаяннѣя,—отвѣтилъ старецъ.

Дамы немножко опѣшили; но мать, видя, что старецъ повернулъ отъ нихъ [и удаляется, подвинулась отвагою и завопила ему вслѣдъ:

— А еще-то хоть что-нибудь, батюшка, скажите!

— Ладно,—говоритъ,—прощайте, окаяннѣя!

И съ этимъ онъ насъ оставилъ, а вмѣсто него тихо изъ-за кусточка показался другой старецъ, — небольшой, но ласковый, и говорить:

— Чего, дурочки, хотите? Э-эхъ, глупыя, глупыя,—ступайте въ свое мѣсто,—и тоже самъ ушелъ.

— Кто этотъ, что второй-то съ нами говорилъ? — спрашивали меня дамы.

— А это,—говорю,—митрополитъ.

— Не можетъ быть!

— Нѣтъ, именно онъ.

— Ахъ, Боже!.. вотъ счастья-то сподобились! будемъ

разсказывать всѣмъ, кто въ Орлѣ,—не повѣрять! И какъ голубчикъ ласковъ-то.

— Да вѣдь онъ нашъ, орловскій,—говорю.

— Ахъ, такъ онъ, вѣрно, насъ по разговорѣ-то замѣтилъ и обласкалъ...

И ну плакать отъ полноты счастья...

Этотъ старецъ, дѣйствительно, былъ самъ митрополитъ, который въ сдѣланной моимъ попутчицамъ оцѣнкѣ, по моему убѣжденію, оказалъ гораздо болѣе прозорливости, чѣмъ первый провидецъ. «Окаянными» моихъ добрыхъ и наивныхъ землячекъ назвать было не за что, но глупыми—весьма можно.

Но со всѣми-то съ этими только данными для сужденія о характерѣ покойнаго митрополита—какія можно было вывести соображенія насчетъ того: что онъ сдѣлаетъ въ дѣлѣ интролигатора, гдѣ всѣ мы понемножечку милосердовали, но никто ничего не могъ сдѣлать,—не исключая даже такое, какъ нынѣ говорятъ, «высокопоставленное» и многовластное лицо, какъ главный начальникъ края?.. Какъ тамъ этого ни представляй, а все въ результатѣ выходило, что всѣ походили около печи, а никто оттуда горячаго каштана своими руками не выхватилъ, а трудъ вынуть этотъ каштанъ предоставили престарѣлому митрополиту, которому всего меньше было касательства къ злобѣ нашего дня.

Что же онъ въ самомъ дѣлѣ учинить?

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Но въ нетерпѣливомъ ожиданіи результата, который долженъ былъ послѣдовать въ самомъ остромъ моментѣ этого чисто мірскаго, казеннаго дѣла отъ духовнаго владыки, мнѣ припомнился еще одинъ, довольно общезвѣстный въ свое время въ Кіевѣ случай, гдѣ митрополитъ Филаретъ своимъ милосердіемъ далъ неожиданный оборотъ одному деликатнѣйшему обстоятельству.

Въ одномъ дружественномъ домѣ Т. случилось ужасное несчастіе: чрезвычайно религіозная, превосходно образованная, возвышеннѣйшей души дама К. Ѳ. окончила жизнь самоубійствомъ и притомъ, какъ нарочно, распорядилась всѣмъ такъ, что не было никакой возможности отнести ея несчастную рѣшимость къ *умоповрежденію* или какому-нибудь иному мозговому разстройству.

Врачъ М—къ не давалъ такого свидѣтельства, а безъ того полиція не позволяла погребенія съ церковнымъ обрядомъ и на христіанскомъ кладбищѣ.

Все это, разумѣется, еще болѣе увеличивало скорбь и безъ того пораженнаго событіемъ семейства, но дѣлать было нечего...

Тогда одному изъ родственниковъ покойной, Альфреду Юнгу, плохому редактору *Кіевскаго Телеграфа*, но прекраснаго сердца челоуѣку, пришла мысль броситься къ митрополиту и просить у него разрѣшенія похоронить покойницу какъ слѣдуетъ, по обрядамъ церкви, несмотря на врачебно-полицейскіе акты, которые исключали эту возможность.

Митрополитъ принялъ Юнга (хотя время уже было не урочное, — довольно поздно къ вечеру), выслушалъ о несчастіи Т., покачалъ головой и, вздохнувъ, заговорилъ:

— Ахъ, бѣдная, бѣдная, бѣдная... Зналъ ее, зналъ... бѣдная.

— Владыка! не дозволяютъ ее схоронить по обряду... это для семейства ужасно!

— Ну, зачѣмъ не схоронить? Кто смѣетъ не дозволить?

— Полиція не дозволяетъ.

— Ну, что тамъ полиція, — перебилъ съ милосердымъ нетерпѣніемъ Филаретъ.—Ишь, что выдумали!

— Это потому, ваше высокопреосвященство, что врачъ находитъ, что она въ полномъ умѣ...

— Ну-у, что тамъ врачъ... много онъ знаетъ о полномъ умѣ! Я лучше его знаю... Женщина... слабая... немощный сосудъ,—скудельный: приказываю, чтобы ее схоронили по обряду, да, приказываю.

И какъ онъ приказалъ—разумѣется, такъ и было. Могло то же самое или что-нибудь въ этомъ родѣ случиться и сейчасъ; онъ все вѣдь былъ тотъ же сегодня, какъ и тогда, и нынѣ онъ тоже могъ что-нибудь такое «лучше» всѣхъ насъ знать и рѣшить все такъ, чтобы милость и истина встрѣтились и правда и судъ облобызались. Что же дивнаго, когда дѣло пошло не на то, чѣмъ мы руководимся, а на то, что онъ усмотритъ.

Скажетъ: «я лучше ихъ знаю», и конецъ!

И ни на минуту до сей поры не увѣренный въ возможности спасенія интролигатора, я вдругъ сталъ вѣрить, что

неожиданное направленіе, данное дѣлу княземъ Васильчиковымъ, привело это дѣло какъ разъ къ такому суди, который разрѣшить его самымъ несовершеннѣйшимъ образомъ.

Я тогда не читалъ еще ни сочиненій блаженнаго Августина, о которыхъ упоминаю въ началѣ этого разсказа *), и не зналъ превосходнаго положенія Лаврентія Стерна **), но просто *по-сердцу* думалъ, что не можетъ быть, чтобы митрополитъ счелъ за благопріятное для церкви пріобрѣтеніе такого человѣка, который, по мѣткому выраженію Стерна, дѣлаетъ православію визитъ въ своемъ поганомъ халатѣ! Чтò за прибыль въ новыхъ прозелитахъ, которые потомъ составляютъ въ христіанствѣ тотъ вредный, но, къ сожалѣнію, постоянный кадръ людей безъ вѣры, безъ чести, безъ убѣжденій,—людей, ради коихъ «имя Божіе хулится во языцѣхъ».

— Нѣтъ,—говорилъ я себѣ,—нѣтъ: митрополитъ рѣшить это правильно и прекрасно.

И я не ошибся, и теперь возвращаюсь къ моему разсказу, съ тѣмъ, чтобы на сей разъ уже заключить его концомъ, вѣчающимъ дѣло.

Приглашаю теперь читателя возвратиться къ тому моменту, когда жидъ и чиновникъ поѣхали къ митрополиту въ лавру.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Жидъ съ утра въ этотъ день не представлялъ того ужаснаго отчаянія, съ какимъ онъ явился вчера вечеромъ. Правда, что онъ и теперь завывалъ, метался и дергался «на резинкѣ», но сравнительно со вчерашнимъ это было спокойнѣе. Это, можетъ-быть, до извѣстной степени объяснялось тѣмъ, что онъ утромъ сбѣгалъ на постоянный дворъ, гдѣ содержались рекруты, и издали посмотрѣлъ на сынишку. Но когда интролигатора посадили въ сани, приступы отчаянія съ нимъ опять возобновились и еще въ

*) «De fide et operibus» и «De catechisandis rudibus».

**) Извѣстный англійскій юмористъ, пасторъ суттонскаго прихода. Лаврентій Стернъ, прославившійся своимъ веселымъ остроуміемъ и нѣжною чувствительностью, говоритъ: «напрасно думаютъ быть христіанами тѣ, которые не постарались сдѣлаться добрыми людьми. Идти ко Христу, имѣя недобрые замыслы противъ человѣка, болѣе несоответственно, чѣмъ дѣлать визитъ въ халатѣ». (Стернъ, ч. 2, стр. 6 и 7).

сугубомъ ожесточеніи. Онъ, говорятъ, походилъ на сумасшедшаго или на ушнвшагося до безумія: онъ схватывался, вскакивалъ, голосилъ, размахивалъ въ воздухѣ руками и нѣсколько разъ порывался скатиться кубаремъ съ саней и убѣжать. Куда и зачѣмъ?—это онъ едва ли понималъ, но когда они проѣзжали подъ одною изъ арокъ крѣпостныхъ валовъ, ему это наконецъ удалось: онъ выпалъ въ снѣгъ и, вскочивъ, бросился къ стѣнѣ, заломилъ на нее вверху руки и завылъ:

— Ой Іешу! Іешу! що Твій шилъ со мной зробить?

Два услужливые солдатика, которые подоспѣли на этотъ случай, взяли его, погнули, какъ надо, чтобы усадить въ сани, и поѣздъ чрезъ пару секундъ остановился у святыхъ воротъ или, какъ въ Кіевѣ говорятъ, у *святой брамы*.

Тутъ не перомъ описать то, что начало дѣлаться съ евреемъ, пока дошло до конца дѣло: онъ дѣлалъ поклоны и реверансы не только встрѣчнымъ живымъ инокамъ, но даже и стѣннымъ изображеніямъ, которыя, вѣроятно, производили на него свое впечатлѣніе, и все вздыхалъ.

Подслѣповатый иннокъ, сидѣвшій подъ брамою съ кропильномъ за чашею святой воды, покропилъ его,—онъ обтерся и пошелъ за своимъ вождемъ далѣе.

Теперь надо было уже получить доступъ къ митрополиту, представиться ему и ждать, чѣмъ онъ обрадуется?

Друкартъ все, конечно, обдумалъ, какъ ему исполнить возложенное на него порученіе: онъ хотѣлъ оставить еврея гдѣ будетъ удобно внизу и велѣтъ доложить митрополиту объ одномъ себѣ и единолично, спокойно и послѣдовательно изложить все дѣло и, насколько возможно, склонить добраго старца къ состраданію несчастному интролигатору, а тамъ, разумѣется,—что будетъ, то будетъ.

Не знаю: вышло бы хорошо или худо, если бы дѣло пошло такимъ образомъ, по объясненному, рассчитанному плану: но все это никуда не годилось, потому что съ верховъ для развязки всей этой исторіи учрежденъ былъ другой планъ.

Напоминаю, что это было въ самый превосходный, погожій день. Покойный владыка Филаретъ тогда уже былъ близокъ къ закату дней и постоянно прихварывалъ, и даже очень мучительно и тяжело. Страданія его облегчалъ профессоръ Вл. Аф. Караваевъ, а еще чаще его помощникъ

г. Заславскій, котораго покойный въ шутку звалъ: «отецъ Заславскій». Промежутки, когда онъ былъ здоровѣе и могъ обходиться безъ визитовъ «отца Заславскаго», были непродолжительны и нечасты, но, однако, бывали — и тогда онъ бодрился и даже выходилъ на воздухъ.

Жидъ и его предстатель какъ разъ попали на такой случай: не успѣли они, обогнувъ колокольню, завернуть вправо къ митрополитскимъ покоямъ, какъ увидали у дверей на помостѣ небольшую группу чернецовъ, — кажется, по разсказу, человѣка три или четыре, и между ними самъ владыка.

Выйдя на короткое, вѣроятно, время вздохнуть мягкимъ воздухомъ прекраснаго дня, митрополитъ былъ безъ клобука и всякихъ другихъ знаковъ своего сана, — по-домашнему, въ теплой шубкѣ и мякенькомъ колпачкѣ, по Друкартъ узналъ его издали и, поклонясь, подошелъ и началъ излагать дѣль своего посольства.

Митрополитъ слушалъ, не обнаруживая никакого вниманія и прищуривая прозрачныя, тогда уже потемнѣвшія вѣки своихъ глазъ, и все смотрѣлъ на крышу одного изъ куполовъ великой церкви, по которому на утрѣвѣ расположились голуби, галки и воробьи. Повидимому, его, какъ будто, очень занимали птицы, но когда Друкартъ досказалъ ему исторію — какъ наемщикъ обманулъ своего нанимателя, онъ тихонько улыбнулся и проговорилъ:

— Ишь ты, воръ у вора дубинку укралъ, — и, покачавъ головою, опять продолжалъ смотрѣть на птичекъ.

— Владыка, — говорилъ ему между тѣмъ Друкартъ: — это дѣло теперь въ такомъ положеніи... — И онъ изложилъ все извѣстное намъ положеніе.

Митрополитъ молчалъ и попрежнему вдыхалъ въ себя воздухъ и смотрѣлъ на птицъ.

Положеніе посла становилось затруднительно, — онъ еще разсказалъ что-то, и умолкъ; владыка тоже молчалъ и смотрѣлъ на птичекъ.

— Чтѣ прикажете доложить князю, ваше высокопреосвященство, — снова попытался такъ Друкартъ. — Его сіятельство усердно васъ просить, такъ какъ законъ ставить его въ невозможность...

— Законъ... въ невозможность... меня проситъ! — какъ бы вслухъ подумалъ митрополитъ, и вдругъ неожиданно перевелъ глаза на итролигатора, который, страшно без-

покоясь, стоялъ немного поодаль передъ нимъ въ согбенной позѣ...

Слабыя вѣки престарѣлаго владыки опустились и опять поднялись и нижняя челюсть задвигалась:

— А? что же мнѣ съ тобою дѣлать, жидъ! — протянулъ онъ и добавилъ вопросительно: — а? Ишь ты какой дуракъ!

Дергавшійся на мѣстѣ питролигаторъ, слышавъ обращенное къ нему слово, такъ и рухнулъ на землю и пошелъ извиваться, рыдая и лепеча опять: «Иешу! Иешу! Ганоцри! Ганоцри!»

— Что ты, глупый, кричишь? — проговорилъ митрополитъ.

— Ой васе... ой васе... васе высокопреосвященство... коли же... коли же никто... никто... якъ ви...

— Неправда; никто, какъ Богъ, а не я,—глупый ты!

— Ой Богъ, ой Богъ... Ой Иешу, Иешу...

— Зачѣмъ говоришь Иешу? — скажи: Господи Исусе Христе!

— Ой, коли же... Господи ой, Сусе Хриште... Ой, ой, дай мине... дай мине, гошподинъ... гошподи... дай мое дѣтко!

— Ну, вотъ такъ!.. Глупый...

— Онъ до безумія измученъ, владыка, и... удивительно какъ онъ еще держится,—поддержалъ тутъ Друкартъ.

Митрополитъ вздохнулъ и, тихо протянувъ съ задумчивостью въ голосъ:

— Любы николи же ослабѣваетъ,—опять поднялъ глаза къ птичкамъ и вдругъ какъ бы имъ сказалъ:

— Недостойнъ онъ крещенія... отослать его въ приѣмъ,—и съ этимъ онъ въ то же самое мгновеніе повернулся и ушелъ въ свои покои.

Апелляціи на этотъ *владычный судъ* не было, и всѣ были довольны, какъ истинно «смирнѣйшій» первосвятитель сталъ вверху всѣхъ положеній. «Недостойнаго» крещенія хитреца привели въ приѣмъ и забрили, а ребенка отдали его отцу. Ихъ счастьемъ и радостью любоваться было некогда; забритый же наемщикъ, сколько мнѣ помнится, послѣ приѣма окрестился: онъ не захотѣлъ потерять хорошей крестной матери и тѣхъ тридцати рублей, которые тогда давались каждому новокрещенцу-еврею...

Значить, и съ этой стороны потери не было, и я на этомъ могъ бы и окончить свой рассказъ, если бы къ нему не принадлежалъ особый, весьма замѣчательный эпилогъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

(Глава вмѣсто эпилога).

Съ прекращеніемъ крымской войны и возникновеніемъ гласности и новыхъ теченій въ литературѣ, не мало молодыхъ людей оставили службу и пустились искать занятій при частныхъ дѣлахъ, которыхъ тогда вдругъ развернулось довольно много. Этимъ движеніемъ былъ увлеченъ и я.

Мнѣ привелось примкнуть къ операціямъ одного англійскаго торговаго дома, по дѣламъ котораго я около трехъ лѣтъ былъ въ безпрестанныхъ разъѣздахъ.

Останавливаясь, какъ требовали дѣла, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, иногда довольно подолгу, я въ свободное время много читалъ и покупалъ интересовавшихъ меня старыхъ и новыхъ сочиненій. Такъ, купивъ разъ на ярмаркѣ у воротъ Троице-Сергіевской лавры сочиненія Вольтера, я заинтересовался нападками этого писателя на Библию. Что это въ самомъ дѣлѣ: какъ и на чемъ могло быть написано Моисеемъ Пятикнижіе, *какимъ способомъ* могъ быть истолченъ въ порошокъ золотой телець, когда золото въ порошокъ не толчется, и тому подобные вопросы меня и заставляли искать на нихъ удовлетворительнаго, резонаго рѣшенія.

Мнѣ захотѣлось во что бы то ни стало достать и прочесть такъ-называемыя: *Иудейскія письма къ господину Вольтеру*, давно разошедшееся русское изданіе которыхъ составляетъ библиографическую рѣдкость.

За полученіемъ книгъ въ этомъ родѣ тогда обращались въ московскій магазинъ Кольчугина на Никольской, но тамъ на этотъ случай тоже не было этой книги, и мнѣ указали на другую лавку, приказчикъ которой мнѣ обѣщаль достать *Иудейскія письма* у какого-то знакомаго ему переплетчика.

Я ждалъ и навѣдывался, когда достануть, а книги все не доставали: говорили, что переплетчика этого нѣтъ, что онъ гдѣ-то въ отлучкѣ.

Такъ дотянулось время, что мнѣ надо было уже и уѣзжать

изъ Москвы, и вотъ наканунѣ самаго отъѣзда я еще разъ зашелъ въ лавку и миѣ говорить:

— Онъ пріѣхалъ, посидите: долженъ сейчасъ принести.

Я пріѣлъ и пересматриваю кое-какое книжное старье, какъ вдругъ, слышу, говорить:

— Песеть!

Съ этимъ, вижу, въ лавку входитъ *старикъ*, — сѣдой, очень смирнаго, покойнаго вида, но съ несомѣнно еврейскимъ обличьемъ, — одѣтъ въ русскую мѣщанскую чуйку и въ русскомъ суконномъ картузѣ съ большимъ козыремъ, а въ рукахъ связка книгъ въ синемъ бумажномъ платкѣ.

— Ишь какъ ты долго, Григорій Ивановичъ, собирался, — говорятъ ему.

— Часу не было, — отвѣчаетъ онъ, спокойно кладя на прилавокъ и вывязывая изъ платка книги.

Ему, не говоря ни слова, заплатили сколько-то денегъ, а миѣ сказали, что приплютутъ книги вечеромъ вмѣстѣ съ другими и со счетомъ.

Понятно, что это былъ торговый пріемъ, — да и не въ этомъ дѣло; а миѣ нравился самъ переплетчикъ, и я съ нимъ разговорился. Предметомъ разговора были поначалу эти же принесенныя имъ книги: «Иудейскія письма къ господину Вольтеру».

— Интересныя, — говорю, — эти книги?

— Н...да, — отвѣчаетъ, — разумѣется... кто не читалъ, — интересныя.

— Какъ вамъ кажется: дѣйствительно ли онѣ писаны раввинами?

— Н...н... Богъ знаетъ, — отвѣчалъ онъ словно немножко нехотя, и вдругъ, привѣтно улыбнувшись, добавилъ: — читали, можетъ-быть, про Бубель (въ рѣчи его было много еврейскаго произношенія): она про що нѣмуетъ, якъ онѣ-мѣвшій Схарія, про що гугнить, якъ Моусей... Кто се во всемъ допытать можетъ? Фай! ничего не разберешь! — вотъ Евангеліумъ — то книжка простая, ясная, а Бубель...

Онъ махнулъ рукою и добавилъ:

— Богъ знаетъ, шо тамъ когда и якъ да еще и на чемъ писано? — съ того съ ума сходили!

Я выразилъ нѣкоторое удивленіе, что онъ знаетъ Евангеліе.

— А що тутъ за удивительно, якъ я христіанинъ?..

— И вы давно приняли христіанство?

— Нѣтъ, не очень давно...

— Кто же васъ убѣдилъ въ христіанствѣ?

— Ну, то же ясно есть и у Бубель: тамъ писано, що Мессія во второмъ храмѣ повиненъ придти, ну я и увидалъ, що Онъ пришелъ... Что же еще шукать али ждать, якъ Онъ уже съ нами?

— Однако, евреи всѣ это мѣсто читали, а не вѣрятъ.

— Не вѣрятъ, бо они тѣхъ толмудовъ да еще чего-нибудь пустою начитались и Богъ знаетъ якин себѣ вытребенъки повывдумляли: якій Онъ будетъ Мессія и якъ Онъ ни бы то никому не вѣдомо откуда явится и по земному царевать станеть, а они стануть понувать въ мірѣ... Але все то пустое: Онъ пришелъ въ нашемъ, въ рабскомъ тѣлѣ и намъ треба только держати Его учительство. Прощайте!

Онъ поклонился и вышелъ, а я разговорился о немъ съ лавочникомъ, который разказалъ мнѣ, что это человекъ «очень умственный».

— Да какой,—говорю,—въ самомъ дѣлѣ онъ вѣры?

— Да истинно,—отвѣчаетъ,—онъ крещеный,—иные его даже въ родѣ подвижника понимаютъ.

— Онъ,—говорю,—и начитанный, кажется?

— Про это и говорить нечего, но только рѣдко съ кѣмъ о книгахъ говорить, и то словцо кинеть, да рукой махнетъ; а своимъ, жидамъ, такъ толкуеть и обращаетъ ихъ и много отъ нихъ терпитъ: они его и били, и даже разъ удавить хотѣли, ну, онъ не робѣеть: «приходилъ,—говорить,—Христосъ и другого не ждите,—не будетъ».

— Ну, а они что же?

— Ну, и они тоже руками махаютъ. Такъ и махаютъ: и онъ махнетъ, и они махаютъ, а сами все гыр-гырь, какъ звѣрье рычатъ, а потомъ и ничего,—образумятся.

— И семья у него вся христіане?

Купецъ засмѣялся.

— Какая же, — говорить, — у него можетъ быть семья, когда онъ этакой суевѣрь?

— Чѣмъ же суевѣрь?

— Да, а какъ его иначе понимать: никакого правила не держитъ и деньги тоже..

— Деньги любить?—перебиваю.

— Какой же любить, когда все, что заработаеть—одною рукою возьметь, а другою отдасть.

— Кому же?

— Все равно.

— Только евреямъ или христіанамъ?

— Говорю вамъ: все равно. Ошь вѣдь помѣшанъ.

— Будто!

— Вѣрно вамъ говорю: съ нимъ случай былъ.

— Какой?

Тутъ и самъ этотъ мой собесѣдникъ рукою замахалъ.

— Давно,—говорить,—у него гдѣ-то сына, что ли, въ на-боръ было взяли, да что-то такое тонулъ онъ, да кроко-дилъ его кусалъ, а потомъ съ наемщикомъ у него вышло, что принять его не могли, пока кievскій Филаретъ благо-словилъ, чтобы ему лобъ забрить; ну, а сынишка-то самъ собою послѣ вскрѣ умеръ, заморили его, говорятъ, став-щики, и жена померла, а самъ онъ—этотъ человѣкъ—подъ-упавши былъ въ состояніи и... «надо, — говоритъ, — утѣ больше не о земномъ думать, а о небесномъ, потому са-мое лучшее,—говорить,—разрѣшиться и со Христомъ быть...»

Ну, тутъ мнѣ и вспомнилось, гдѣ я этого человѣка видѣлъ, и вышло по присловію: «привелъ Богъ свидѣться да нечего дать»: онъ былъ уже слишкомъ много меня богаче.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

И еще два слова въ личное мое оправданіе.

Съ нѣкоторыхъ поръ въ Петербургѣ рассказываютъ стран-ную исторію: одинъ извѣстнѣйшій «іерусалимскій баронъ» добивается, чтобы ему дали подрядъ на нашу армію. Опа-саясь, что этотъ господинъ все дѣло поведетъ съ жидами и по-жидовски, ему не хотятъ дать этой операциі... И что же: седьмого или восьмого сего февраля читаю объ этомъ уже въ газетахъ, съ дополненіемъ, что «іерусалимскій ба-ронъ» кинулся ко «всемогущимъ патронессамъ», которыя придумали самое благонадежное средство поправить дѣло *въ своемъ вкусъ: онъ крестятъ барона, и, кажется, со всею его подрядною свитою!!*.

Газеты называютъ это «новымъ миссіонерскимъ прие-момъ» и говорятъ («Нов. Время» № 340), что «люди, отъ которыхъ зависитъ отдача сукна, подметокъ, овса и сѣна,

у насъ могутъ быть миссіонерами гораздо счастливѣе тѣхъ нашихъ миссіонеровъ, которые такъ неуспѣшно дѣйствуютъ на Дальнемъ Востокѣ». Газета находитъ возможнымъ, что «наши великосвѣтскія старухи воспользуются счастливою мыслью обращать въ православіе за небольшую поставку сапожнаго товара».

Констатируя этотъ фактъ, какъ неоспоримое доказательство, что моя книжка *«На краю свѣта»* ничего въ воззрѣніи великосвѣтскихъ крестителей не измѣнила, я почтительно прошу моихъ высокопросвѣщенныхъ судей—вмѣнить мнѣ это въ облегчающее обстоятельство.

ЯЗВИТЕЛЬНЫЙ.

Изъ Гостомельскихъ воспоминаній.

Разсказъ чиновника особыхъ порученій.

Капля камень долбитъ.

Пословица.

При прежнемъ губернаторѣ у насъ не позволялось курить въ канцеляріи. Старшіе чиновники обыкновенно куривали въ маленькой комнаткѣ, за правительскимъ кабинетомъ, а младшіе—въ сторожкѣ. Въ этомъ куреніи у нашихъ чиновниковъ уходила большая половина служебнаго времени. Я и мои товарищи, состоявшіе по особымъ порученіямъ, не обязаны были сидѣть въ канцеляріи и потому не нуждались вовсе въ канцелярскихъ курильныхъ закуткахъ; но все-таки каждый изъ насъ считалъ своею обязанностью придти покоптить папироснымъ дымомъ стѣны комнаты, находившейся за правительскимъ кабинетомъ. Эта комната была для насъ сборнымъ мѣстомъ, въ которое всякій спѣшилъ поболтать, посплетничать, посмѣяться и посовѣтоваться. Засѣданія здѣсь длились иногда до тѣхъ поръ, пока сторожъ Кузмичъ, отворяя двери, возглашалъ: «правитель выпил, ваше высокоблагородіе».

Одинъ разъ, наработавшись вволю надъ пересмотромъ только что оконченнаго мною слѣдствія, я вышелъ прогуляться. День былъ прекрасный, теплый, съ крышъ надали капельки и на перекресткахъ улицъ стояли лужи. Шагъ за шагомъ я дошелъ до Болховской улицы и вздумалъ зайти

покурить въ канцелярію. Правитель былъ съ докладомъ у губернатора. Въ комнатѣ за правительскимъ кабинетомъ я засталъ двухъ помощниковъ правителя, полицмейстера и одного изъ моихъ товарищей, только-что возвратившагося съ слѣдствія изъ дальняго уѣзда. Пожавъ поданныя мнѣ руки, я закурилъ папироску и сѣлъ на окно, ничѣмъ не прерывая бесѣды, начатой до моего прихода. Возвратившійся молодой чиновникъ особыхъ порученій съ жаромъ рассказывалъ объ открытыхъ имъ злоупотребленіяхъ по М—скому полицейскому управленію. Въ рассказѣ собственно не было ничего занимательнаго и имъ болѣе всѣхъ былъ заинтересованъ самъ рассказчикъ, вѣровавшій, что въ нашей административной организаціи обнаружить зло,—значитъ сдѣлать шагъ къ его искорененію. Изъ помощниковъ правителя одинъ-таки слушалъ этотъ рассказъ, но другой безъ церемоніи барабанилъ по окнамъ пальцами, а полицмейстеръ, осѣдлавъ ногами свою кавалерійскую саблю, пускалъ изъ-подъ усовъ колечки изъ дыма и какъ бы собирался сказать: «глупъ еси ты, младый вьюношъ!»

Среди такихъ нашихъ занятій растворилась дверь, соединявшая комнатку съ правительскимъ кабинетомъ, и правитель проговорилъ кому-то:

— Вотъ нашъ клубъ. Прошу васъ здѣсь покурить; а я сейчасъ отдѣлаюсь и буду къ вашимъ услугамъ.

Въ двери показался высокій господинъ, лѣтъ сорока, въ очкахъ, съ небольшою лысиною и ласковымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Господинъ Денъ,—проговорилъ правитель, рекомендуя намъ введеннаго имъ господина.— Господинъ Денъ пріѣхалъ, господа, съ полномочіемъ князя К* на управленіе его имѣніями. Прошу васъ съ нимъ познакомиться. Это мои сотрудники Н. Х. У. Z.,—отрекомендовалъ насъ правитель господину Дену. Начались рукожатія и отрывочныя: «очень радъ, весьма пріятно» и т. д. Правитель съ полицмейстеромъ вышли въ кабинетъ, а мы опять начали прерванный кейфъ.

— Вы давно въ нашихъ краяхъ?—спросилъ съ любезной улыбкой мой молодой товарищъ г. Дена.

— Я первый разъ въ о—ской губерніи, и только со вчерашняго дня,—отвѣчалъ г. Денъ, съ не менѣе любезной улыбкой.

— Да; я не то спросилъ. Я хотѣлъ сказать: вы уже знакомы съ нашей губерніей?

— Не знаю, какъ вамъ отвѣтить. И да, и нѣтъ. Я знакомъ съ имѣніями князя по отчетамъ, которые мнѣ представляли въ главной конторѣ, и по разсказамъ моего довѣрителя. Но... впрочемъ, я полагаю, что о—ская губернія то же самое, что и воронежская и полтавская, въ которыхъ я управлялъ уже княжескими имѣніями.

— Ну, не совсѣмъ,—отозвался одинъ помощникъ правителя канцеляріи, слышій у насъ за политико-эконома.

— Въ чемъ же рѣзче всего проявляются особенности о—ской губерніи?—отнесся къ нему Денъ.—Я буду много обязанъ за ваши опытные указанія.

— Да во многомъ.

— О, я не смѣю спорить; но мнѣ бы хотѣлось узнать, на чемъ именно я могу споткнуться, если буду держаться въ о—ской губерніи системы управленія, принятой мною съ моего пріѣзда въ Россію?

Политико-экономъ не отвѣтилъ на этотъ вопросъ Дену, потому что молодой чиновникъ пересбилъ его вопросомъ:

— А вы давно въ Россіи?

— Седьмой годъ,—отвѣчалъ Денъ.

— Вы... если не ошибаюсь...

— Я англичанинъ.

— И такъ хорошо говорите по-русски?

— О, да. Я еще въ Англии учился по-русски, и теперь опять седьмой годъ изо дня въ день съ крестьянами; что жъ тутъ удивительнаго!

— Вы свыклись и съ нашимъ народомъ, и съ нашими порядками?

— Кажется,—улыбаясь, отвѣтилъ Денъ.

— Имѣнія князя въ нашей губерніи не цвѣтутъ.

— Да, я это слышалъ.

— Вамъ будетъ много труда.

— Какъ вездѣ.

— Можетъ-быть, побольше, какъ въ другомъ мѣстѣ.

— Отчего же?

— Вы знаете, наша губернія по цѣлой Россіи извѣстна.

— Да. Но я ужъ имѣлъ дѣло съ здѣшнимъ народомъ. Я назадъ тому два года принялъ въ Нижнемъ двѣсти семей о—скихъ крестьянъ и сплылъ съ ними по Волгѣ до

самой Сызрани и тамъ расселилъ ихъ на пожалованныхъ князю земляхъ. Ничего-съ. Нужна только система. Не нужно быть ни варваромъ, ни потатчикомъ, а вести дѣло систематически, твердо, настойчиво, но разумно. Во всемъ нужна система.

— Гдѣ же вы намѣрены основать свою резиденцію? — спросилъ политико-экономъ.

— Я думаю, въ Солтыковѣ?

— Отчего же не въ Жижкахъ? Тамъ покойная княгиня жила; тамъ есть и готовый домъ, и прислуга; въ Солтыковѣ, кажется, ничего нѣтъ, — замѣтилъ молодой чиновникъ.

— У меня на это есть нѣкоторыя соображенія.

— Своя система, — смѣясь, вставилъ помощникъ правителя.

— Именно.

Правитель съ шляпой на головѣ отворилъ двери и сказалъ Дену: — «ѣдемъ-съ!»

Мы пожали опять другъ другу руки и разстались.

Солтыки находятся въ сосѣдствѣ съ Гостомельскими хуторами. Между ними всего разстоянія считаютъ верстъ девять, не болѣе, и они всегда на-слуху другъ у друга. Заѣзжая по дѣламъ службы въ К — скою уѣздъ, я обыкновенно всегда заворачивалъ на хутора, чтобы повидаться съ матушкой и взглянуть на ея углое хозяйство. Мать моя познакомилась съ Стюартомъ Яковлевичемъ Деномъ и съ его женою, и при всякомъ свиданіи со мною все никакъ не могла нахвалиться своими новыми сосѣдями. Особенно она до небесъ превозносила самого Дена. — «Вотъ, — говорила она, — настоящій человекъ; умный, разсудительный, аккуратный. Во всемъ у него порядокъ; знаетъ онъ, сколько можно ему издержать, сколько оставить: однимъ словомъ, ужъ видно, что не нашего, дурацкаго, воспитанія. Если бъ наши господа умѣли понимать и цѣнить такихъ людей, такъ давно бы не то было».

Другіе сосѣди тоже были безъ ума отъ Дена. — День говорить, такъ-то надо дѣлать; День такъ-то не совѣтуетъ дѣлать; только и словъ. Разказамъ конца нѣтъ. Повѣствуютъ, какъ все отмѣнилось въ княжескихъ имѣніяхъ съ пріѣзда Стюарта Яковлевича, все, говорятъ, на ноги поднялъ; даже отъявленныхъ воровъ, которыхъ въ нашемъ краѣ урожай, и тѣхъ опредѣлилъ въ дѣло. Да еще такъ:

самыхъ извѣстныхъ лѣбитяевъ подѣлалъ надсмотрщикамъ по работамъ; а воровъ, по нѣскольку разъ бывшихъ въ острогѣ, назначилъ въ экономы, въ ключники, да въ ларечники, и все идетъ такъ, что цѣлый округъ завидуетъ.— «Вотъ, думаю себѣ,—дока-то на к—скихъ мужиковъ явился!»

Хотѣлось мнѣ самому посмотрѣть на солтыковскія диковины, да все какъ-то не приходилось. А тѣмъ временемъ годочка полтора прошло и опять наступила зима.

Вечеромъ 4-го декабря жандармъ принесъ мнѣ записку, въ которой дежурный чиновникъ звалъ меня вечеромъ въ одиннадцать часовъ къ губернатору..

— Вы, кажется, здѣшній уроженецъ? — спросилъ меня губернаторъ, когда я вошелъ къ нему вечеромъ.

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Вы живали въ К—скомъ уѣздѣ?

— Я тамъ провелъ мое дѣтство.

— И у васъ тамъ много знакомыхъ?—продолжалъ спрашивать губернаторъ.

«Что же, — лихо!» подумалъ я, выдерживая этотъ допросъ, и отвѣчалъ, — что я хорошо знаю почти весь уѣздъ.

— У меня къ вамъ есть просьба, — началъ губернаторъ.—Пишетъ мнѣ изъ Парижа князь К*, что послалъ онъ въ свои здѣшнія имѣнія англичанина Дена, человѣка свѣдущаго и давно извѣстнаго князю съ отличной стороны, а между тѣмъ никакъ не огребется отъ жалобъ на него. Сдѣлайте милость,—не въ службу, а въ дружбу:—сѣздите вы въ К—ской уѣздъ, разузнайте это дѣло по совѣсти и дайте мнѣ случай поступить по совѣсти же.

Поѣхалъ я въ К—мы въ эту же ночь, а къ утреннему чаю былъ у моей матери. Тамъ о жалобахъ к—скихъ крестьянъ на Дена и слуху нѣтъ. Спрашиваю матушку:— не слыхала ли, какъ живутъ солтыковскіе мужики?

— Нѣтъ, мой другъ, не слыхала,—говорить.— А впрочемъ, что имъ при Стюартѣ Яковлевичѣ?

— Можетъ-быть, горячъ онъ.

— Въ порядкѣ, разумѣется, спрашиваетъ.

— Сѣчетъ, можетъ, много?

— Что ты! что ты! Да у него и розогъ въ поминѣ нѣтъ! Кого если сѣкутъ, такъ на сходкѣ: по мірской волѣ.

— Можетъ-быть, онъ...

— Что?

— Чужбинку любить?

— О, дуракъ! право дуракъ! — проговорила мать и плюнула.

— Да вы чего, матушка, сердитесь-то?

— Да что жъ ты глупости говоришь!

— Отчего же глупости? Вѣдь вы, чай, знаете, что это бываетъ.

— Подумай самъ: вѣдь онъ женатый!

— Да вѣдь и вашъ племянникъ Юсафъ Михайловичъ женатъ.

— Э! поди ты! — опять кригнула мать, плохо скрывая свою улыбку.

— Ну, чѣмъ - же-нибудь онъ да не угодилъ на крестьянъ.

— Что, мой другъ, чѣмъ угождать-то! Они голманы были, голманы и есть. Баловство да воровство, — вотъ что имъ нужно.

Обѣхалъ два-три сосѣдніе дома, — то же самое. На Николинъ день въ селѣ ярмарка. Зашелъ на поповку, побесѣдовалъ съ духовными, стараясь между рѣчами узнать что-нибудь о причинахъ неудовольствія крестьянъ на Дена, — но отъ всѣхъ одинъ отвѣтъ, что Стюартъ Яковлевичъ такой управитель, какого и въ свѣтѣ нѣтъ. — «Просто, — говорятъ, — отецъ родной для мужика». — Что тутъ дѣлать? Вѣрно, думаю себѣ, въ самомъ дѣлѣ врутъ мужики. Такъ приходилось ни съ чѣмъ ѣхать въ губернской городъ.

Въ К—махъ я заѣхалъ, безъ всякой цѣли, къ старому пріятелю моего покойнаго отца, купцу Рукавичникову. Я хотѣлъ только обогрѣться у старика чайкомъ, пока мнѣ приведутъ почтовыхъ лошадей, но онъ ни за что не хотѣлъ отпустить меня безъ обѣда. — «У меня, — говоритъ, — сегодня младшій сыночекъ именинникъ; пирогъ въ печи сидитъ, а я тебя пуцу! Нѣтъ, баринъ, и не думай. А то вотъ призову старуху съ невѣстками и вѣно кланяться». — Надо было оставаться.

— Тѣмъ часомъ, пойдемъ, чайку попьемъ, — сказалъ мнѣ Рукавичниковъ.

Намъ подали на мезонинъ брюхастый самоваръ, и мы съ хозяиномъ засѣли за чай.

— Ты, что, парень, былъ у насъ волей, неволей или

своей охотой? спросилъ меня Рукавичниковъ, когда мы усѣлись и онъ запарилъ чай и накрылъ чайникъ бѣлымъ полотенцемъ.

— Да, и волей, и неволей, и своей охотой, Петръ Ананьичъ,—отвѣчалъ я.

— Небось, опять по расколу что затѣваетъ вашъ большакъ?

— Нѣтъ, слава Богу, не то.

— Какое жъ такое дѣло?

Я зналъ, что Петръ Ананьичъ ко мнѣ очень расположенъ и что онъ человѣкъ умный, скромный и весь уѣздъ знаетъ какъ свои пять пальцевъ.

— Вотъ,—говорю,—какое дѣло, и пустое, да и мудреное,—и рассказалъ ему свое порученіе.

Петръ Ананьичъ слушалъ меня внимательно и во время разсказа нѣсколько разъ улыбался; а когда я кончилъ, проговорилъ только:—«Это, парень, загвоздка».

— А вы знаете Депа?

— Какъ, сударь, не знать!—знаемъ.

— Ну, что вы о немъ скажете?

— Да, что жъ о немъ сказать?..—проговорилъ старикъ, разведя руками.

— Хорошій онъ человѣкъ?

— Надо быть хорошій.

— Честный?

— И въ этомъ покорить грѣхъ.

— Строгъ ужъ, что ли, очень?

— Ничего этого не слышно.

— Что жъ это, съ чего на него жалуются-то?

— А какъ тебѣ сказать... не по нутру онъ мужикамъ, вотъ и жалобы.

— Да отчего не по нутру-то?

— Порядки, говорятъ, очень тяжелы.

— Работой, что ли, отягощаетъ? — все добиваюсь я у Рукавичникова.

— Ну, какое отягощеніе! Вдвое противъ прежняго имъ теперь легче... А! да вотъ постой! Филать! Филать!—крикнулъ въ форточку Рукавичниковъ. — Вотъ сейчасъ гусли заведемъ,—прибавилъ онъ, закрывъ окно и снова усѣвшись за столикъ.

комнату влѣзъ маленькій подслѣповатый мужичокъ съ гноящимися глазами и началъ креститься на образа.

— Здравствуй, Филатъ Егорычъ!—сказалъ Рукавичниковъ, давъ мужичку окреститься.

— Здравствуйте, батюшка Петръ Ананьичъ.

— Какъ живешь-можешь?

— Ась?

— Какъ, моль, живешь?

— А! Да все сла-тѣ Богу живемъ.

— Дома все ли здорово?

— Ничего будто.

— Всѣмъ, значитъ, довольны?

— Ась?

— Всѣмъ, моль, довольны?

— И—и! Чѣмъ довольными-то намъ быть.

— Что жъ худо?

— Да все Богъ его знаетъ; будто какъ невольготно по казывается.

— Управитель, что ль, опять.

— Да, а то кто жъ!

— Аль чѣмъ избидѣлъ?

— Да такъ будто.

— Что жъ такое?

— Вотъ заводъ затѣялъ строить.

— Ну?

— Ну, и въ заработки на Украину не пускаетъ.

— Никого?

— Ни одного плотника не пустилъ.

— Это не хорошо.

— Какое жъ хорошество! Барину жалились; два прошенія послали, да все никакой еще лизируціи нѣтъ.

— Поди жъ ты горе какое!—замѣтилъ Рукавичниковъ.

— Да. Такъ вотъ и маемся съ этакимъ съ ворогомъ.

— Видите, какой мошенникъ вашъ День!—сказалъ, обратясь ко мнѣ, Рукавичниковъ.

Мужикъ въ меня воззрися.

— А вотъ теперь я вамъ расскажу,—продолжалъ мой хозяинъ:—какой мошенникъ вотъ этотъ самый Филатъ Егорычъ.

Мужикъ не обнаружилъ никакого волненія.

— Господинъ Дель, ихній управляющій. человекъ добрейшей души и честивейшихъ правилъ...

— Это точно,—встрѣлъ мужичокъ.

— Да. По этотъ г. День съ ними не умѣеть ладить. Все какіе-то свои порядки тамъ заводитъ; а по-моему. не порядки онъ заводитъ, а просто слабый онъ человекъ.

— Это какъ есть слабый, — опять подсказалъ мужичокъ.

— Да. Онъ вотъ у нихъ другой годъ, а спросите: тронуль ли онъ кого пальцемъ? Что, правду говорю или вру?

— Это такъ.

— Вотъ, извольте видѣть, имъ это не нравится. Наказанія у него все мягкія, да и то гдѣ-гдѣ соберется; работа урочная, но легкая: сдѣлай свое и иди куда хочешь.

— Ступай, значить.

— Что?

— Сдѣлавши свое,—ступай, говорю, куда хочешь,—повторилъ мужичокъ.

— Да. Ну-съ, а они вотъ на него жалобы строчать.

Мужикъ молчалъ.

— Ну, а на заработки-то онъ ихъ зачѣмъ же не пускаетъ?—говорилъ я.

— Не пускаетъ-съ, не пускаетъ. А вы вотъ извольте распросить Филата Егоровича, много ли ему его сыночекъ за два года изъ работы принесъ. Расскажи-ка, Филатъ Егорычъ.

Мужичокъ молчалъ.

— А принесъ ему, сударь мой, его сыночекъ украинскую сумку, а въ ней сломанную аглицкую рубанку, а молодой хозяйкѣ съ дѣтками французскій подарочекъ, отъ котораго чуть у цѣлой семьи носы не попроваливались. Вру, что ль?—опять обратился Рукавичниковъ къ мужичку.

— Нѣтъ, это было.

— Да, было. Ну-съ, а Стюартъ Яковлевичъ задумалъ заводъ винный построить. Я его за это хвалю, потому-что онъ не махину какую заводитъ, а только для своего хлѣба, чтобъ перекурить свой хлѣбъ, а бардой скотинку воспитать. Приходили къ нему разные рядчики. Брали всю эту постройку на отрядъ за пять тысячъ, онъ не далъ. Зачѣмъ онъ не далъ?

— Мы этого знать не можемъ,—отвѣчалъ Филать Егорычъ.

— Нѣтъ, врешь, братъ,—знаешь. Онъ вамъ высчитывалъ, что съ него чужіе просятъ за постройку; выкладаль, почему вамъ обходится мѣсяць платою у подрядчика, и далъ вамъ рублемъ на человѣка въ мѣсяць дороже, только чтобъ не болтались, а дома работали.

— Это такая говорка точно была.

— То-то, а не неможемъ знать. Ну, а они вотъ теперь, небось, настрочили, что на работу не пускаетъ, все на заводѣ морить; а насчетъ платы ни-ни-ни. Такъ, что-ль?

— Не знаю я этого.

— Да ужъ это какъ водится. Вотъ вамъ и Филать Егорычъ, старый мой другъ и пріятель! Любите-жалуйте его. Мужичокъ ослабился.

— А вотъ меня бы вамъ въ управители!—шутливо продолжалъ Рукавичниковъ.—А! Приняли бъ вы меня?

— Да съ чего жъ?

— И не ссорились бы мы никогда; все бы у насъ полюбезному пошло. Потому что порядокъ бы у насъ душевный былъ. Ты, Филать Егорычъ, пробаловался—на клинъ тебя; молодой парень какой гдѣ проворовался или что другое—за виски его посмыкалъ; раздобылся чѣмъ такимъ на Украинѣ, въ родѣ вотъ Филата Егорыча сына, ну—въ больницу его, а потомъ покрошилъ березовымъ кропильцемъ, да и опять пушай. Такъ, что ли, Филать Егорычъ?

— По-нашему, такъ.

— Ну, вотъ! Вѣдь я знаю.

Мужичка отпустили.

— Что же это такое однако?—спрашивалъ я Рукавичникова, соображая, что скажетъ о Денѣ.

— А вотъ видишь самъ, сударь мой. Господинъ Денъ человѣкъ хороній, да не нашъ; мой бы ему совѣтъ уходить отсюда, а не то они ему подведутъ машину.

Разказалъ я это дѣло губернатору во всей подробности. Губернаторъ просто на стѣну прыгаетъ: доволенъ, что въ его губерніи завелся такой сельскій администраторъ, какъ Стюартъ Яковлевичъ Денъ.

Въ пятницу на масленицѣ у губернатора были званые блины. Весь городъ почти собрался. За столомъ дежур-

ный чиновник подалъ губернатору конвертъ. Губернаторъ сорвалъ печать, прочелъ бумагу и отпустилъ дежурнаго со словомъ: «хорошо!» Но видно было, что что-то совсѣмъ не хорошо. Вставши изъ-за стола, губернаторъ поговорилъ кое-съ-къмъ изъ гостей и незамѣтно вышелъ съ правителемъ въ кабинетъ, а черезъ четверть часа и меня туда позвали. Губернаторъ стоялъ, облокотясь на свою конторку, а правитель что-то писалъ за его письменнымъ столомъ.

— Скверное дѣло случилось,—сказалъ губернаторъ, обратясь ко мнѣ.—Въ Солтыковѣ бунтъ.

— Какъ бунтъ?

— Да вотъ читайте.

Губернаторъ подалъ мнѣ съ конторки бумагу, полученную имъ за обѣдомъ. Это было донесеніе —скаго исправника, писавшаго, что вчера солтыковскіе мужики взбунтовались противъ своего управителя, сожгли его домъ, заводъ и мельницы, а самого управляющаго избили и выгнали вонъ.

— Я посылаю васъ въ Солтыково,—сказалъ губернаторъ, когда я пробѣжалъ донесеніе исправника.—Сейчасъ получите открытое предписаніе къ инвалидному начальнику; берите команду; дѣлайте, что нужно, но чтобъ бунта не было и чтобъ виновные были открыты. Собирайтесь скорѣе, чтобъ къ утру быть на мѣстѣ и идти по горячимъ слѣдамъ.

— Позвольте мнѣ не брать команды,—сказалъ я губернатору.—Я тамъ всѣхъ знаю и надѣюсь безъ команды исполнить ваше порученіе: команда мнѣ только помѣшаетъ.

— Это какъ знаете, но про всякій случай возьмите предписаніе къ инвалидному начальнику.

Я поклонился и вышелъ, а черезъ четыре часа уже пилъ чай у к—скаго исправника, съ которымъ долженъ былъ вмѣстѣ ѣхать въ Солтыково. Отъ К—мъ до Солтыкова всего верстъ пятнадцать, и мы пріѣхали туда ночью. Остановиться было негдѣ. Управительскій домъ, контора, людская, прачечная, мастерскія— все было сожжено вмѣстѣ съ заводомъ и мельницами, и по чернымъ грудамъ теплаго пепелища еще кое-гдѣ вились синія струйки дыма отъ тлѣющихъ головней. Помѣстились въ избѣ у старосты Лукьяна Мастакова и послали за становымъ. Утромъ ранехонько

прибѣжалъ становой и привезъ съ собой солтыковскаго мужичка, Николая Данилова, взятаго имъ вчера подъ арестъ по подозрѣнію въ поджогъ завода и въ возмущеніи крестьянъ къ бунту.

— Что жъ вы узнали?—спрашиваю я станового.

— Поджогъ былъ-съ.

— Отчего вы это думаете?

— Загорѣлись ночью нежилыя строенія и всѣ сразу.

— Кого же вы подозрѣваете въ поджогъ?

Становой развелъ руками съ выраженіемъ полнѣйшаго недоумѣнія.

— По какому поводу вы арестовали этого мужика?

— Николая Данилова-то-съ?

— Да.

— Да такъ. Онъ былъ наказанъ въ этотъ день Денемъ, грубилъ ему и къ тому же ночью оставался у завода, который почти прежде всего вспыхнулъ.

— И только?

— Да, только-съ. Другихъ указаній нѣтъ. Мужики всѣ зашп्राются.

— Вы допрашивали кого-нибудь?

— Дѣлать дознаніе.

— И ничего не узнали?

— ... Ничего пока.

Пошелъ староста и остановился у порога.

— Что скажешь, Лукьянъ Митричъ?—спросилъ я.

— Къ твоей милости.

— То-то, почто къ моей милости?

— Мужики собрались.

— Кто же ребѣ приказывалъ ихъ собирать?

— Самы собрались; хотять съ тобой гуторить.

— Гдѣ же они?

— Да вотъ туточка.—Староста указалъ на окно. Противъ окна стояла огромная толпа крестьянъ. Были и старики, и молодые ребятки, и средовые мужики: всѣ стояли смирно, въ шапкахъ, у нѣкоторыхъ были палки.

— Ого! сколько ихъ,—сказалъ я, сохраняя все спокойствіе.

— Вся отчина,—замѣтилъ староста.

— Ну, поди, Митричъ, скажи имъ, что сейчасъ одѣнусь и выйду

Староста ушелъ.

— Не ходите!—сказалъ миѣ становой.

— Отчего?

— Долго ль до грѣха.

— Ну, ужъ теперь поздно. Избяная дверь не спасеть: если пришли не даромъ, такъ и въ избѣ найдуть.

Надѣлъ я шубу и вмѣстѣ съ исправникомъ и съ становымъ вышелъ на крылечко. Толпа заматалась, шапки по-немногу стали скидываться съ головъ, но нехоти, не разомъ, и нѣсколько человѣкъ въ заднихъ рядахъ вовсе не скинули шапокъ.

— Здравствуйте, ребяташки!—сказалъ я, снявъ шапку.

Мужики поклонились и прогудѣли: «Добраго здоровья!»

— Накройтесь, ребята; холодно.

— Ничего,—опять прогудѣли мужики, и остальные шапки съ головъ исчезли.

— Пожалуйста покройтесь.

— Мы и такъ постоимъ.

— Наше дѣло привычное.

— Ну, такъ я вамъ велю накрыться.

— Велишь, такое дѣло!

Одинъ-два мужика надѣли шапки, за ними надѣли и остальные.

Успокоился я. Вижу, что не ошибся, не взявъ команды.

У самага крыльца стояли сани парой и на нихъ сидѣлъ Николай Даниловъ, съ ногами, забитыми въ березовую колодку. Онъ въ черной свитѣ, подпоясанъ и на головѣ мѣховая шапка. На видъ ему лѣтъ тридцать пять, волосы темнорусые, борода клинушкомъ, взглядъ тревожный и робкій. Вообще лицо выражаетъ какую-то подавленность, но спокойно и довольно благообразно, несмотря на разбитую губу и ссадину на лѣвой скулѣ. Онъ сидитъ безъ движенія и смотритъ то на меня, то на толпу.

— Что же вамъ, ребята, отъ меня желается?—спросилъ я сходку.

— Это ты будешь отъ губернатора-то?—спросилъ меня середовой мужикъ изъ передняго ряда.

— Я.

— Ты чиновникъ?

— Чиновникъ.

— Губернаторскій:

— Да.

— Ну-къ мы съ тобой хотимъ побалакать.

— Извольте. Я вотъ слушаю.

— Нѣтъ, ты сойди оттолева, съ крыльца-то. Мы съ тобой съ однимъ хотимъ поговорить.

Я, не задумываясь, вошелъ въ толпу, которая развернулась, приняла меня въ свои нѣдра и тотчасъ же опять замкнулась, отрѣзавъ меня, такимъ образомъ, отъ исправника и станового.

Середовой мужикъ, пригласившій меня сойти, стоялъ передо мною.

— Ну, о чемъ будемъ говорить?—спросилъ я.

— Ты, вѣдь, Марьи Петровны сынокъ, что-ль?—опять началъ допрашивать меня тотъ же мужикъ.

— Ну, да. Развѣ не знаете?

— Нѣтъ, мы знаемъ. Мы потому тебя сюда и истребовали, что ты нашъ, тутошній, притоманный.

— О чемъ же хотѣли говорить?

— Да вотъ по этому дѣлу-то.

Послышалось нѣсколько вздоховъ со всѣхъ сторонъ.

— Это, вѣдь, ваше дѣло, ребята?

— Божье, сударь, Божье, а не наше.

— Зачѣмъ вы выгнали управителя?

— Онъ самъ уѣхалъ.

— Еще бы! коли вы его мало что не убили.

Молчать.

— Что теперь будетъ-то?

— Вотъ то-то мы тебя и потребовали, чтобъ ты намъ рассказалъ, что намъ будетъ?

— Каторга будетъ.

— За управителя-то?

— Да, за управителя, за поджога, за бунтъ: за все разомъ.

Мужики повѣсили головы.

— Бунта никакого не было,—проговорилъ кто-то.

— Да это что, ребята!—отширяться теперь нечего,—сказалъ я.—Дѣла налицо; сами за себя говорятъ. Будете заширяться, пойдутъ допросы да переспросы, разовретесь и понесете такую штуку, что всѣ перепутаетесь. А вы бы подумали, нельзя ли какъ этому дѣлу поумнѣй пособить.

— Это точно,—буркнули опять нѣсколько голосовъ.

— То-то и есть. А теперь прощайте! Говорить намъ, стало, ужь не о чемъ.

Я тронулъ рукою одного мужика, онъ посторонился, а за нимъ и другіе дали мнѣ дорогу.

Начались допросы. Перваго стали сиранивать Николая Данилова. Передъ допросомъ я велѣлъ спать съ него колодку. Онъ сѣлъ на лавку и равнодушно смотрѣлъ, какъ расклиняли колодку, а потомъ такъ же равнодушно встать и подошелъ къ столу.

— Что, дядя Николай! Экое дѣло вы надъ собою сдѣлали!—сказалъ я арестанту.

Николай Даниловъ утеръ рукавомъ носъ и ни слова не отвѣтилъ.

— Что жъ ты за себя скажешь?

! — Что, Михайла Иванычъ, говорить-то?—произнесъ онъ съ сильнымъ дрожаніемъ въ голосѣ.

— Да говори, братъ, какъ дѣло было?

— Я вѣдь этого дѣла не знаю, и ни въ чемъ тутъ не причиненъ.

— Врешь!—крикнулъ становой.

Я посмотрѣлъ на станового и, не перемѣняя тона, спросилъ снова:—«Ну, расскажи, что знаешь?»

— Я только не знаю, что со мной было.

— Ну, что съ тобой было?

— Озорничать надо мной управитель, да и только.

— Какъ же онъ озорничалъ?

— Да какъ ему хотѣлось.

— Билъ, что ль?

— Нѣтъ, не билъ.

— Что жъ онъ надъ тобой дѣлалъ?

— Срамилъ меня.

— Какъ такъ срамилъ онъ тебя?

— Онъ вѣдь на это документчикъ у насъ.

— Да ты говори, Николай, толкомъ, а то я и отступлюсь отъ тебя,—сказалъ я, махнувъ рукой.

Николай подумалъ, постоялъ и сказалъ:

— Позвольте сѣсть. У меня ноги болятъ отъ колодки.

— Садись, — сказалъ я, и велѣлъ подать обвиняемому скамейку.

— Просился я въ работу,—началъ Николай Даниловъ.— Просился со всѣми ребятами еще осенью; ну, онъ насъ въ

тъ поры не пустилъ. А миѣ безпремѣнно надѣть было сходить въ черниговскую губернію.

— Деньги, что ли, остались за кѣмъ тамъ?

— Нѣтъ.

— Что же?

— Такъ; другое дѣло было.

— Ну!

— Ну, не пустилъ. Заставилъ на заводѣ работать. Я поработалъ недѣлю, да и ушелъ.

— Куда?

— Да туда жъ, куда сказывалъ.

— Въ черниговскую губернію?

— Ну, да.

— Что жъ у тебя за дѣло такое тамъ было?

— Водку дешевую пить,—подсказалъ становой.

Николай ничего не отвѣтилъ.

— Ну, что жъ дальше было?

— А дальше зариштовали меня въ Корилевцѣ, да пригнали по пересылкѣ въ нашъ городъ и, пригнавши, сдали управителю.

— Безъ наказанія?

— Нѣтъ, наказали, а опосля ему отдали. Онъ меня сейчасъ опять на работу приставилъ, а я тутъ-то, дѣнь десять назадъ, опять ушелъ, да зашелъ въ свою деревню, въ Жогово. Ну, тамъ меня бурмистръ сцапалъ, да опять къ управителю назадъ.

— Что жъ онъ, какъ привезли тебя къ нему?

— Велѣлъ на углѣ сидѣть!

— Какъ на углѣ?

— А такъ. Ребята, значить, работаютъ, а я чтобъ на углѣ, на срубѣ передъ всѣмъ міромъ, сложивши руки, сидѣлъ.

— Ну, ты и сидѣлъ?

— Я опять ушелъ.

— Зачѣмъ же?

— Да я ему молился: говорилъ:—«Позвольте стану работать». Не позволилъ.—«Сиди, говоритъ, всѣмъ напоказъ. Это тебѣ наказаніе».—«Коли, говорю, хотите наказывать, такъ наказывайте чѣмъ вамъ угодно; высѣките, говорю, меня лучше, чѣмъ буду сидѣть всѣмъ на смѣхъ». Не ува-

жилъ. Какъ зазвонили на обѣдъ, ребята пошли обѣдать, и я ушелъ, да за деревней меня пагнали.

— Ну?

— Ну, тутъ-то ужъ онъ меня и обидѣлъ больше.

— Чѣмъ же?

— На нитку привязалъ.

— Какъ на нитку?

— Такъ,—покраснѣвъ до ушей, нараспѣвъ проговорилъ Николай Даниловъ. — Привелъ къ заводу, велѣлъ лакею принести изъ хоромъ кресло, поставилъ это кресло противъ рабочихъ, посадилъ меня на него, а въ спинку булавку застремилъ да меня къ ней и привязалъ, какъ воробья, ниточкой.

Всѣ засмѣялись, да и нельзя было не смѣяться, глядя на рослаго, здороваго мужика, рассказывающаго, какъ его сажали на нитку.

— Ну, и долго ты сидѣлъ на ниткѣ?

Николай Даниловъ вздохнулъ и обтерся. У него даже потъ проступилъ при воспоминаніи о ниткѣ.

— Такъ цѣлый день въ родѣ воробья и сидѣлъ.

— А вечеромъ пожаръ сдѣлался?

— Ночью, а не вечеромъ. Въ третью пѣтухи, должно, загорѣлось.

— А ты какъ узналъ о пожарѣ?

— Крикъ пошелъ по улицѣ, я услыхалъ; вотъ и все.

— А до тѣхъ поръ, пока крикъ-то пошелъ,—спрашиваю его:—ты гдѣ былъ?

— Дома, спалъ подъ сараемъ

Говорить это покойно, а въ глаза не смотреть.

— Ну, а управителя какъ выгнали?

— Я этого не знаю ничего.

— Да, вѣдь, чай, видѣлъ, какъ передъ заводомъ на кулаки-то подняли!

Молчить.

— Вѣдь тутъ ужъ всѣ были?

— Всѣ.

— И всѣ, должно-быть, били?

— Должно, что такъ.

— И ты поукладилъ?

— Нѣтъ, я не билъ.

— Ну, а кто же билъ?

— Всѣ били.

— А ты никого не запримѣтилъ?

— Никого.

Взяли Николая Данилова въ сторону и начали допрашивать ночныхъ сторожей, десятниковъ, Николаевыхъ семейныхъ, сосѣдей и разныхъ-разныхъ людей. Въ три дня показаній сто сняли. Если бъ это каждое показаніе записать, то стопу бы цѣлую исписалъ, да хорошо, что не зачѣмъ было ихъ записывать,—всѣ какъ одинъ человѣкъ. Чтò первый сказалъ, то и другіе. А первый объяснилъ, что причины пожара онъ не знаетъ; что, можетъ, это и заподлинно поджогъ, а можетъ и Господь про то только знаетъ; но что онъ самъ въ поджогѣ не участвовалъ и подозрѣнія ни на кого не имѣетъ, oprичъ какъ развѣ самого управителя, потому что онъ былъ человѣкъ язвительный, даже мужиковъ на нитку въ родѣ воробьевъ сталъ привязывать. Управителя же никто не выгонялъ, а онъ самъ по доброй волѣ выѣхалъ, такъ какъ непріятность ему была отъ мужиковъ: побили его на пожарѣ.

— Кто жъ билъ-то?

— Всѣ били.

— И ты билъ?

— Нѣтъ, я не билъ.

— Ну, запримѣтилъ кого-нибудь?

— Нѣтъ,—міромъ били.

— А ты, стало, отъ міра отсталъ?

Долгое молчаніе, а потомъ рѣшительный отвѣтъ:—«Я не билъ».

— Кто жъ билъ?

— Міромъ били.

— За что?

— Ужъ очень онъ насъ донялъ: даже на нитку, въ родѣ какъ воробьевъ, сталъ привязывать.

Слѣдующія девяносто девять показаній были дословнымъ повтореніемъ перваго и записывались словами:— «Иванъ Ивановъ Сушкинъ, 43 лѣтъ, женатъ, на исповѣди бываетъ, а подъ судомъ не былъ. Показалъ то же, что и Степанъ Тереховъ».

Вижу: развалиютъ изъ этого дѣло ужасное. Подумалъ-подумалъ, и велѣлъ Николая Данилова содержать подъ присмотромъ, а становому съ исправникомъ сказалъ, что на

три дня ѣду въ О—ль. Приѣхаль, увидался съ правителемъ и пошли вмѣстѣ къ губернатору. Тотъ вечерній чай пилъ и былъ въ духѣ. Я ему рассказалъ дѣло и, придавая всему, сколько могъ, наивный характеръ, я убѣдиль его, что собственно никакого бунта не было и что если бы князь К. захотѣлъ простить своихъ мужиковъ, то дѣло о поджогѣ можно бы бросить и не было бы ни слѣдствія, ни экзекуціи, ни плетей, ни каторжной работы, а пошелъ бы старій порядокъ и тишина.

Слова: «порядокъ и тишина» такъ поправились губернатору, что онъ походилъ, подумаль, потянулъ свою нижнюю губу къ носу и сочинилъ телеграмму въ шестьдесятъ словъ къ князю. Вечеромъ же эта телеграмма отправлена, а черезъ два дня пришелъ отвѣтъ изъ Парижа. Князь телеграфироваль, что онъ даетъ мужикамъ амністію, съ тѣмъ, чтобы они всѣмъ обществомъ испросили у г. Дена прощенія и впередъ не смѣли на него ни за что жаловаться.

Приѣхаль я съ этой амністіей въ Солтыково, собрали сходку и говорю:—«Ребята! такъ и такъ, князь васъ прощаетъ. Я просилъ за васъ губернатора, а губернаторъ князя, и вотъ отъ князя вамъ прощеніе, съ тѣмъ, чтобы вы тоже выпросили себѣ прощеніе у управителя и впередъ на него не жаловались понапрасну.

Кланяются, благодарять.

— Ну, какъ же? Надо вамъ выбрать ходоковъ и послать въ городъ къ управителю съ повинной.

— Выберемъ.

— Нужно это скоро сдѣлать.

— Нынче пошлемъ.

— Да ужъ потомъ не дурачиться.

— Да мы нѣшь сами рады? Мы ему ничего; только бы его отъ насъ прочь.

— Какъ же прочь! Князь разумѣеть, что вы теперь будете жить съ Деномъ въ согласіи.

— Это опять его, значить, къ намъ?—спросили разомъ нѣскольго голосовъ.

-- Да, а то что жъ я вамъ говорилъ?

— Таакъ-то! Нѣтъ; мы на это не согласны.

— Вы жъ сами хотѣли нынче же послать ходоковъ: просить у него прощенія.

— Да, мы прощенья попросимъ, а ужъ опять его къ себѣ принять не согласны.

— Такъ слѣдствіе будетъ.

— Ну, что будетъ, то нехай будетъ; а намъ съ нимъ никакъ нельзя обиходиться.

— Что вы врете! Одумайтесь: васъ половинку посылаютъ.

— Нѣтъ! нѣтъ! намъ съ нимъ никакъ невозможно. Намъ такого ворога некуда дѣвать.

— Да чѣмъ онъ вамъ ворогъ?

— Какъ же не ворогъ! Мужика, хозяина на нитку, какъ воробья, привязывалъ, да еще не ворогъ!

— Да забудьте вы эту дурацкую нитку! Эка нитка большая! Небось лучше бывало при самомъ князѣ. Не издыхали, садовыя дорожки подчищавши; не глаживали, какъ воронье на конюшнѣ стоятъ?

— Ну, дарма. Онъ господинъ, его была и воля; а ужъ этого, какъ управитель, онъ все жъ не дѣлалъ. Господи помилуй! — на нитку въ родѣ воробья сажать... чего мы надъ собой съ роду родясь не видывали.

— Подумайте, ребята!

— Что думать? думано ужъ. Съ нимъ до грѣха еще хуже дождешься.

— Ну, онъ ужъ не будетъ васъ на нитку привязывать. Я вамъ ручаюсь.

— Онъ другое измыслить надъ нами не хуже этого.

— Что ему измыслить?

— Онъ язвительный человѣкъ такой.

— Полноте, ребята. Надо губернатору отвѣтъ дать.

Пауза.

— Что жъ! Мы прощенья просить готовы.

— А управителя примете?

— Этого нельзя сдѣлать.

— Да отчего нельзя-то

— Онъ язвительный.

.....
.....
Ничего больше отъ солтыковскихъ мужиковъ не добились и пошло уголовное дѣло.

ПРОДУКТЪ ПРИРОДЫ.

«Сравнительно съ народною толпою мало явленій заслуживаетъ большаго изученія. Она настоящій продуктъ природы: все прочее только гримасы, а здѣсь искренность и дѣйствительность. Смотри на народную толпу, если хочешь, съ трепетомъ, но смотри внимательно: то, что она сдѣлаетъ, никому неизвѣстно и еще менѣе ей самой».

Карлейль.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ теченіе моей жизни мнѣ привелось видѣть, какъ двигаются съ мѣста на мѣсто переселенцы, и что съ ними при этомъ иногда происходитъ. Расскажу здѣсь одинъ маленькій случай, который остался у меня на всю жизнь въ памяти. Дѣло было не задолго до уничтоженія крѣпостного права. Ходили уже надежные слухи объ «освобожденіи», но тѣмъ не менѣе купля и продажа людей еще производилась свободно. Пользуясь этимъ, нѣкоторыя именитыя лица совершали тогда большія заселенія принадлежавшихъ имъ степныхъ мѣстъ крестьянами, купленными на выводъ изъ срединныхъ губерній.

У меня былъ родственникъ, мужъ моей тетки, обрусѣлый англичанинъ. Онъ былъ человѣкъ недюжинный и въ одномъ отношеніи предупредилъ даже на сорокъ лѣтъ этику «Крейцеровой Сонаты». Опасаясь, чтобы на него при выборѣ жены не подѣйствовали подкупающимъ образомъ «луна, джерси и нашлёпка», онъ отважился выбирать себѣ невѣсту въ будничной простотѣ, и для того объѣхалъ сосѣдніе дворян-

скіе дома, нарядившись «молодцомъ» при разносчикѣ. Такимъ образомъ онъ увидалъ всѣхъ барышень въ ихъ будничномъ уборѣ и, собравъ о нихъ свѣдѣнія отъ прислуги, сдѣлалъ брачное предложеніе моей тетушкѣ, которая имѣла прелестный характеръ. Вообще о немъ говорили, что онъ—*практикъ*. Онъ управлялъ огромными имѣніями очень важнаго лица и, между прочимъ, имѣлъ своею обязанностью заселять степи: образовывать на нихъ новыя деревни и заводить тамъ правильное полевое хозяйство. Людей, которыхъ вели сюда, скупали на выводъ у разныхъ помѣщиковъ въ губерніяхъ орловской и курской, отчего «сводные люди» дѣлились на два народа: «народъ орловскій» и «народъ курскій». «Орловскій народъ» считался «поиельмоватѣе», а куряне—«вѣдомые кметы» подразумѣвались яко бы «по-дурасливѣе».

Переселяли людей въ степи тогда большими партіями. Сколько я помню въ мои дѣтскіе годы, въ нашихъ мѣстахъ «сбивали народъ», то-есть совокупляли партіи людей на выводъ два раза и въ оба эти раза по деревнямъ стоялъ стонъ, а на выводныхъ людей жалко было смотрѣть, хотя между ними не мало было и такихъ, которые не унывали, а говорили будто имъ «все равно—хуже не будетъ». Въ сводныхъ дворахъ шла распродажа овецъ, тѣлокъ, сохъ, боронъ и саней,—при чемъ между бабами сцены «навѣчной разлуки» были раздирающія.

Одинъ разъ изъ нашего городишка было отправлено на подводахъ, кажется, около двухсотъ душъ, и многіе изъ выведенныхъ мужиковъ вскорѣ же прибѣжали назадъ и стали прятаться въ пустыхъ овинахъ и въ коноплиникахъ. Когда ихъ ловили—они рассказывали, что «ушли отъ вши и отъ вредныхъ водъ». Ихъ отсылали въ станъ и сѣкли. Кромѣ отбѣгателей многіе въ дорогѣ заболѣвали: ихъ нѣкоторое время тащили на подводахъ, а потомъ «отставляли», гдѣ попало; худыя заморенныя клячи въ обозахъ падали, сбруя рвалась, колеса ломались и вообще было много несчастія. Второй разъ выводъ людей изъ нашихъ мѣстъ былъ еще неудачнѣе: между ними начался страшный «гнетучій поносъ» или «жиленье животами»,—заболѣвшихъ пришлось держать по дорогѣ на квартирахъ и въ землянкахъ цѣлую зиму. Половина людей перемерла и убытки были большіе, а потому въ третій разъ, о которомъ я буду рассказывать.

придумали отправить партію на судахъ или, какъ тогда говорили, на «стругахъ» по Окѣ и Волгѣ.

Партія была сборная съ разныхъ мѣстъ орловской и курской губерній, все отъ дворянъ мелкопомѣстныхъ. Въ числѣ переселяемыхъ крестьянъ были и дворовые, и деревенскіе мужики. У дворовыхъ не было ни скота, ни собственныхъ телѣгъ. Они были довезены до пристани какимъ-то мнѣ неизвѣстнымъ способомъ и тамъ посажены на барки. Съ нѣкоторыми крестьянами были телѣги и сохи: все это было погружено или, лучше сказать, нагромождено на барки, и семьи помѣщались и на телѣгахъ, и подъ телѣгами. Съ нѣкоторыми, мнѣ помнится, были куры и на одной баркѣ двѣ или три овцы.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Я тогда былъ еще очень молодой мальчикъ и не зналъ, къ чему себя опредѣлить. То мнѣ хотѣлось учиться наукамъ, то живописи, а родные желали, чтобы я шелъ служить. По ихъ мнѣнію, это выходило «всею надеждою». Мнѣ и хотѣлось, и не хотѣлось служить: я зналъ, что на службѣ хорошо, но былъ уже немножко подпорченъ фантазіями; я читалъ «Горе отъ ума», и всѣ военные мнѣ представлялись Скалозубами, а штатскіе—Молчалиными, и ни тѣ, ни другіе мнѣ не нравились. По характеру моему мнѣ нравилось какое-нибудь живое дѣло, и я рассказалъ это моей теткѣ, а та передала своему мужу. Англичанинъ сталъ мнѣ совѣтовать, чтобы я не начиналъ никакой казенной службы, а лучше приспособилъ бы себя къ хозяйственнымъ дѣламъ. Для того же, чтобы заохотить меня къ этому, онъ сказалъ мнѣ:

— Вотъ мы теперь переселяемъ партію крестьянъ, а графъ недоволенъ тѣмъ, какъ ихъ воятъ. Люди, которые воятъ нашихъ переселенцевъ, по мнѣнію графа (его принципала), всѣ очень грубы, и я съ нимъ отчасти согласенъ. Это непрактично. Пускай это—*продуктъ природы*, но вѣдь и природа можетъ мстить за себя: ожесточать народъ и доводить его до ужаса и унынія никогда не надо, хотя однако совсѣмъ добрые и мягкосердые вожди тоже не годятся. Это уже доказано опытомъ: мягкосердому мужикъ сейчасъ на шею сядетъ и лаптемъ его толкать начнетъ. Нужны Пизарро, и у меня есть такой Пизарро, какого

мнѣ надобно. При нихъ командиромъ идетъ очень надежный человекъ, изъ здѣшнихъ орловскихъ, называется Петръ Семеновъ: умный мужикъ, но тиранъ. Съ нимъ сынъ его, тоже преспособный, и тоже аспидъ: мужичонки у нихъ пищаютъ. Безъ такихъ, какъ Петръ Семеновъ, однако, нельзя: вѣдь идетъ цѣлая орда, а съ ордою и надо мѣры ордынскія; но вѣкъ такой, что надо немножко и цивилизаціи допустить, — надо одною рукою карать, а другою — миловать. Вотъ я и хотѣлъ бы испробовать этакую маленькую конституціонную затѣю, чтобы одинъ казнилъ, а другою миловалъ. Отправляйся-ка ты съ ними и вникай, и Петру распорядиться не мѣшай, но облегчай, что возможно. Я тебѣ дамъ главную довѣренность съ правомъ дѣлать всякія амнистіи.

Я согласился.

— Вотъ и прекрасно! Офіціальное значеніе твое будетъ высоко надъ Петромъ, но ты, однако, смотри—не испорти дѣло: царствуй, но не управляй. Пусть на Петра жалуются, а ты *только милуй*.

Въ Орлѣ я познакомился съ нашимъ Пизарро. Это былъ черный кудрявый мужикъ, лѣтъ сорока восьми или пятидесяти, мускулистый, сильный, живой, съ черными огненными глазами, черными сросшимися надъ носомъ бровями, курносый носомъ и маленькой черной окладистой бородой. Выраженіе лица у него было сильное, смѣлое, рѣшительное и довольно жестокое. При немъ находился въ помощникахъ сынъ его Дороша — молодецъ лѣтъ двадцати двухъ или трехъ, чрезвычайно похожій на своего отца.

Дядя мой отрекомендовалъ меня Петру Семенову и просилъ его учить меня, а мнѣ сказалъ, чтобы я жилъ съ нимъ въ ладахъ и чтобы мы довели благополучно порученный намъ «продуктъ природы».

Дядя былъ въ прекрасномъ настроеніи и говорилъ пріятныя слова, на которыя Пизарро отвѣчалъ въ ласковомъ тонѣ, но съ неувимымъ букетомъ ироніи и вѣроломства. Дядя разсуждалъ, что русскій мужикъ—самый выносливый продуктъ природы, что онъ не избалованъ и путина его не можетъ замучить.

— Пусть только было бы чѣмъ ему напихать брюхо,

чтобы въ пустомъ брюхѣ не щелкало, а то онъ тысячи верстъ отмахаетъ, какъ котильонъ протанцуетъ.

И Петру Семенову это слово понравилось: онъ улыбнулся одними углами рта и подтвердилъ:

— Такъ-съ точно: котильономъ и докатимся.

— Катитесь,—отвѣчалъ дядя:—катитесь!

И въ излишнемъ, можетъ-быть, умиленіи онъ не замѣтилъ злобы Пизарро и, виѣ своего обычая, поблагословилъ насъ рукою.

— Оберегайте продуктъ, и катитесь котильономъ!

Перевозимые крестьяне въ это время уже были «посажены на струга» п самой тяжелой процессіи,—посадки, я не видѣлъ. Разсказывали мнѣ, будто происходили раздирающія сцены,—особенно когда выведенные крестьяне прощались со сватами и сосѣдами: многіе будто бы «хотѣли бунтовать», но Петръ Семеновъ предупредилъ бунтъ: онъ послалъ Дорошу въ полицію и оттуда подоспѣли «три полицейскіе казака съ пикою» и все кончилось: «продуктъ природы» былъ погруженъ п барку тотчасъ же отчалили отъ берега и остановили по серединѣ рѣки.

Тѣмъ прощанье «продукта» и кончилось.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Петръ Семеновъ возилъ меня показывать, какъ «народы помѣщались» на баркахъ. На двухъ были «шлемоватые» народы орловскіе, а на третьей «дурасливые» куряне. Надъ каждымъ изъ этихъ народовъ были приставленные изъ своего народа «старосты». Надъ орловскими старостою былъ телѣжникъ Оефѣлъ, о которомъ Петръ сообщилъ мнѣ, что онъ былъ человекъ дорогой, но не задолго передъ этимъ убилъ оглоблей человекъ, который пришелъ звать его ужинать. Это скрыли, а про всякій случай Оефѣла поскорѣе дешево продали.

— Надъ орловскими шлемцами такой именно и нуженъ,—говорилъ Пизарро.

Курскими людьми завѣдывалъ орловскій мужикъ Михайло, человекъ добрый и степенный.

— Курскій народъ—что цыплята!

Помню, какъ я первый разъ увидалъ эти «народы» п ихъ вождей.

Изъ дома мы отправились къ Огѣ въ телѣжкѣ, кото-

рою правилъ Дороша. Мы съ Петромъ Семеновымъ сидѣли на лавочкѣ. Барки стояли за пять верстъ за городомъ. Когда мы пріѣхали, Петръ Семеновъ сталъ свистѣть и отъ берега отвалила лодочка, въ которой помѣщался Михайло, начальникъ курскихъ народовъ; онъ насъ привезъ на барки, и мы прошли между народомъ, причемъ я не замѣтилъ ничего особенно горькаго или угнетающаго. Сидѣли люди босые, полураздѣтые,—словомъ, такіе жалкіе и обездоленные, какъ ихъ обыкновенно видишь въ русской деревнѣ. Я тогда думалъ еще, что крестьяне и вездѣ должны быть только въ такомъ видѣ, какъ мы ихъ привыкли видѣть въ Россіи. Смиреніе ихъ тоже было обычное въ ихъ положеніи. Петръ Семеновъ обращался съ ними грубо, какъ съ «продуктомъ», не стѣящимъ хорошаго обхожденія, а они относились къ нему съ подобострастіемъ: величали его батюшкой Петромъ Семеновичемъ и излагали ему разныя просьбы, на которыя онъ отвѣчалъ рѣзко, скоро, но, по правдѣ сказать, всегда очень дѣловито. Воспользоваться моимъ высокимъ правомъ помилованія я не имѣлъ никакого повода и не торопился съ этимъ; я былъ увѣренъ, что такой случай еще придетъ во время путины,—и вотъ тогда я пушу въ ходъ мои милостивыя полномочія, и народы благословятъ мое милосердіе!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Когда мы перешли съ одной барки на другую, то Петръ Семеновъ показалъ мнѣ въ кормѣ свою каютку. Это была тесовая каморка, въ которой помѣщались двѣ кровати: его и Дорошина, маленькій шкапикъ съ чайнымъ приборомъ, желтый сундучокъ, деревянные счеты, расходная книга и въ углу образокъ съ лампадой. Комната эта запиралась на замокъ, ключъ отъ котораго держалъ у себя староста Оефѣль. Такую же точно комнату Петръ Семеновичъ предполагалъ сдѣлать и мнѣ на одной изъ барокъ.

О томъ, какъ мы выплыли и какъ шли, я рассказывать не буду, потому что это потребовало бы много времени, да и не все теперь вспомнишь. Вообще же говоря, дни тянулись одинъ за другимъ одинаково скучно, сѣро, безъ всякой дѣятельности. Самымъ любимымъ занятіемъ

у всѣхъ было «искаться» *). Это было что-то въ родѣ спорта. Мужики, бабы, дѣти—всѣ постоянно искались, и занятіе это было не только препровожденіемъ времени, но оно было вызвано и настоятельною необходимостью, потому что вошь ѣла «народы» безошадно.

Я не знаю, что такое называютъ вшивой болѣзнию, но думаю, что она не должна быть страшнѣе того, что я видѣлъ на переселенческихъ баркахъ. Никакія усилія очиститься отъ насѣкомыхъ не помогали. Несмотря на то, что крестьяне очень не взыскательны насчетъ неприятности, тутъ они взвыли:

— Съѣла вошь!.. Жалуйте — милуйте!.. въ глаза лѣзеть: зракъ хочетъ вышить!

По баркамъ было неприятно и страшно ходить. Особенно ночью или въ жаркую пору дня, когда истома размаривала людей и они хотѣли спать, но не могли крѣпко заснуть отъ зуда, который производили насѣкомыя. Въ нѣмомъ изступленіи всѣ скреблись ногтями и ерзали на одномъ мѣстѣ или катались на пядь въ одну сторону и на пядь въ другую, и потомъ вдругъ вскакивали, сидѣли, поводя вокругъ осовѣвшими глазами, — иногда плакали и всегда непремѣнно всѣ «чухались». И это какъ только начнется въ одномъ мѣстѣ, такъ и «пойдетъ котильономъ» повсемѣстно.

Своей скверной и ужасающей нечистоты люди не стыдились нимало, да и до того ли имъ было, чтобы стыдиться, когда они отъ этого такъ ужасно страдали! Петра Семенова они боялись, но мнѣ прямо совали покрытыхъ вшами дѣтей съ отвратительными расчесами и кричали:

— Смотри-ка крестьянъ-то грапскихъ, смотри! Отпиши ему: вотъ, молъ, воши-то младенца-то Божьяго совѣмъ источили.

Средствъ отъ этого не было никакихъ, и ни Петръ, ни его сынъ, ни колесникъ съ Михайлой ничего для облегченія людей не дѣлали.

Бани нѣтъ, прудить (т. е. калить бѣлье) передъ костромъ—нельзя, потому что на баркахъ невозможно раз-

*) Пишутъ, что это же самое составляло главное занятіе русскихъ поселенцевъ, которыхъ перевезли въ 1892 году на океанскомъ пароходѣ изъ Одессы во Владивостокъ. Впрочемъ, этихъ, кромѣ «вшей», занимали еще *карты*, которыхъ у насъ не было.

вести такое обширное пламя, передъ которымъ весь народы обнаготились бы, и остается терпѣть. Но этого изо дня въ день *нельзя терпѣть!*

Орловскіе и курскіе мужики моются рѣдко и плохо, потому что бань для этого они и дома не имѣютъ, но дома они хоть парились изрѣдка въ тѣхъ самыхъ печахъ, гдѣ пекли свой хлѣбъ, а на баркахъ и этого сдѣлать невозможно.

— Пропадаемъ! — кричали они съ отчаянными рыданіями:—вошь заточила до смерти!

А мы все-таки ничего не могли для нихъ сдѣлать.

Правда, имъ было дозволено съ барокъ купаться, но «народы» этого не хотѣли.

Крестьяне смотрятъ на купанье такъ, что это хорошо только для «прохлаженья», но мыться въ негрѣтой водѣ нельзя, и это мытье, хотя бы и съ мыломъ, ни къ чему, будто бы, не ведетъ.

— Да и мыться при баркахъ негдѣ: мужики будутъ глядѣть на бабъ... Только стыдъ одинъ; а кромѣ того вошь отъ холодной воды еще пуще множится.

Словомъ, они купаться въ рѣкѣ не хотѣли. Тогда Петръ съ сыномъ рѣшили ихъ «поневолить», но они не захотѣли раздѣваться, и мужики говорили, что ихъ, будто, «лихоманка бьетъ», а бабы сказывали, что онѣ «на себѣ имѣютъ», и тому подобное.

Петръ Семеновъ тотчасъ же обратилъ на это мое вниманіе и сказалъ:

— Вы должны это остановить: развѣ не слышите, что они все въ одно слово кричатъ?.. Въ одно слово кричать нельзя!

Послѣ этого Петръ Семеновъ сталъ употреблять мѣры понужденія въ видѣ толчковъ и затрещинъ, а я положилъ пустить свое заступничество и сдѣлалъ это, всячески охраняя самолюбивый престижъ распорядителя.

Онъ выслушалъ и, поблѣднѣвъ, отвѣтилъ спокойно:

— Ахъ, значить, вы желаете, чтобы этотъ «продуктъ» не побуждать больше?

— Не такъ побуждать.

— А какъ же?

А я не зналъ какъ...

По людей я, однако, защитилъ, и они это поняли и оцѣнили.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Такъ мы выпли изъ Оки въ Волгу, и въ Нижнемъ у насъ вшивые народы опять заволиовались: они вдругъ приступили къ Петру Семенову съ «неслыханной» просьбой, чтобы онъ сводилъ ихъ въ баню! Онъ, разумѣется, ихъ не повелъ, а тогда оба народа, курскіе и орловскіе, стали кричать, шумѣть, и я опять былъ призванъ для ихъ устранения и опять не умѣлъ исполнить этого какъ должно. А когда я сказалъ, что мнѣ людей жалко, то Петръ Семеновъ отвѣтилъ:

— Кому, сударь, людей жалко, тому не нужно братьяся народъ на сводъ водить.

И онъ отъ меня отвернулся.

Я чувствовалъ, что онъ сказалъ мнѣ правду, и мнѣ въ самомъ дѣлѣ стало совѣстно.

Чтобы облегчить нѣсколько свою душу, я купилъ пудъ мыла, разрѣзалъ его съ Михайлою на кусочки и роздалъ бабамъ - ребяtnицамъ. Бабы за это мнѣ были очень благодарны и вскорѣ объявили, что «вошь все одно», потому что «надо щелоку», а печей нѣтъ и щелоку нѣтъ!

Въ слѣдующемъ городѣ я купилъ уже два пуда мыла и опять роздалъ его бабамъ съ дѣтьми, но Петръ Семеновъ и за это на меня злился: онъ находилъ, что ежели мыло давать, то надо давать и другое многое, безъ чего обходиться нельзя, а тогда нельзя и конецъ положить надобностямъ.

Я начиналъ чувствовать, что я какъ будто порчу дѣло, и что Петръ Семеновъ, того и гляди, какимъ-то извѣстнымъ ему образомъ, отъ меня освободится и уйдетъ одинъ вождемъ всего «котильона».

Предчувствія эти и оправдались.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Черезъ два или три дня послѣ того, какъ Пизарро сказалъ мнѣ свои дерзости, у насъ на орловской баркѣ обнаружилось оригинальное и дерзкое покушеніе противъ власти: въ стѣнкѣ каюты Петра Семенова была просверлена дырочка и въ нее «вправлена соломинка». Приспособленіе это

сдѣлалъ какой-то «орловскій шельма» для того, чтобы перепускать черезъ соломинку вшей.

Петръ и Дороей этимъ страшно оскорбились и захотѣли во что бы то ни стало «отыскать виновныхъ», а какъ никто въ этой винѣ не признавался, то стали грозить «перестегать съ пятаго на десятато», но я этому воспротивился, и тогда къ слѣдующему же утру въ стѣнахъ горенки было открыто уже три пропускныхъ дырки.

Петръ еще сильнѣе требовалъ «перелупцовать» всѣхъ, а я не давалъ, и при такихъ взаимныхъ неудовольствіяхъ мы спустились къ посаду, гдѣ стали на якорь и гдѣ произошло съ нами невѣроятное и удивительное событіе.

Это было вечеромъ подъ какой-то праздникъ, но подъ какой именно, я теперь не припомню. Былъ это праздникъ большой, и Петръ Семеновъ, которому надо было сдѣлать продовольственные запасы, боялся, что завтра онъ ихъ не найдетъ на базарѣ, а потому онъ сейчасъ же отправился на берегъ вмѣстѣ съ сыномъ и съ тремя мужиками, я остался на баркахъ и тутъ-то «народы», не видя между мною и собою никакого средостѣнія, окружили меня и начали мнѣ открывать свои обиды на Петра, который не давалъ будто имъ и хлѣба и соли, напрасно стѣснялъ ихъ свободу и напрасно же обвинялъ ихъ въ томъ, что они будто просверлили дырки и пускали нечисть.

— Все, молъ, это напраслины, а дырки просверлилъ не кто иной, какъ Петровъ сынъ, Дорошка, по злобѣ на мужика, къ женѣ котораго Дорошка «ластился».

И тотчасъ же вслѣдъ за этимъ я услыхалъ изъ среды «народовъ» вопль единодушный и ужасный: эти люди, братья мои, рыдая, вопили, чтобы я сжалился надъ ихъ страданіемъ и пустилъ ихъ на берегъ въ баню, смыть изъязвляющую ихъ нечисть... Они томились, рвались и галлюцинировали «банькой».

Долженъ или не долженъ былъ я внять этой истомѣ и этому моленію моихъ обовшивѣвшихъ братьевъ?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Не могу сказать, дѣйствительно ли на берегу топилась бани или народамъ такъ хотѣлось мыться, что они галлюцинировали, но они увѣряли меня, что тамъ топятся бани на берегу и что въ бани пускаютъ нынче по грошу и что

если ихъ пустить, они всё вымоются и черезъ часъ назадъ будутъ. Тогда пустить другихъ. Я смотрѣлъ на телѣжника и на Михайлу. Телѣжникъ по своему обыкновенію только улыбался, а Михайло молчалъ, а вопль былъ несносенъ и, въ самомъ дѣлѣ, могъ достигать до Господа. Въ довершеніе картины и для бѣльшаго мученія моихъ чувствъ выскочилъ какой-то мужичонка и началъ тыкать мнѣ въ глаза маленькаго умирающаго мальчика, у котораго во всѣхъ складкахъ тѣла, какъ живой бисеръ, переливали насѣкомыя.

— Вотъ! — кричалъ мужикъ: — вотъ, смотри это! — а потомъ онъ швырнулъ ребенка на полъ, какъ полѣно, и обнажилъ свои покрытыя лохмотьями ребра, и тутъ я увидалъ, что у него подъ мышками и между его занавшими ребрами нѣчто такое, чего не могу изобразить и чего тогда я не могъ стерпѣть, и сказать:

— Хорошо!.. На мнѣ будетъ отвѣтъ за васъ, но я вамъ дамъ денегъ на баню: устройтесь какъ надо и ступайте на берегъ, вымойтесь.

Посадили мы сорокъ человѣкъ на лодки и пустили ихъ на берегъ въ бани подъ надежной командой добраго Михайлы, который долженъ былъ этихъ людей высадить и при-слать намъ лодки обратно съ гребцами.

На берегу все еще звонили къ вечернѣ или ко всеобщей, и какъ всѣмъ намъ казалось — оттуда вѣтеркомъ доносило запахъ пара и баннаго вѣника.

Я стоялъ на баркѣ и смотрѣлъ, какъ наши лодки доплыли до берега, и видѣлъ, какъ люди стали изъ нихъ выходить, — шибко-шибко, одинъ за другимъ, какъ воробьи, выпрыгнули съ живостью, которой трудно было ожидать отъ ихъ неуклюжества, и затѣмъ... лодки стоятъ у берега и назадъ не возвращаются... И намъ туда послать не на чемъ и нѣтъ намъ оттуда ни гласа, ни послушанія...

Это стало удивительно!

Ждемъ полчаса, часъ, наконецъ, становится темно, — никого нѣтъ, а вдругъ въ темнотѣ плескъ веселья и... является какъ сатана злой и надменный Петръ Семеновъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Я чувствовалъ, что случилось что-то дурное, и не ошибся: случилось вотъ что: отпущенные мною въ баню многостра-

дальные люди, завѣривъ меня, что я за нихъ «не отвѣчу», совсѣмъ не пошли въ баню, а какъ выпрыгнули на берегъ, такъ и *пошли въ орловскую губернію*.

— Они намъ—вшивая братія—хорошо поусердствовали, и вы ихъ хорошо пожалѣли!—заклучилъ Петръ Семенычъ, и сейчасъ же, перейдя съ шутливаго тона въ самый серьезный, добавилъ: — Ну-съ, ждать нельзя! извольте брать съ собою довѣренность и поѣдьте на берегъ: я уже упредилъ начальника и онъ готовъ: сейчасъ надо ихъ догнать! Эта баня экономіи дорого обойдется!

Дѣло приняло такой оборотъ, что всѣ были виноваты, а правъ одинъ Петръ Семеновъ, и потому весь преферансъ былъ на его сторонѣ и надо было ему повиноваться, и повиноваться скоро и безъ разсужденій. Пизарро меня побѣдилъ и уже начиналъ торжествовать свою побѣду. Когда мы проходили къ лодкѣ, онъ шелъ впереди меня съ фонаремъ и, остановясь возлѣ одной молодой женщины, кормившей грудью ребенка, съ безстыжею наглостью освѣтилъ ея раскрытую грудь своимъ фонаремъ. По груди что-то сѣрѣло, точно тюль, и эта тюль двигалась, смѣшиваясь у соска съ каплями сняга молока, отъ котораго отпаль ребенокъ.

Уста Пизарро искривила презрительная улыбка, и онъ отхватилъ фонарь и проговорилъ:

— Какъ не повѣрить, что мой сынъ на этакую прелесть польстится!

Мы плыли въ гордомъ молчаніи, но какъ только вышли на берегъ, Петръ сейчасъ же настойчиво спросилъ у меня мою довѣренность и требовалъ, чтобы я самъ въ дѣло не мѣшался, а подождалъ его въ трактирѣ. Теперь онъ прямо говорилъ мнѣ, что я могу испортить все дѣло.

Я ему повѣрилъ, и онъ поѣхалъ къ чиновнику, урядъ котораго былъ мнѣ не ясенъ: Петръ называлъ его то исправникомъ, то просто начальникомъ, и вскорѣ же съ нимъ и съ его тремя казаками они погнались за бѣглецами, которыхъ безъ труда догнали на пятой верстѣ, оборотили ихъ и погнали назадъ подъ прикрытіемъ тѣхъ же трехъ полицейскихъ казаковъ, изъ которыхъ опять, какъ въ Орлѣ, только у одного была пика.

Несмотря на ночной сумракъ, я видѣлъ какъ ихъ «гнали». Передъ этимъ шелъ дождь, а почва была глинистая, и было

смѣшно и жалко смотрѣть, какъ они шлепали и какъ ноги ихъ волоклись и расплзались по мокрой глинкѣ, при чемъ гдѣ скользила и падала одна передняя пара—то же самое про-дѣлывали и всѣ другіе, точно въ самомъ дѣлѣ вели котильонъ съ повтореніемъ фигуръ.

Петръ Семеновъ возвращался съ исправникомъ на дрожкахъ и держалъ себя съ нимъ съ большимъ достоинствомъ. Меня онъ отрекомендовалъ ему короткой фразой:

— Вотъ это на ихъ имя довѣренность,—и больше не сказалъ ни слова.

А завернутый въ шинель исправникъ послѣ этого нагнулся и прошепталъ мнѣ на ухо:

— Прошу васъ постѣшнить ко мнѣ въ домъ... мы должны съ вами переговорить. Пожалуйста, сію минуту!

Онъ опять запахнулся, и я замѣтилъ, что у него была какая-то звѣзда подъ капюшономъ шинели. Онъ поѣхалъ, и я прошелъ къ нему и ждалъ его довольно долго и въ самомъ противномъ душевномъ настроеніи.

«Господи! — думалъ я: — какъ я дурно сдѣлалъ! но могъ ли я ожидать, что эти взрослые люди будутъ такъ безразсудны, что они покинутъ женъ и дѣтей и станутъ убѣгать куда-то, при ясной очевидности, что имъ убѣжать невозможно! Ручного барсука смѣло пускаютъ въ лѣсъ на охоту, оставляя взаперти его самку съ дѣтьми, и барсукъ не убѣгаетъ, а возвращается въ неволю къ своей самкѣ!.. А это вѣдь все-таки люди!»

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

У меня было время подумать и о томъ, какъ имъ будетъ стыдно, когда ихъ опять посадятъ на барки... Да, и мнѣ завтра будетъ стыдно на нихъ глядѣть... А исправника все еще нѣтъ, какъ нѣтъ... и мнѣ очень скучно въ его кабинетѣ, а уйти неловко, да притомъ оказалось, что мнѣ и нельзя уйти, потому что солдатъ, проводившій меня сюда, ушелъ и дверь за собою заперъ, такъ что я остался подъ арестомъ.

Въ такомъ непріятномъ положеніи я старался развлечь себя чѣмъ могъ. Къ моему счастью, здѣсь были книги и притомъ такія, которыми въ тогдашнее время интересовались,—напримѣръ, лекціи московскихъ профессоровъ: Кудрявцева, Грановскаго, Геймана и Рулье «О городской ла-

«Стоикъ», «Письма» Герцена, «Объ изученіи природы» съ достопамятнымъ вступленіемъ, «Во славу Цереры, Помоны и ихъ сродниковъ» и русская Библія съ казенною сургучною печатью на переплетѣ.

Эта, очевидно, попала сюда по какому-нибудь особому случаю и жила въ исправнической бібліотекѣ не «въ родѣ арестанта».

Такъ какъ эта книга была тогда большою рѣдкостью, то я началъ ее просматривать и не замѣтилъ, какъ явился домой хозяинъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Исправникъ или, какъ оказалось, *неисправникъ* этотъ былъ молодой человѣкъ и, повидимому, принадлежалъ къ числу «образованныхъ дворянъ».

Когда я его видѣлъ на дрожжахъ, завернутымъ въ шинель съ страннымъ орденомъ, сверкавшимъ изъ-подъ капюшона, онъ мнѣ казался человѣкомъ солиднымъ, какъ и надлежитъ быть исправнику, а теперь, когда онъ снялъ шинель, передо мною явилась просто «фитюлька», и вдобавокъ фитюлька эта вела себя чрезвычайно неосновательно. Вечерныхъ, этотъ молодецъ вбѣжалъ къ себѣ запыхавшись и напѣвая: «Услышь меня—полюби меня!»; а во-вторыхъ, онъ удивился моему здѣсь присутствію, а потомъ началъ извиняться и хохотать.

— Что прикажете дѣлать? — заговорилъ онъ: — дѣлаешь то, что можешь, и позабудешься, но зато, слава Богу, все кончено: я всѣхъ выпоролъ!

— Кого выпороли?

— Этихъ вашихъ сорокъ бунтарей... Надо бы, конечно, отобрать зачинщиковъ, да вашъ старикъ такъ просилъ, чтобы не отбирать, а лучше «всѣхъ», да и что въ самомъ дѣлѣ ихъ разбирать!

— Но позвольте... вѣдь это какое-то недоразумѣніе!.. всѣ сорокъ человѣкъ... Куда они побѣжали и такъ безропотно опять вернулись сюда...

Молодой человѣкъ расхохотался.

— О, да! и не говорите! Болваны! Я вамъ откровенно скажу, наши люди—это болваны!.. Представьте вы въ моемъ положеніи англичанина! — вѣдь онъ бы, я увѣренъ, растерялся, но мнѣ настоящее знаніе этого народа даетъ на него

настоящія средства. И это почему-съ? потому что я здѣсь родился и выросъ! Когда вашъ мужикъ пришелъ и говорить: «помогите — сорокъ человѣкъ убѣжало», я подумалъ: что дѣлать? Мой начальникъ въ отъѣздѣ, а я самъ вѣдь ничего не значу и не имѣю никакихъ правъ: вѣдь я простой приказный, я секретарь, не болѣе того, но я знаю этотъ народъ; и потому и взялъ трехъ калѣкъ, надѣлъ шинель съ пристегнутой къ ней большой пряжкой, догналъ бѣглецовъ, скомандовалъ имъ: «сволочь, назадъ!» и всѣхъ ихъ привелъ назадъ и перепоролъ. Моя пряжка дѣйствуетъ удивительно: я гоню ихъ назадъ, какъ Фараонъ, привожу и всѣхъ ихъ съку; и не забудьте: съку ихъ при ихъ же собственномъ великодушномъ и благосклонномъ содѣйствіи: они другъ друга держатъ за ноги и за руки, и сидятъ другъ у друга на головахъ, и потомъ я ихъ отправляю на барку, и все кончено. Они отплываютъ, а я стою на берегу и думаю: «Ахъ, вы, соръ славянскій! Ахъ, вы, дрянъ родная!» Пусть бы кто-нибудь самъ-третей продѣлалъ такую штуку надъ сорока французами!.. Чорта-съ два! А тутъ все прекрасно... И это еще, не забудьте, съ моей простой пряжкой; но если бы у меня былъ настоящій орденъ!.. О, если бы у меня былъ орденъ! Съ настоящимъ орденомъ я бы одинъ цѣлую Россію выпоролъ! А ваши вещи всѣ на пристани... Тамъ ваше все... Васъ нельзя было оставить съ переселенцами... Вашъ Петръ говоритъ, что онъ иначе не отвѣчаетъ за спокойствіе, и я это понимаю: это справедливо; онъ и довѣренность вашу увезъ съ собой, и прекрасно сдѣлалъ, а то надо было бы о васъ доносить.

— Что же такое надо бы обо мнѣ доносить

— Да вотъ, что вы дѣлали всеобщее возмущеніе.

И тутъ онъ объяснилъ мнѣ, что спущенная мною на суму группа взбунтовавшихся крестьянъ могла вызвать движеніе, за которое, можетъ-быть, пришлось бы множество людей сослать, а теперь, благодаря его находчивости, все окончилось только тѣмъ, что онъ сорокъ человѣкъ перепоролъ и меня отставилъ...

Мнѣ оставалось его поблагодарить.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Съ тѣхъ поръ, какъ происходило описанное приключеніе, уплыло много лѣтъ и многое измѣнилось. Кое-что даже и

серьезно улучшилось, по слухи, доходящіе до столицъ о движеніи переселенцевъ, приносятъ, однако, все старыя, давно знакомыя вѣсти, изъ которыхъ приходится заключать, что тутъ два стимула остаются неизмѣнными: 1) «народы» поднимаются, не зная куда, и возвращаются, не зная зачѣмъ, и 2) «народы», во все время своего слѣдованія, все еще «чуждаются» и «ищутся», потому что ихъ «пожираетъ вошь». Послѣднее отвратительно до такой степени, что объ этомъ никто не рѣшается серьезно говорить, а только упоминаютъ вскользь. И вотъ именно поэтому-то, можетъ-быть, дѣло съ «исканіемъ» все и остается въ своемъ прежнемъ, ужасномъ положеніи: а это есть большое народное бѣдствіе, которое промалчивать въ печати стыдно и жестоко. Нечистота противна, пѣсни объ этомъ, за фортепіаномъ сидя, не спосишь и баллады на эту тему не напишешь, но надо отложить брезгливость въ сторону и настойчиво говорить о нечисти, чтобы ее уничтожить. Это настоящая *египетская казнь!* Партія переселенцевъ, плывшая въ 1892 г. во Владивостокъ, «обчесалась» въ виду Коломбо, но ей въ этомъ ничѣмъ не помогли и люди такъ поплыли чесаться далѣе!.. Пусть знаютъ нашихъ, каковы мы въ гости ѣдемъ! А въ собраніи Общества для вспомошествованія нуждающимся переселенцамъ въ Петербургѣ, 14-го марта 1893 года, читали и говорили, что средствъ для помощи переселенцамъ мало, что ихъ недостаетъ «на самыя вопіющія нужды», и что «крайнее скопленіе переселенцевъ развиваетъ болѣзнь», а вслѣдствіе того «они заражаютъ бараки, въ которыхъ ихъ помѣщаютъ». По этому поводу общество взываетъ къ «участію земствъ». А я считаю умѣстнымъ рассказать здѣсь въ «Переселенческомъ сборникѣ» то, что я видѣлъ на переселенческой баркѣ, чтобы напомнить неуровителямъ странныхъ, что *самое большее бѣдствіе для переселенцевъ это есть пощадающая ихъ нечисть.* Отчего ничье милосердіе не встрѣчаетъ ихъ по дорогѣ и не моетъ ихъ въ баняхъ? Вѣдь они все заразить, гдѣ ни приткнутся! Гейне былъ правъ, говоря, что «кто любитъ народъ, тотъ долженъ сводить его въ баню». И это первое, за что надо взяться повсемѣстно, какъ только «продуктъ природы» надвигается.

ДОМАШНЯЯ ЧЕЛЯДЬ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СПРАВКИ ПО СОВРЕМЕННОМУ ВОПРОСУ.

«Въ приказѣ холодня суда бьютъ челомъ дворяне и дѣти боярскія на своихъ холопей». *Акты историч.* II, 115.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ послѣднее время въ петербургскихъ газетахъ появилось много горячихъ заявленій о прислугѣ. Общій тонъ ихъ таковъ, что теперь прислуга у насъ совсѣмъ испортилась, а что прежде она, будто, была гораздо лучше. Всѣмъ, кажется, очень неудобно и даже не безопасно жить при нынѣшней распущенной прислугѣ, на которую нѣтъ надежной управы и которая день ото дня еще все болѣе и болѣе становится небрежнѣе, дерзче и безчестнѣе. Газеты замѣчаютъ, что служащіе люди не знаютъ своего мѣста и стремятся стать выше своего положенія. Мужчины и женщины проникаются такими новыми разорительными и дурными навыками, какихъ прежде не было. Кухарки, на примѣръ, пьютъ съ утра до ночи кофей и носятъ широчайшія драповыя тальмы; лакеи и повара расчесываютъ капуль а-ля дуракъ, а горничныя стригутъ чолки, посѣщаютъ театры и маскарады и выходятъ со двора не иначе, какъ въ шляпахъ фикъ-фокъ на одинъ бокъ. Чтобы позволять себѣ такое щегольство и роскошь, имъ, разумѣется, недостаточно заслуженнаго жалованья и потому служащіе люди стремятся имѣть посторонніе доходы, а когда ихъ нѣтъ,—они безъ большой борьбы обращаются къ воровству или «расхищенію довѣреннаго ихъ усмотрѣнію хозяйскаго имущества». Судиться же съ ними непріятно, да и мало пользы, такъ какъ взять съ нихъ по большей части нечего.

Очень понятно, что при такомъ положеніи долго жить

невозможно,—а что положеніе это, дѣйствительно, таково, какъ его представляютъ газеты — въ томъ, къ сожалѣнію, невозможно сомнѣваться. Прислуга очень многимъ дѣласть большія непріятности и всѣ дѣйствительно желаютъ, чтобы противъ безчинства «услуживающихъ людей» какъ можно скорѣе послѣдовали какія-нибудь сильныя правительственныя постановленія. И въ правительственной сферѣ жалобы на нестерпимое безчинство прислуги, говорятъ, будто, услышаны: газеты заявляютъ, что на это дѣло обратилъ вниманіе г. министръ юстиціи и къ удовлетворенію справедливыхъ желаній общества вскорѣ же воспослѣдуютъ цѣлесообразныя распоряженія, въ законодательномъ порядкѣ.

Вмѣшательство властей въ это дѣло вызывается настоятельною необходимостью, а какой отъ этого будетъ результатъ публикѣ, пока ничего не извѣстно. Пишущему эти строки довелось только видѣть нѣкоторыя предложенія и проекты, по поводу которыхъ, можетъ статься, не лишнимъ будетъ привести нѣкоторыя историческія справки.

Сочинители проектовъ, равно какъ и нѣкоторые газетные публицисты воздаютъ много похвалъ старинѣ. Всѣ они пишутъ, между прочимъ, будто русская прислуга только теперь испортилась, или что она теперь, по крайней мѣрѣ, «особенно испортилась», а что прежде когда-то она была, будто бы, прекрасна. А какъ въ публикѣ теперь тоже довольно развитъ вкусъ къ старинѣ, то и публика охотно вѣритъ этому указанію. Такимъ образомъ кажется, какъ будто средство поправить всѣ неудовольствія у насъ подъ руками: «стѣдить только поворотить къ старому порядку», и опять у насъ будутъ эти «милыя пушкинскія няни», о которыхъ не разъ вспоминали Маркевичъ и кн. Мещерскій, а за нянями появятся и другіе преданные слуги, раньше Пушкина описанные въ старинныхъ русскихъ романахъ.

Публицисты въ этомъ направленіи достигли своей цѣли: мало начитанная русская публика имъ повѣрила; но если эти публицисты искренни, то о нихъ надо пожалѣть, ибо имъ самимъ, очевидно, гѣдостаесть знанія дѣла, о которомъ они рассуждаютъ. По счастью, это имъ возможно доказать литературною же справкою, и это сдѣлать необходимо.

Если знать старину и желать говорить правду, то правы

русской прислуги всегда были очень дурины. Пожалуй, встарь они были еще гораздо хуже, чѣмъ нынче.

Указывать на «старинныхъ преданныхъ людей», каковыя попадались между «русскими няньками», «вѣрными ключницами» и «преданными камердинерами», нечего. Безспорно, что такіе хорошіе люди, дѣйствительно, бывали, но они встрѣчались не постоянно и не на каждомъ шагу, какъ обыкновенное и заурядное явленіе, а какъ явленія особенныя, исключительныя или, по крайней мѣрѣ, довольно рѣдкія. Все особенно хорошее на свѣтѣ встрѣчалось не часто, но зато, къ счастью, никогда совсѣмъ и не переводится. И нынче тоже есть очень хорошіе слуги и служанки, которые отличаются терпѣливостью, преданностью и даже благородствомъ и великодушіемъ. Есть люди, которые бѣдствуютъ съ своими хозяевами и иногда служатъ безъ платы и даже закладываютъ для хозяевъ свои собственныя вещи. Все это въ своемъ родѣ исключенія или, по крайней мѣрѣ, рѣдкость въ итогѣ случаевъ, характеризующихъ общее положеніе, на которомъ законодатель долженъ основывать свои соображенія и дѣлать выводъ.

Попытаемся принести выясненію этого дѣла посильную пользу тѣмъ, что попробуемъ указать ошибочность ссылокъ на старину.

Мы не станемъ обращаться къ статистикѣ, хотя и она для насъ кое-что подготовила. Такъ, напримѣръ, огромное число побѣговъ дворовыхъ людей и частыя ссылки слугъ на поселеніе по волѣ владѣльцевъ, сѣченіе мужчинъ и женщинъ при сѣзжихъ домахъ и въ станovýchъ квартирахъ, и—еще болѣе—убійство господъ ихъ слугами могли бы послужить доказательствами, что въ доброе старое время господа со своими слугами уживались не ладно. Но мы обратимся не къ статистическимъ сочиненіямъ, а къ литературному источнику въ другомъ родѣ. Обратимся къ такой книгѣ, гдѣ безъ всякой предвзятой цѣли, просто и ясно представлено: каковы были нравы прислуги сто шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Рѣчь идетъ о переводной книгѣ, въ которой обстоятельно изложено все тогдашнее жизневѣдѣніе и рядомъ съ тѣмъ преподаны необходимѣйшія правила и опытные совѣты. Универсальная книга эта называется: «Юности честное Зерцало». Она нынче составляетъ большую библиографическую рѣдкость, а потому, вѣроятно, извѣстна очень немно-

гимъ изъ господъ публицистовъ. Большинству же публики она, конечно, и совсѣмъ не извѣстна, а между тѣмъ «Зерцало» прекрасно представляетъ нравы и привычки старинной прислуги и вполне можетъ обличить невѣдніе тѣхъ, которые сами вѣрятъ и другихъ убѣждаютъ, будто когда-то прежде сего съ прислугой было прекрасно.

Книга «Юности честное Зерцало или показаніе къ житейскому обхожденію» напечатана въ Петербургѣ въ 1719 г., въ то время, когда общество русское хранило еще старинныя нравы, отъ которыхъ Петръ I-й желалъ отучить молодое поколѣніе въ благородномъ классѣ дворянства. «Зерцало» заботится о домашнемъ этикетѣ, а какъ невоспитанныя дѣти того времени были особенно досадительны и портили домъ и прислугу, то черезъ неумѣстное яхшательство съ нею, то чрезъ безмѣрную требовательность и грубую жестокость, которою и сами себя повреждали въ нравахъ своихъ, то «Зерцало» рядомъ трактуетъ и о нравахъ дѣтей, и о домашней прислугѣ. Съ первой страницы книга внушаетъ отрокамъ, «которые пріѣхали изъ чужестранныхъ краевъ и языковъ съ великимъ иждивеніемъ научились» или «которые въ иностранныхъ земляхъ не бывали, а изъ школы ко двору приняты»,—чтобы они тщились «носомъ не хрипѣть и глазами не моргать и ниже шею и плечи изъ повадки не трясти, руками не хватать и не колобродить; отъ неравныхъ поворотенствъ держаться и дурацкимъ шуткамъ не заобычиваться, и на свадьбы и танцы незвану не приходить, ибо хотя то жены и охотно видятъ, однакъжъ свободные люди не всегда тому рады бываютъ». У себя дома воспитанные отроки должны—«отца и мать въ великой чести содержать, и когда родители ихъ позовутъ, отвѣчать тотчасъ какъ голосъ послышать, и потомъ сказать: что изволите, государь батюшка или государыня матушка? а не дерзостно—што? какъ? чево?—и не съ смѣхомъ яко-бы ихъ презирая».—«Слушать ихъ словъ, что имъ приказано отъ родителей бываетъ, шляпу въ рукахъ держать, и предъ ними не вздѣвать и возлѣ нихъ не садиться, и при нихъ въ окно тѣломъ не выглядывать, но все потаеннымъ образомъ съ великимъ почтеніемъ дѣлать—не съ ними въ рядъ, а немножко уступя позади ихъ *стоятъ подобно яко пажъ нѣкоторый или слуга*».

Отсюда очевиденъ и ясенъ духъ книги—это духъ правоучительный и хотя уже смягченный сравнительно съ Домостроемъ, но все еще довольно строгій. Отроки должны держаться «какъ слуги», но чтобы и сами они съ слугами были не крикливы и не дерзки. Теперь посмотримъ, каковы же тогда были слуги.

Книга, заступающаяся за слугъ, чтобы ихъ не обижали, свидѣтельствуешь, что слуги тогда были лѣнивы, сварливы и безтолковы.

Отроки «должны отъ челядинцевъ *просительнымъ образомъ требовать*, развѣ что (кромѣ тѣхъ случаевъ, если) у кого (изъ дѣтей) особливые слуги (есть), которые одному ему подвержены бывають, для того, что *обычно челядинцы не двумъ господамъ и госпожамъ, но токмо одному господину охотно служатъ*». (Сколько дѣтей, столько бывало для нихъ и особыхъ челядинцевъ,—каждому по особому слугѣ). Отъ этого слугамъ было не трудно; но какъ ихъ зато было много, то «часто происходитъ ссоры и великіе бывають между ними мятежи въ домѣ такъ, что сами не опознають, чтѣ кому дѣлать надлежить».

Слѣдовательно, чтобы теперь подражать старинѣ, надо будетъ и въ нынѣшнее время дать каждому господскому отроку по особливому слугѣ, чтобы онъ, какъ говорилось, «за ними ходилъ» и ничего больше не дѣлалъ. Тогда только слуга хорошо уходить «за однимъ»; но возможно ли это теперь, когда по газетамъ ищутъ «одну прислугу со стиркою на малое семейство» изъ двухъ или трехъ душъ? А кромѣ того, какъ отъ приставленія ко всякому дѣлу особливаго слуги набиралось много слугъ, а отъ нихъ происходили ссоры и бывали великіе мятежи, то можетъ ли это быть желательно и будетъ ли это теперь удобно?

Черезъ сто шестьдесятъ лѣтъ всѣ положенія сильно измѣнились. Теперь за каждымъ отрокомъ по особливому слугѣ ходить не приставляютъ, и оттого каждому изъ служащихъ въ домѣ людей сдѣлалось больше работы, и стало труднѣе угождать за разъ нѣсколькимъ членамъ хозяйскаго семейства, между членами котораго есть разные характеры и не всегда удовлетворительная воспитанность. «Трудно служить двумъ господамъ». Полтора ста лѣтъ назадъ господа входили въ это положеніе и судили о немъ «по писанію». Тогда въ

это вѣрили и притомъ имѣли возможность поступать по вѣрѣ своей, а теперь люди утверждаютъ на иномъ и судятъ иначе. Теноръ хозяева берутъ приклады не отъ писанія, гдѣ сказано, что «неудобно слугѣ служить двумъ господамъ», а ссылаются на то, «какъ дѣлается за границей». Обыкновенно указываютъ, что тамъ «одинъ слуга двадцатерымъ служить». И безспорно, что за границею это, дѣйствительно, такъ; но тѣ, которые на это ссылаются, къ сожалѣнію, не вполне объемлютъ все домашнее положеніе за границею. Такъ, на примѣръ, они видятъ, что «за границей одинъ двадцатерымъ служить»; но не хотятъ замѣчать или не хотятъ помнить, что всѣ двадцать заграничныхъ господъ дѣлаютъ сами для себя многое, что у насъ поручаютъ прислугѣ. Тамъ очень многіе, между людьми средняго достатка, нанимающими одну *bonne pour tout faire*, сами управляютъ свои постели, убираютъ комнаты, сносятъ въ ящикъ свои письма, заправляютъ лампы и даже сами ходятъ за своею провизіею и многіе съ удовольствіемъ растапливаютъ зимою свои каминны. Тогда *bonne pour tout faire* остается довольно время, чтобы сдѣлать все остальное въ домашнемъ обиходѣ; но мы такъ не поступаемъ, а, напротивъ, мы безпрестанно командуемъ: «подай, прими и унеси» то, и другое, и третье, и такимъ образомъ мы затрудняемъ прислугу тѣмъ, что вполне легко было бы и самимъ сдѣлать. А оттого французская *bonne pour tout faire* и наша женщина, служащая въ соотвѣтственной должности «одной прислуги», находятся совсѣмъ не въ равномъ положеніи..

Не говоря о томъ, что наша женщина, конечно, неуклюже и тяжелѣе французженки,—она и не можетъ успѣть сдѣлать такъ же хорошо и своевременно все то, что дѣлаетъ *bonne pour tout faire*. Слѣдовательно, пока заграничное положеніе еще не подходитъ къ нашимъ лѣнливымъ привычкамъ, намъ нельзя и ожидать, чтобы у насъ была такая же сообразительная и много успѣвающая прислуга, какъ за границею. Чтобы достигъ болѣе удобнаго заграничнаго положенія, надо нѣсколько иначе жить, а начать это могутъ только сами господа, отъ которыхъ зависитъ меньше бариться.

Десятое правило «Честнаго Зеркала» учить: оберегаться слугъ, какъ людей дрянныхъ, грубыхъ, нечестныхъ и даже очень опасныхъ по ихъ склонности злословить и клеветать

на хозяевъ. «Съ своими или посторонними слугами гораздо не сообщайся», т.-е. не фамиллярничай. «Если они даже и хороши, то и тогда, все-таки, не во всемъ имъ вѣрь, для того, что они грубы и невѣжи, не разсудливы будучи, не знаютъ держать мѣры, но хотятъ, при случаѣ, выше своего господина вознестися, и на весь свѣтъ разглашаютъ, что имъ повѣрено было. Того ради смотри прилежно, когда что хочешь о другихъ говорить, опасайся, чтобы при томъ слугъ и служанокъ не было. А именъ не упоминай, а обиняками говори, чтобы дознаться было не можно, потому что такіе люди много приложатъ и прибавить искусны».

Въ этомъ отношеніи наши современные слуги совершенно таковы же, какъ и тѣ, которые были за полтора столѣтій передъ сими, когда общество наше поучалось изъ «Честнаго Зеркала». И теперь тотъ очень неблагоразумно поступаетъ, кто ихъ выпрашиваетъ о господахъ, у которыхъ они служатъ. Это портитъ слугъ и всегда можетъ ввести спрашивающаго въ большое заблужденіе, ибо слуги наши и теперь еще «невѣжи», «неразсудливы», «не знаютъ мѣры держать» и, притомъ, «много приложатъ и прибавить искусны». Слѣдовательно, полагаться на ихъ сообщенія о хозяевахъ недостойно, — особенно въ вещахъ, превосходящихъ самыя простыя понятія. Между тѣмъ, это, къ сожалѣнію, имѣло большое мѣсто въ нашей жизни, особенно во времена тайной канцеляріи, которыя воспроизведены въ безыскусственныхъ, но интересныхъ разсказахъ Гр. Вас. Есипова.

Неосновательно также думаютъ многіе, что вредъ идетъ, будто, отъ того, что «служанки стали ходить въ тальмахъ и шляпкахъ», а лакеи начали зачесываться «à la дуракъ». Не въ платьѣ дѣло, и не слѣдуетъ забывать, что нынче уже нѣтъ ни шугаевъ, ни шушуновъ, ни тѣлогрѣекъ, и шляпка теперь стоитъ дешевле, чѣмъ порядочный платокъ на голову. А если усматривать въ шляпкахъ и въ тальмахъ «незнаніе мѣры», то-есть желаніе походить на госпожу, то такое же «незнаніе мѣры» и въ старинѣ указано. И тогда было: «съ плечъ госпожи норовили шарфы подцѣплять и земчужинами зашпиляться», а мужчины «одѣвали господскіе штаны, съ прехитрымъ гульфикомъ».

Если читатель сравнитъ это съ тѣмъ, что нынѣ происходитъ съ тальмами и съ шляпками фикъ-фокъ на одинъ

бокъ, то онъ, навѣрное, безъ труда убѣдится, что и встарь, и нынче это было совершенно одно и то же. Непристойный гульфикъ или капуль, тальма или фикъ-фокъ—это все равно: хрѣнь рѣдьки не слаще. Но ужъ если выбирать между щегольствомъ и неряшествомъ, то фикъ-фокъ и капуль лучше Петрушкина «собственного» запаха или вѣчныхъ обновокъ, въ видѣ прорезанныхъ локтей.

При семъ еще хвалителямъ старины, сѣгующимъ на несчастную современность, приходится указать, что пѣвецъ Капуль, съ котораго заимствована не одними русскими его прическа,—самъ заимствовалъ эту прическу *изъ Россіи*. По крайней мѣрѣ, помнится, будто г. Капуль рассказывалъ покойному русскому артисту Монахову, что онъ не выдумалъ своей удивительной прически, а взялъ ее съ *старинныхъ русскихъ пословъ*, изображенія которыхъ видѣлъ на старинныхъ гравюрахъ. Русскіе щеголи московскаго періода, дѣйствительно, чесались «съ чельшкомъ», о чемъ упоминается съ укоризною въ Кормчей, и это же можно видѣть и на полныхъ изученія картинахъ К. Е. Маковского, и на живыхъ головахъ московскихъ банщиковъ и половыхъ. Г. Капуль только немножко изящнѣе уложилъ на своей головѣ это старинное русское «чельшко»; ему стали подражать петербургскіе щеголи, — сначала изъ молодыхъ дипломатовъ и правовѣдовъ, а потомъ это усвоили и приказчики, и лакеи; послѣднимъ только удалось усовершенствовать эту прическу и довести ее до крайности во вкусѣ «à la дуракъ». Таково, собственно, историческое происхожденіе «капуля». А что касается женской лошадиной «чолки», то это тоже не новость. «Чолки или постриженіе волосъ на лбу *для красы*» начесывали себѣ еще наши прабабушки и объ этихъ нескромностяхъ съ ихъ стороны тоже упоминается въ «Кормчей» (см. листъ 406 на оборотѣ).

Такъ, вся эта новина совсѣмъ и не выходитъ новою, а отдастъ тою самую стародавнюю стариною, въ которой инымъ мнится отыскать наилучшее отъ всѣхъ бѣдъ избавленіе.

Старинные слуги были тоже большіе и очень опасные предатели.

Двадцать седьмое правило «Честнаго Зеркала» учитъ «всегда между собою говорить иностранными языками, дабы

когда что тайное говорить случится, чтобы слуги и служанки дозваться не могли», ибо въ то время, какъ видно изъ рассказовъ Есипова, не пренебрегали, что «можно было отъ оныхъ болвановъ распознать».

Не слѣдуетъ забывать, что большому распространенію среди русскихъ обычая говорить по-французски въ своемъ собственномъ семействѣ въ значительной мѣрѣ содѣйствовало постоянное опасеніе «оныхъ болвановъ», черезъ которыхъ «многое было можно распознать».

Сороковое правило учить не подавать прислугѣ повода быть пехорошею,—для чего, между прочимъ, надо «не скупиться» и «самимъ не лгать при случаяхъ». «Зерцало» повѣствуетъ:

«Хотя въ нынѣшнее время (1719 годъ) безмѣрная скупость у многихъ за обычай принята и оныя хотятъ ее за домодержавство почитать, токмо чтобы денегъ скопить, но такихъ люди не мало не почитаютъ». Представляемый въ «Зерцалѣ» слуга того времени любилъ въ господинѣ «барственную щедрость», а не мелкое «шляхецкое гоношенье». Прислуга «уважала пышность» и, имѣя роскошнаго господина, «сему служила охотиѣ». Далѣе, — тогдашній слуга «за честь ставилъ быть при именитомъ лицѣ и пріобрѣтать отъ него и отъ вхожихъ людей знатныя подачки».

Объ этомъ въ томъ же родѣ свидѣтельствуется на литовской Руси Владиславъ Сырокомля (Кондратовичъ). «Кто жилъ по-шляхецки, и скромно, собирая зярко до зярка (зернышко къ зернышку), талярокъ до талярка (талеръ къ талеру) — такихъ домовитыхъ, но скромныхъ шляхтичей прислуга не любила и не уважала».

И на проѣздныхъ трактахъ и въ заѣздахъ прислуживающіе люди были такіе же сребролюбцы и жадники, и имъ надо было давать деньги не «по-шляхетски и скромно», а удивлять ихъ подачками. «Зерцало» говоритъ въ 21 правилѣ: «Проѣзжіи отрокъ имѣетъ *податливъ быть*, а особливо къ тѣмъ, которые ему услужили». Если же онъ былъ «неподатливъ» къ услужающимъ, то могъ ожидать обидныхъ «издѣвокъ».

Тѣ, которые ему сначала льстили, — потомъ за неподатливость надъ нимъ же «издѣвались». Тогда доходило до расправы, и хотя «отрокъ долженъ быть не дерзокъ и не драчливъ» (22), но «когда кто чести его коснется или по-

рекать учнетъ, то въ такомъ случаѣ уступки не бываетъ, но по нуждѣ премѣненіе закону дается» (23).

Любопытно бы знать: какой вѣсь получало это примѣненіе закона для отрока, когда онъ по нуждѣ чинился передъ издѣвочниками драчливъ, но не превозмогалъ ихъ силою?.. Должно быть, ему иногда приходилось плохо...

Вообще, не видно, чтобы старые холопы нравы отличались почтеніемъ къ скромности и бережливости людей высшаго сословія, а въ своемъ господинѣ, которому служили, холопы любили то, чѣмъ могли бы кичиться, — почему, вѣроятно, еще и теперешніе слуги почти всегда съ гордостью объявляютъ, что они «служили у генераловъ».

«Зерцало» внушаетъ тоже и другія очень хорошія и достойныя пріятія правила, — напр., оно совѣтуетъ «никакой лжи не говорить при прислугѣ», ибо чрезъ это слуги теряютъ къ хозяевамъ уваженіе. «И (какъ замѣтятъ, что господинъ лжетъ), то, конечно, крестьянина лучше почтутъ, нежели дворянина, — отчего и нынѣ (1719 г.) случается, что охотнѣе мужику, нежели дворянину вѣрятъ».

Обученіе же служащихъ лжи и притворству, по замѣчанію извѣстнаго современнаго проповѣдника Берсье, начинается съ простаго и мнимо невиннаго обычая приказывать своимъ слугамъ «говорить проходящимъ, что господь дома нѣтъ, тогда какъ они сидятъ у себя въ покоѣ». Знаменитый проповѣдникъ думаетъ, что «лучше было бы говорить, что господинъ дѣлами занятъ и принять не можетъ, чѣмъ заставлять слугу лгать, а потомъ роптать на его лживость» (49).

«Слугамъ своимъ и челядинцамъ не должно давать злого прикладу, и предъ ними никакого соблазну не чинить (не напиваться и смѣховъ не распускать) и ниже допускать, чтобы они всякими глупостями хозяину подлещались, какъ обычно таковыя люди дѣлаютъ, но держать ихъ въ страхѣ и больше двухъ кратъ вины ни которому не снущать, ибо *лукавая лисица права своего не перемѣнитъ*» (50). Вообще, «рабы по своему нраву *невыжливы, упрямы, безстыдливы и горды* бываютъ, и того ради надо ихъ смирать, покорять и унижать» (51). «Не надлежитъ отъ слуги терпѣть, чтобы онъ переговаривалъ или, какъ песь, не огрызался, ибо *слуги всегда хотятъ больше права имѣть, нежели господинъ*» (52). Это выходитъ то же са-

мос, на что и теперь болѣе всего жалуются хозяева и въ чемъ жалобы ихъ поддерживаютъ газеты. Въ одномъ сатирическомъ журналѣ недавно была картинка, гдѣ служанка обижается, что ея госпожа «совсѣмъ ея нраву не потрафляетъ». «Когда кто межъ своими слугами присматриваетъ одного митежника и заговорщика (противъ господъ въ то доброе время дѣйствовали и заговорами), то вскорѣ такого надо отослать, ибо отъ одной овцы паршивой все стадо пострадать можетъ». «Зерцало» кончаетъ о слугахъ съ годованіемъ: «Нѣтъ того мерзостнѣе, какъ *убогій — гордый, нахальный и противный слуга*».

Приходилось, должно быть, господамъ за 150 лѣтъ не слаще нынѣшняго.

Эти выписки изъ книги, написанной съ «живыхъ прикладовъ» и опыта въ наученіе людямъ, начинающимъ свою жизнь, кажется, должны быть достаточно убѣдительны для того, чтобы измѣнить ложное понятіе о мнимо прекрасныхъ свойствахъ старинной прислуги. Сдѣланные выписки могутъ возстановить истинную характеристику общаго челядинскаго типа, каковъ онъ былъ за сто-шестьдесятъ лѣтъ передъ симъ, когда прислугѣ «вы» не говорили. Узнать это теперь не будетъ излишнимъ при нынѣшнихъ желаніяхъ сравнивать новую прислугу со старинною и воскресить старинныя холопскія добродѣтели. Пусть ничего не знающіе суевѣры и пустохвалы старины, о которой они не имѣютъ нисколько вѣрныхъ понятій, — сообразятъ послѣ того: было ли въ дѣйствительности что-либо достожелательное и достолюбезное въ томъ прошломъ положеніи, о которомъ они тужать и къ которому считали бы за счастье вернуться.

Теперь обратимся къ проектамъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Сколько неосновательны стремленія поправить дѣло во вкусѣ той старины, о которой люди, стремящіеся къ ней, не имѣютъ вѣрнаго понятія, столь же непрактичными представляются и нѣкоторые новые прожекты, предлагающіе различныя мѣропріятія въ самоновѣйшемъ стилѣ. Теперь большой урожай на прожекты, и прожекты новыхъ правилъ, какъ «обуздать прислугу», теперь сочиняются различными лицами «съ воли». Они предлагаютъ свои услуги

настоящимъ дѣльцамъ или безъ всякихъ заднихъ мыслей, — собственно по влеченію сердца и по неутомимой жадѣ принести свою лепту на алтарь отечества, или же съ желаніемъ быть замѣченными и «призванными къ сему дѣлу, съ соотвѣтственнымъ вознагражденіемъ».

Между прожектантами, исходящими отъ такихъ лицъ, есть одинъ очень любопытный. Прожектъ отличается оригинальностью и съ перваго раза кажется, какъ будто онъ написанъ дѣльцомъ въ самомъ настоящемъ русскомъ вкусѣ; но, къ сожалѣнію, если его разобрать и обсудить, то онъ весь начинаетъ разваливаться и отъ него не остается ничего.

Извѣстный мнѣ прожектъ предлагаетъ «установить отношенія хозяевъ съ прислугою не на сомнительной почвѣ выгодъ, а на твердой основѣ страха Божія», при чемъ «страхъ Божій» понимается сочинителемъ не такъ, какъ его слѣдуетъ понимать въ широкомъ смыслѣ, а прямо въ смыслѣ устрашенія или запугиванія.

«Бѣднѣйшимъ классамъ общества, откуда берется прислуга, — говоритъ прожектъ, — надо внушить такой страхъ земныхъ и загробныхъ наказаній, чтобы люди боялись и подумать поступать противъ выгодъ хозяина». Застрашивать прислугу совѣтуютъ Богомъ, Казанскою Его Матерью, огненными серафимами, также апостоломъ Павломъ, повѣлѣвшимъ слугамъ повиноваться своимъ господамъ, и Иоанномъ воиномъ, возвращавшимъ владѣльцамъ бѣжавшихъ отъ нихъ рабовъ, а «въ особенности пророкомъ Ілією, котораго простолюдины уважаютъ за грознаго и боятся его до такой степени, что нигдѣ и ни за что въ его день не работаютъ».

Прожектъ этотъ трактуетъ прислугу совершенно какъ дѣтей, которыхъ легко напугать и потомъ удерживать внушеннымъ имъ страхомъ въ опредѣленной рамкѣ. Быть-можетъ, это до извѣстной степени и справедливо: Казанскую и Ілью пророка нѣкоторые простолюдины, дѣйствительно, боятся, но про Иоанна воина теперь уже мало знаютъ. Но возможная вещь, что если почаще и пострашнѣе объ этомъ говорить простолюдинамъ, то такія устрашенія не останутся безъ вліянія; только не слѣдуетъ ли опасаться, что прожектъ, написанный исключительно въ пользу хозяевъ, къ удивленію автора, болѣе всего будетъ неудобенъ для самихъ же хозяевъ?

Мы позволимъ себѣ указать, гдѣ намъ видится опасность. Проектъ исходитъ изъ того, не совсѣмъ безспорнаго положенія, будто «русскій простолюдинъ воздерживается отъ всего дурнаго *только* страхомъ Божьяго наказанія, которое ожидаетъ встрѣтить въ сей или въ будущей жизни, — иначе онъ сдѣлался бы страшно наглъ и дерзокъ и съ нимъ невозможно было бы управляться». Это не совсѣмъ вѣрно или, по крайней мѣрѣ, это невѣрно въ отношеніи всѣхъ сектантовъ, извѣстныхъ въ народѣ подъ именемъ «спасенныхъ». Таковы молокане, итудисты и тѣ, которые пошли въ Россіи отъ лорда Редстока и В. А. Паникова. Людей этихъ довольно много. Всѣ они вѣрятъ, что они «спасены чрезъ свою вѣру во Христа, искупившаго ихъ Своєю кровію», и потому нимало не боятся ни ада, ни Ильи пророка. Они вѣрятъ, что Іисусъ Христосъ «ихъ спасъ», а Онъ «больше всѣхъ пророковъ». По этой вѣрѣ они живутъ совсѣмъ, «яко неимунціе страха», однакоже, они не только не впадаютъ въ худшіе пороки, чѣмъ другіе прочіе, но, по многимъ свидѣтельствамъ, отличаются примѣрнымъ поведеніемъ.

Сектантовъ этого духа есть довольно между рабочими и между домашнею прислугою, и хозяева дорожатъ ими, какъ хорошими людьми. Стало-быть, не напрасно ли такъ порочить весь русскій народъ, будто съ нимъ *только* и можно управляться не добромъ, а страхомъ?

Съ другой стороны, мы видимъ огромное число русскихъ простолюдиновъ, которые выросли подъ религіознымъ страхомъ и постоянно живутъ въ немъ: они соблюдаютъ все, что имъ внушено, и твердо вѣрятъ въ страшный судъ, и въ сатану, и въ хожденіе по мукамъ, гдѣ дьяволы будутъ предьявлять на нихъ «рукописанія», а между тѣмъ это не безусловно ограждаетъ ихъ отъ уклоненія отъ своихъ христіанскихъ обязанностей. Нерѣдко случается даже, что эти строго наставленные люди совершаютъ самыя гнусныя или самыя звѣрскія преступленія, — и хотя они потомъ въ этомъ каются, но нерѣдко опять скоро падаютъ.

Проектъ говоритъ: «Надо, чтобы церковь какъ можно чаще внушала черни строгія обузданія, — для чего и надлежитъ настоятельно требовать, чтобы хозяева посылали всѣхъ находящихся у нихъ въ услуженіи людей говѣть и исповѣдаться, по крайней мѣрѣ, по однажды въ годъ, и

затѣмъ не только не возбраняли бы имъ ходить по церковнымъ службамъ, но даже сами бы о томъ напоминали и посылали, по крайней мѣрѣ, непременно въ вечеръ субботній ко всенощной и въ день недѣльный къ литургіи, а за хозяевами другихъ исповѣданій, содержащихъ у себя людей православныхъ,—имѣть надзоръ».

Нѣтъ сомнѣнія, что люди, находящіеся въ услуженіи, не откажутся пользоваться еженедѣльно такими отпусками въ субботній вечеръ и въ день недѣльный; но есть ли возможность ручаться, что всѣ слуги, выйдя со двора, придутъ въ церковь, а не пройдутъ мимо церкви и не очутятся въ иныхъ мѣстахъ, не соответственныхъ для молитвенныхъ цѣлей?

Далѣе, приходится сомнѣваться въ томъ, что нынѣшніе хозяева, у которыхъ «скудость» или расчетливость теперь гораздо больше, чѣмъ въ 1719 году, найдутъ возможность исполнить такое требованіе. Люди, у которыхъ всего на все одна прислуга и она служитъ на весь домъ и по всѣмъ должностямъ, безъ сомнѣнія, встрѣтятъ большое неудобство отпускать прислугу два раза въ недѣлю къ богослуженіямъ, ибо тогда хозяевамъ съ цѣлыми семьями, а иногда еще и съ гостями, останется самимъ быть своими слугами.

Не слѣдуетъ ли опасаться, что это всего болѣе не понравится самимъ нанимателямъ и породить новое, очень странное и неблагопріятное для русскихъ людей положеніе: слуга католикъ, и лютеранинъ, и магометанинъ (изъ татаръ), которыхъ не мало въ самомъ Петербургѣ, и которыхъ проектъ оставляетъ безъ усмотрѣнія,—не окажутся ли болѣе удобными, чѣмъ прислуга изъ людей православнаго исповѣданія, и тогда православныхъ станутъ избѣгать или, по крайней мѣрѣ, будутъ предпочитать имъ инославныхъ и иновѣрцевъ,—а отъ этого цѣна прислугѣ изъ иновѣрцевъ возвысится, а люди изъ православныхъ станутъ дешевле?

Вотъ вопросы, отъ которыхъ невозможно отбиться человеку, знающему бытъ и нравы своей страны.

А потому-то упомянутый проектъ, кажется, надо считать неудачнымъ, потому что хотя онъ и благочестивъ, но онъ не благоскусенъ и не благопримѣнителенъ.

Оглавление

XXII ТОМА.

	стр
Некрещеный попъ. Невѣроятное событіе. (Легендарный случай). Разсказъ	3
Владычный судъ. Быль (Изъ недавнихъ воспоминаній). Pendant къ разсказу «На краю свѣта»	55
Язвительный. Изъ Гостомельскихъ воспоминаній Разсказъ чи- новника особыхъ порученій	114
Продуктъ природы.	134
Домашняя челядь. Историческія справки по современному во- просу	150